

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

**CONSTRUCTION
LINGUISTICS**

Ekaterina V. Rakhilina (ed.)

Азбуковник
Москва, 2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

ЛИНГВИСТИКА КОНСТРУКЦИЙ

Ответственный редактор
Е. В. Рахилина

Азбуковник
Москва, 2010

ББК 81.2Рус-5
УДК 811.161.1'37
P27

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 09-04-16210д*

*Данное исследование было выполнено по проекту
«Конструкции и динамика текста» в рамках Программы ОИФН РАН
«Текст во взаимодействии с социокультурной средой:
уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации»*

Рецензенты:

доктор филологических наук Анна А. Зализняк
доктор филологических наук Д. О. Добровольский

Редакционная коллегия:

Е. В. Рахилина (отв. ред.)
Т. И. Резникова

Е. В. Рахилина

P27 Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. —
М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2010. — 584 с.
ISBN 978-5-91172-032-2

В монографии представлены исследования лексических и синтаксических явлений русского языка (в ряде случаев в сопоставлении с другими языками), выполненные в рамках теории «Грамматики конструкций» — бурно развивающегося в настоящее время направления лингвистического анализа, которое позволяет представить синтетическую картину многих языковых фактов. В книге показано также, что многие черты Грамматики конструкций — например, установка на объяснение, содержательный семантический анализ синтаксических явлений и др. — находят прямые параллели в российской лингвистической традиции.

ББК 81.2Рус-5
УДК 811.161.1'37

ISBN 978-5-91172-032-2

© Коллектив авторов, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие составителя	13
Благодарности.....	16
Введение. Грамматика Конструкций: теории, сторонники, близкие идеи (<i>Е. В. Рахилина, Ю. Л. Кузнецова</i>)	18
Вводные замечания.....	18
§ 1. Конструкции в Грамматике конструкций.....	19
§ 2. Чарльз Филлмор: путь к созданию Грамматики конструкций	24
§ 3. Ученики и последователи	30
3.1. А. Голдберг: конструкции и аргументная структура	30
3.2. А. Стефанович и С. Грис: коллострукционный анализ.....	34
3.3. М. Томаселло и А. Голдберг: конструкции в детской речи.....	46
§ 4. В окружении близких идей	49
4.1. Русская традиция	49
4.2. CxG & CG.....	58
§ 5. Оппоненты.....	67
Заключение и — предварение.....	75

Часть I. Конструкции в действии

Глава 1. <i>Тушат-тушат — не потушат</i> : грамматика одной глагольной конструкции (<i>В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина</i>)	83
§ 1. Вводные замечания.....	83
§ 2. Семантика конструкции: общие свойства и ограничения.....	87
2.1. «Прерывистая длительность».....	88
2.2. Отнесенность к прошлому.....	89
2.3. Заключительная ситуация: семантика «нарушенного следствия».....	91
Глава 2. <i>По колено, до плеча</i> : конструкции уровня в типологической перспективе (<i>О. Ю. Шеманаева, Е. В. Рахилина</i>)	95
Введение	95
§ 1. Измерение уровня: фрейм	99
§ 2. Измеряемый объект (X) и параметр измерения (Y).....	100

§ 3. Глагольные конструкции уровня и ограничения на глагол (V).....	102
§ 4. Базовый компонент конструкции: PREP и его аналоги.....	106
4.1. Конструкции с двойными предлогами	106
4.2. Падежные и предложные / послеложные конструкции	113
4.3. Именные атрибутивные конструкции и сложные слова	115
§ 5. К типологии эталонных уровней (Z): части тела и другие части ...	121
5.1. Общие замечания.....	121
5.2. О прототипических и непрототипических маркерах уровня...122	122
5.3. Фронтальность измерения и фасадность	124
5.4. Асимметричность измерения: верхняя vs. нижняя зона	125
5.5. Эталоны и измеряемые объекты	127
5.6. Эталон и проблема номинации.....	128
5.7. Внутренние органы как эталоны	130
5.8. Другие типы эталонных уровней (Z)	132
§ 6. Заключение	135

Глава 3. Анекдот как конструкция

(<i>Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян</i>)	138
§ 1. Введение	138
§ 2. Каламбур как игра конструкций	140
§ 3. Как совмещаются конструкции?	142
§ 4. Каламбурные анекдоты как лингвистические задачи.....	147
§ 5. Заключение	154

Часть II. Грамматика конструкций и модели языка

Глава 1. Русские депиктивы

(<i>Ю. Л. Кузнецова, Е. В. Рахилина</i>)	159
§ 1. Введение	159
1.1. Опыт формально-синтаксического подхода	161
1.2. Опыт семантического подхода.....	162
§ 2. Депиктивная конструкция с творительным.....	167
2.1. Семантика.....	167
2.2. Ограничения на глагол.....	170
§ 3. Конструкция с согласованным определением.....	176
§ 4. Прилагательные и глаголы.....	179
§ 5. Заключение	180

Глава 2. Русская конструкция с предлогом *по*

и проблема неаккузативности (<i>Ю. Л. Кузнецова</i>).....	184
§ 1. Постановка задачи	184
§ 2. Неаккузативность и конструкция с <i>по</i>	187
2.1. О теории неаккузативности	187

2.2. Диагностики неаккузативности в русском языке	189
2.3. Не-неаккузативность: реальная картина употребления дистрибутивов	192
2.4. Числительные в дистрибутивной конструкции: особое поведение?	194
§ 3. Дистрибутивная конструкция и дистрибутивная ситуация	199
3.1. О структуре дистрибутивной ситуации	199
3.2. Счетность множества выбора	201
3.3. Дистрибутивность и устойчивые отношения	203
§ 4. Заключение	217
Глава 3. А был ли концепт? Контейнер и содержимое в русском языке (Е. В. Рахилина)	
§ 1. Постановка задачи	219
§ 2. Атрибутивная конструкция с <i>глубокий</i>	222
§ 3. Конструкции с предлогом <i>в</i>	225
§ 4. Конструкция с предлогом <i>с</i> (комитатив)	229
§ 5. Несколько слов о множественной классификации	233
§ 6. Генитив меры	238
6.1. О терминологии	238
6.2. О семантической доминанте	241
§ 7. Заключение	245
Глава 4. Конструкция с русским родительным и ее формальная интерпретация (Е. В. Рахилина)	
Введение	247
§ 1. Формальный подход к генитивной конструкции	247
§ 2. Прилагательное <i>favourite</i> 'любимый'	249
§ 3. Постановка задачи	251
I. Генитив с именами деятеля	252
§ 1. О семантической структуре имен деятеля	252
§ 2. Ограничения на генитив	254
§ 3. Анализ и объяснение	255
§ 4. Результаты	266
II. Другие генитивные конструкции	268
§ 1. Генитив меры	269
§ 2. Генитив времени	272
§ 3. Части-целые	274
§ 4. Генитив места	276
§ 5. Генитив изображения	278
Заключение	282

Часть III. Конструкции и проблемы описания аргументной структуры

Глава 1. Конструкция с дательным посессивным (<i>Е. В. Рахилина</i>)	289
§ 1. Дательный посессивный падеж и ограничения на его употребление	290
§ 2. Методика исследования глагольных ограничений на употребление ДП	294
§ 3. Семантический анализ глаголов, не допускающих ДП	298
3.1. Глаголы психической каузации	298
3.2. Глаголы адресации	301
3.3. Глаголы восприятия	302
3.4. Глаголы приобретения	302
Послесловие 2010 года	309
Глава 2. Вечная загадка <i>промахнуться</i> (<i>Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян</i>)	309
§ 1. Введение: постановка задачи	309
§ 2. Глаголы движения: прагматика	310
§ 3. Ситуативная семантика: <i>выиграть</i> и <i>проиграть</i>	312
§ 4. Антирезультативы	312
§ 5. Заключение	317
Глава 3. Новая загадка <i>хватать</i> (<i>Е. В. Рахилина, И. Кор Шаин</i>)	318
§ 1. Введение: постановка задачи	318
1.1. <i>Хватать</i> как многозначный глагол	318
1.2. Конструкции с <i>хватать</i>	319
§ 2. Семантика конструкций и сочетаемостные ограничения	321
2.1. POSS	321
2.2. DAT	323
§ 3. Загадка отрицания	326
3.1. Семантика «дополнения» Y' в DAT	327
3.2. Семантика «дополнения» Y" (POSS) в сопоставлении с Y' (DAT)	328
§ 4. О запретах	320
§ 5. Заключение	331

**Часть IV. Грамматикализация, лексикализация
и ребрендинг — способы образования новых конструкций**

Глава 1. Новые конструкции как хорошо забытые старые (<i>О. Н. Ляшевская, Е. В. Рахилина</i>).....	333
§ 1. Постановка задачи	333
§ 2. О семантике конструкции	338
§ 3. Механизмы заимствования и дискурс.....	343
§ 4. Заключение	348
Глава 2. О категории лексической множественности (<i>Е. В. Рахилина, Ли Су Хён</i>)	350
§ 1. Введение: понятие количественного квантификатора	350
§ 2. Грамматикализация количественных лексем	356
§ 3. Семантика количественных значений: ‘БОЛЬШЕ’ из ‘ВЫШЕ’?	360
§ 4. Другие регулярные механизмы метафоризации количественных значений	366
4.1. Еще одна статическая метафора: источник — вместилища	366
4.2. Динамическая метафора: источник — движущиеся массы	372
§ 5. Значения лексической множественности в русском языке	381
§ 6. Заключение	391
Глава 3. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг (<i>Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, О. С. Карпова</i>).....	396
§ 1. Введение: о задаче	396
§ 2. Метафоры и метонимии в прилагательных	400
2.1. Общие представления	400
2.2. Метафора	401
2.3. Метонимия	404
§ 3. Семантические сдвиги в прилагательных.....	409
3.1. Метафоры прилагательных.....	409
3.2. Метонимия в прилагательных	413
§ 4. Метафора и метонимия в действии: семантические сети	422
§ 5. Ребрендинг.....	426
5.1. <i>Грубый</i>	427
5.2. <i>Дикий</i>	428
5.3. <i>Активный</i>	430
5.4. <i>Дружный</i>	430
5.5. <i>Богатый</i>	431
5.6. <i>Здоровый</i>	433
5.7. <i>Густой</i>	436

5.8. <i>Бледный</i>	438
5.9. <i>Противный</i>	439
5.10. <i>Редкий</i>	442
5.11. Другие иллюстрации и типы ребрендинга.....	443
5.12. Механизм ребрендинга: особенности.....	445
§ 6. Грамматикализация — как ребрендинг.....	450
§ 7. Вместо заключения.....	453
Глава 4. Типология преобразования конструкций: предикаты боли (<i>Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова,</i> <i>А. А. Бонч-Осмоловская</i>).....	
§ 1. Введение. О задаче.....	456
§ 2. О материале и методике его сбора.....	460
§ 3. Конструкции с собственно-болевыми глаголами.....	463
3.1. Глаголы локальной боли VS. глаголы плохого самочувствия.....	463
3.2. Способы лексикализации.....	465
3.3. Стаивность как свойство болевой зоны.....	467
3.4. Синтаксические свойства собственно-болевых предикатов.....	468
§ 4. Семантические источники предикатов боли и потери функциональности.....	476
4.1. Боль и потеря функциональности.....	476
4.2. Горение.....	477
4.3. Разрушение и деформация.....	478
4.4. Звук.....	479
4.5. Движение и каузация движения.....	480
4.6. Потеря функциональности.....	481
4.7. Боль и эмоции.....	483
4.8. О классификации полей-источников физической боли.....	484
§ 5. Морфологические механизмы стативизации.....	486
5.1. Общие замечания.....	486
5.2. Дуративная стратегия.....	487
5.3. Результативная стратегия.....	488
5.4. Перестройка парадигм.....	489
5.5. Дуративы или результативы? — проблема выбора.....	491
5.6. Дуративно-результативная шкала.....	493
5.7. Некоторые уточнения к структуре шкалы: таксономия и акциональность.....	496
5.8. Проспективная стратегия.....	499
5.9. Морфологическое маркирование: итоги.....	502
§ 6. Морфосинтаксис: смена лексико-грамматического класса как средство стативизации.....	503
6.1. Общие замечания.....	503

6.2. Отглагольные прилагательные (причастия).....	504
6.3. Отглагольные существительные	507
6.4. Номинализация в японском: особый путь эволюции	510
§ 7. Синтаксические инструменты стативизации	512
7.1. Предварительные замечания	512
7.2. Тип (a): Source _{intrans} → Goal _{intrans}	516
7.3. Тип (b): Source _{trans} → Goal _{trans}	518
7.4. Тип (c): Source _{trans} → Goal _{intrans}	520
7.5. Тип (d): Source _{intrans} → Goal _{trans}	522
7.6. Эффекты вариативности синтаксического оформления	523
7.7. Синтаксическое маркирование: итоги	526
§ 8. Механизмы семантического сдвига: ребрендинг	527
8.1. Вводные замечания.....	527
8.2. Метафора и метонимия в болевых конструкциях.....	528
8.3. Не-метафора и не-метонимия: ребрендинг	530
8.4. О градуальности изменений болевой зоны	532
8.5. Итоги и перспективы: глагольный ребрендинг за пределами болевой зоны	535
§ 9. Выводы	539
Вместо заключения	541
Литература.....	542
Указатель терминов.....	573
Summary	582

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Эта книга составлена из работ, так или иначе связанных с лингвистическим описанием особых единиц языка: конструкций. Особенность их в том, что они не элементарны, то есть состоят из нескольких более простых единиц, а функционируют как единое целое. Весь прошлый век лингвистика была сосредоточена на поиске своих «элементарных частиц» — фонем, морфем, аргументных отношений, сем и т. д. В то время казалось, что именно они представляют главную загадку — сложные же единицы образуются композиционально: как сумма простых с учетом их синтаксических отношений. Но сложные единицы оказались сложнее и интереснее. Оказалось, они образуются не взаимодействием, а *взаимопроникновением* своих составных компонентов. Как именно это происходит? Вот этой проблеме книга и посвящена.

Теоретические ее основания составляют все те теории, в которых конструкциям уделялось внимание. Прежде всего это теория Грамматики конструкций Ч. Филлмора, которая успешно развивается во всем мире с середины 1980-х и в которой конструкция является главным объектом описания. Между тем, сам Ч. Филлмор нередко ссылается на российские работы — прежде всего, касающиеся описания так называемых лексических функций. И действительно, в рамках модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» в свое время были сделаны интереснейшие наблюдения над этим классом языковых явлений — хотя и под другими именами (фразаема, модель управления, параметр и др.) и построен целый ряд их классификаций. Но термин «конструкция» гораздо старше — с некоторой долей условности можно считать, что он использовался в лингвистике всегда. Так, если говорить о традиционной русистике, то понятием «конструкция» всегда оперировала, например, Академическая грамматика, да и сама Н. Ю. Шведова посвятила конструкциям книгу («Очерки по синтаксису русской разговорной речи») — трудно поверить — 1960 года.

Конечно, всегда важно, что именно вкладывается в данный термин. Между тем, как кажется, его общая идея от автора к автору не меняется: в семантике этого слова как бы заложена идея цельности, единства, а это и есть главное. И все-таки, развернутую теоретическую интерпретацию этому свойству конструкций, по-видимому, дал именно Ч. Филлмор. Он объяснил, что не только рекурсия, но и ожидаемое заполнение переменных представителями того же синтаксического класса на материале конструкций невозможно: и в употреблении конструкции, и при заполнении любой ее переменной нас ждут самые неожиданные (на первый взгляд) ограничения, обусловленные как раз результатом взаимодействия компонентов на всех уровнях — от просодического до лексико-семантического и прагматического. А так как конструкциями пронизан весь язык, и всё в нем — конструкции, если только это не обрывок словосочетания или предложения и не осколок — недорасслышанное или недопроизнесенное слово, то вся эта тематика приобретает особенную остроту.

Практика такова, что сегодня конструкциями занимаются тысячи лингвистов в самых разных странах мира. Достижения в этой области уже нельзя игнорировать — их приходится встраивать во все лингвистические теории, независимо от их исходных постулатов, смиряясь с тем, что факты требуют признать теснейшую связь языковой семантики и языковой формы и поступиться принципами (и даже параметрами). Проще всего специалистам по семантике — и в особенности лексикологам: они всегда, что называется, «говорили прозой». Поэтому несколько статей, включенных в этот сборник, в своем начальном варианте были написаны еще до официального «открытия» теории Грамматики конструкций или по крайней мере до того, как эта теория стала известна их авторам. С другой стороны, в рамки Грамматики конструкций хорошо вписывается и философия корпусных исследований — а это работы самого последнего времени, и они тоже вошли в этот сборник.

Честно говоря, мне давно хотелось сделать такую книгу — о конструкциях, что называется, «в действии» (ср. «Constructions at work» — заглавие известной монографии Адель Голдберг, одного из теоретиков Грамматики конструкций нового поколения), и при этом на материале русского языка. Но не просто составить сбор-

ник описаний конкретного языкового материала, который укладывается в новую теорию, а выбрать такие описания, где бы поднимались существенные для лингвистики в целом теоретические вопросы и развивался другой взгляд на них — сквозь призму конструкций. Таких работ, по-видимому, уже довольно много — может быть, нужен не один сборник, а целая серия? Пока это сборник работ, которые я сама хорошо знаю — моих собственных, моих учеников и коллег по совместным проектам. Некоторые из этих статей были в разное время в каком-то варианте опубликованы — по большей части в малодоступных изданиях. Собранные под одной обложкой, они, как мне кажется, дополняют и проясняют друг друга, соединяясь в целое, и если использовать лингвистическую метафору, то, наверное, тоже образуют конструкцию :).

Е. В. Рахилина

БЛАГОДАРНОСТИ

Как инициатор проекта этой книги и ее составитель, я хотела бы поблагодарить всех, кто причастен к ее созданию.

Во-первых, ее авторов — и моих соавторов — за то, что было так интересно и радостно работать с ними рядом и учиться у них: Юлию Кузнецову, Татьяну Резникову, Ольгу Ляшевскую, Анастасию Бонч-Осмоловскую, Ирину Кор-Шаин, Ли Су Хён, Ольгу Шеманаеву, Ольгу Карпову, а также моего мужа В. А. Плунгяна.

Во-вторых, всех участников коллективных проектов, работа над которыми так или иначе отражена в этой книге: это проекты NSF под руководством Барбары Парти, проект INTAS под руководством Марии Копчевской-Тамм, мой собственный проект РФФИ по семантике прилагательных, проекты РГНФ и РФФИ по типологии глаголов боли А. А. Бонч-Осмоловской и А. В. Костыркина (подробные ссылки даны при соответствующих главах).

В-третьих, официальных рецензентов книги, Анну А. Зализняк и Д. О. Добровольского, а также анонимных экспертов РГНФ, рекомендовавших ее к печати — и всех тех, кто заинтересованно обсуждал и критиковал идеи, здесь изложенные, читая первые варианты статей, превратившихся потом в ее главы, или слушая в разные годы доклады по отдельным ее разделам на конференциях и московских семинарах под руководством Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Т. М. Николаевой, а также на Летних типологических школах в Литве под руководством Акселя Хольвута. В особенности хочу поблагодарить С. С. Сая, Ю. Д. Апресяна, Б. Х. Парти, В. Б. Борщева, Е. В. Падучеву, Г. И. Кустову, Ю. А. Ландера, П. В. Гращенкова, А. Э. Гращенкову, С.М. Толстую, А. С. Архипову, В. А. Успенского, Д. А. Паперно, А. Д. Шмелева, а также Э. Даля, М. Копчевскую-Тамм, Э. Траугот, М. Хаспельмата, Т. Кутеву, С. Лёбнера, М. Бауерман, Л. Янду и Т. Нессета. Благодаря их критике и замечаниям удалось исправить многие ошибки и улучшить текст.

А еще мне хотелось бы сказать спасибо студентам, аспирантам и просто участникам моих семинаров в РГГУ и МГУ: это то научное и человеческое общение, которое всегда доставляло мне радость и вдохновляло и меня, и других авторов этой книги.

Особенное спасибо — моей семье: маме, мужу и детям, стойко поддерживавшим меня весь долгий период работы над рукописью. Моя старшая дочь Надя сделала иллюстрации и обложку — с фрагментами из чертежей моего папы, который тоже занимался конструкциями — только самолетов «Ил».

У этой книги есть редактор: это один из моих соавторов, сотрудников, друзей (и даже, наверное, соратников) — Таня Резникова. Она проделала огромную работу, чтобы рукопись стала книгой и очень помогла мне. Спасибо ей большое.

Книга сверстана В. Ю. Гусевым, который делает макеты так же легко, красиво и профессионально, как и свои собственные лингвистические проекты.

Я благодарю издательство «Азбуковник», терпеливо дожидавшееся рукописи.

Введение

ГРАММАТИКА КОНСТРУКЦИЙ: ТЕОРИЯ, СТОРОННИКИ, БЛИЗКИЕ ИДЕИ

Вводные замечания

Эту — первую — часть книги можно с некоторой долей условности считать обзорной. В ней пойдет речь о разных концепциях, описаниях и теориях языка, так или иначе обсуждающих проблематику конструкций, — и прежде всего о теории Грамматики конструкций, родоначальником которой, как уже было сказано в предисловии, является хорошо известный российскому читателю лингвист Чарльз Филлмор. Его концепцию, как главный объект нашего обзора, мы рассмотрим максимально подробно — сначала в целом (§1), затем в контексте других идей Филлмора (§2), в отдельных аспектах, отраженных в трудах учеников и последователей (§3), в сопоставлении с близкими традициями (§4), а также в отзывах оппонентов (§5). В Заключении мы обозначим те положения этой теории, которые затем представим подробнее и проиллюстрируем новым языковым материалом — в следующих главах этой книги.

Теория Грамматики Конструкций (или Construction Grammar, а сокращенно CxG¹) была предложена в конце восьмидесятых годов — именно с этого времени данный термин начинает фигурировать в лекциях и публичных выступлениях ее автора, однако он сам пока не выпустил монографии с подробным описанием своей новой теории². Но Ч. Филлмор — особый человек. Он и вообще пишет довольно мало — например, у него практически нет книг. Другое дело, что несколько лет назад издательство The University

¹ Об этом сокращении см. также ниже раздел 4.2.

² Работу Fillmore, Kay 1992, на которую иногда ссылаются, можно рассматривать исключительно как самое простое методическое пособие в помощь начинающим.

of Chicago Press объявило о скором выпуске в свет монографии под названием «Construction Grammar», в создании которой кроме Чарльза Филлмора будут участвовать Пол Кей, Айвен Саг и Лора Микаэлис³, но пока эта книга еще не вышла. Поэтому в основном информация о СxG исходит от учеников и последователей Ч. Филлмора, посвятивших свои работы тому или иному аспекту теории, или из его собственных кратких статей, представляющих конкретные ее результаты, то есть описания отдельных конструкций английского языка, ср., например, Croft 2001; Fried, Östman (eds.) 2004; Fried, Boas (eds.) 2005; Goldberg 1995, 2006; Östman, Fried (eds.) 2005; Tomasello 2003 и мн. др., а также Fillmore 1986, 1988, 1989, 1999 и др.; ср. также ниже.

§ 1. Конструкции в Грамматике конструкций

Итак, основной единицей языка, согласно СxG, является конструкция, в частности конструкция оказывается в центре внимания при изучении синтаксиса и семантики. При этом под конструкцией понимается «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей»⁴. Конструкциями считаются языковые единицы любого уровня, если они обладают формой и содержанием, так что их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения — в рамках СxG есть работы, описывающие дативные, каузативные, залоговые, предложные, приставочные

³ П. Кей известен прежде всего как исследователь цветообозначений, ср. знаменитую работу Berlin, Kay 1969, положившую начало семантической типологии цвета; А. Саг — профессор Стенфордского университета, который в соавторстве с Томасом Васовым является автором другой известной лингвистической теории — вершинной грамматики составляющих (HPSG); Л. Микаэлис — профессор университета Колорадо, ученица Филлмора, которая исследует взаимодействие между словами и конструкциями в диалоге, в частности способы выражения в языке времени и вида.

⁴ Ср.: «C is a CONSTRUCTION iff_{def} C is a form-meaning pair $\langle F_i, S_i \rangle$ such that some aspect of F_i or some aspect of S_i is not strictly predictable from C's component parts or from other previously established constructions» (Goldberg 1995:4); см. также обзорную статью Рахилина 2002.

конструкции и т. д. Одной из самых известных статей, посвященных конструкциям, является статья Fillmore et al. 1988. В ней на примере английского *let alone* (на русский это выражение можно перевести фраземой ‘не говоря <уж> о’) авторы продемонстрировали, как, с их точки зрения, должен проводиться анализ конструкции в качестве единицы грамматического описания.

На *синтаксическом* уровне компонент *let alone* связывает две синтаксически равноправные единицы (А и В) и задает соотношение между ними. Однако для появления всего этого комплекса в тексте необходим еще один элемент (С), отрицающий пропозицию в подчиненном предложении, ср., например, *I doubt* ‘я сомневаюсь’:

I doubt (С) *he made colonel* (А) *let alone general* (В).

‘Я сомневаюсь, что он стал полковником, не говоря уж о генерале’.

Семантически конструкция *LET ALONE* подразумевает шкалу, на которой расположены варианты развития событий, причем первая пропозиция (А) представляет более слабое предположение, чем второе (В). Следовательно, ее семантику можно описать приблизительно так: ‘каковы бы ни были наши причины сомневаться в истинности А, причины не верить в В еще более серьезны’.

С прагматической точки зрения здесь отвергается более слабое (т. е. более вероятное) предположение, чем то, в котором заинтересован говорящий, — и как следствие, пропозиция, о которой идет речь (‘он является генералом’) отвергается с большей экспрессивной силой, чем если бы она оказалась в сфере действия простого отрицания.

Подробный разбор свойств *LET ALONE*, представленный в статье, является своего рода мастер-классом по анализу языковых выражений. На этом примере можно видеть, что элементы и значения каждого из участвующих в данной конструкции уровней существуют не по отдельности, а в тесной взаимосвязи друг с другом: более слабое предположение, отвергающееся на прагматическом уровне, располагает объекты, появляющиеся на синтаксическом уровне, на шкале, действующей на семантическом уровне. Таким образом, элементы разных уровней не просто свя-

заны — они неотделимы, и интерпретируются во взаимодействии друг с другом. Нередко в «одной упряжке» могут оказаться не только семантико-синтаксические (и прагматические), но и морфологические, и даже фонетические свойства отдельных составляющих⁵. Цельность, единство конструкции как языкового знака, иначе говоря, то, что объяснение одного класса свойств, т. е. ограничений одного уровня, невозможно без обращения к другим уровням, является центральной идеей всей теории СхG. Это положение очень важно, несмотря на свою предельную простоту. Принятие его имеет ряд существенных последствий.

— В первую очередь обратим внимание, что фактически в таком случае речь идет о невозможности автономного синтаксиса (точно так же, как и автономной семантики или морфологии). Все уровни являются взаимосвязанными в том смысле, что никакие элементы или операции не функционируют только на одном из них. Например, нельзя сказать, что данный элемент важен только на синтаксическом уровне, а после того, как заканчивается синтаксическая обработка и начинается, скажем, семантическая, он уже не нужен.

Очень важным для СхG является идея, что анализ на различных уровнях происходит не последовательно, а одновременно, и элементы одного из уровней постоянно доступны и могут взаимодействовать с элементами другого уровня. Более того, очень часто мы не можем формулировать ограничения на компоненты конструкции, делая это последовательно, для каждой переменной отдельно — так сказать, по очереди, потому что взаимосвязанность ее фрагментов на всех уровнях предполагает, что свойства одного компонента выбираются *в зависимости* от каждого из остальных. Это значит, что, теоретически, каждый набор свойств данного компонента определяет для его соседа свой круг ограничений. Новая его реализация — с другим набором свойств — может потребовать эти ограничения радикально пересмотреть — в то время как сама конструкция останется при этом неизменной⁶.

⁵ Такого рода случай обсуждается, например, в Главе 3 Части I (§2).

⁶ Ясную иллюстрацию к этому тезису см. в Главе 1 Части II.

- Другое важное следствие — в том, что форма высказывания оказывается мотивированной. Именно семантика определяет (но не предсказывает) его состав и наполнение, поскольку главное в каждой конструкции — ее значение. Парадокс, однако, состоит в том, что — согласно теории SxG — это значение не складывается непосредственно из значений составляющих единиц и синтаксических связей между ними, как того требует принцип композициональности в том прямом и строгом смысле, в котором его представляли себе логики — Г. Фреге или Р. Монтегю (см. также Partee 1995, Богуславский 1996) — ведь оно, как мы уже говорили, образуется не соположением, т. е. простой суммой, а сложным взаимодействием множества свойств отдельных компонентов. Так что, образно говоря, конструкция похожа на сложенный пазл или решетку sudoku, в которых целое предстает как неделимое, но одновременно и как собранное из отдельных фрагментов: все дело опять-таки в том, что и значение целого, и значение каждого отдельного фрагмента зависит от серий параметров многих других частей.
- Понятно, что такого рода языковые единицы должны быть индивидуальны, специфичны для конкретного языка и их нельзя штамповать набором простых универсальных правил. Одновременно они и универсальны — в том смысле, что пронизывают весь и всякий естественный язык: все человечество говорит конструкциями. В какой степени конструкции разных языков различны и сходны — по-настоящему, это еще только предстоит выяснить, однако уже сейчас видно, что врожденной грамматикой тут явно не обойтись. По представлению теоретиков SxG, простые конструкции запоминаются целиком, так что, вообще говоря, было бы правильно для каждого языка создавать не только словарь слов, но и словари конструкций⁷. Сложные — получаются при взаимодействии простых и в результате операций над ними, но не на базе жестких универсальных правил, а с

⁷ Ср. здесь проект «Constructicon», представляющий именно такой словарь для английского языка в рамках проекта Framenet, подробнее см. Fillmore 2008.

- опорой на общезначимые принципы, причем такие, которые носителю языка не надо специально учить: он осваивает и применяет их в любой когнитивной деятельности.
- Близкие конструкции устроены похоже — чтобы их легче было запоминать и употреблять. Таким образом, в языке конструкции существуют целыми семействами. Нам привычны семейства каузативных конструкций, пассивных, результативных, реципрокальных, но есть и конструкции скорости, дистанции, длительности, затруднения деятельности и др., и внутри каждого такого семейства обнаруживается существенное «семейное» сходство⁸ — опять-таки потому, что их внешнюю оболочку определяет общая семантика. Такое сходство всегда неполно: оно ограничено обязательными семантическими различиями внутри семейства.
 - Между тем семантика языковых единиц, как хорошо известно, изменчива. Это касается и конструкций: понятно, что они тоже должны меняться — причем меняться в целом, т. е. не только семантически, но и морфологически, и синтаксически. Это значит, что грань между синхронией и диахронией, на которой так настаивал структурализм и которая до сих пор существенна для формальных теорий, оказывается настолько зыбкой, что в рамках данного подхода впору о ней забыть: даже если мы занимаемся конструкциями сегодняшнего дня, нам поневоле приходится заглядывать и в прошлое, и в будущее, обращая внимание как на утраты, произошедшие в данном семействе конструкций, так и на новые, только рождающиеся возможности его развития. (Заметим, что специалисты по диахронии, которые по необходимости всегда опирались в своих исследованиях на данные древних языков, то есть, фактически, на корпусные данные, отмечали, что именно в рамках конструкций происходит и должен описываться наиболее значительный процесс языковых изменений — грамматикализация, см. об

⁸ Подробнее см., например, в статье Croft 2009; ее краткий обзор дается в §5 настоящего Введения. На русском материале эта проблема рассматривается в Главе 1 Части IV этой книги на примере семейства конструкций с семантикой затруднения (*проблема с* и др. под.).

этом в обзоре Майсак 2005, а также Bybee et al. 1994, Dahl 2004/2009 и др.)

Получается, что именно изменчивая природа конструкций как раз и дает возможность языку гибко и плавно изменяться, не теряя связи со своим предшествующим временным срезом. С лингвистической точки зрения очень важно знать, какие именно свойства языка это движение захватывает, как в точности происходит такая перестройка, насколько она связана с такими известными типами семантических переходов, как метафора или метонимия, — и здесь мы делаем пока первые шаги⁹.

Однако все эти аспекты языка остаются очень мало изученными, поскольку лингвисты в большинстве своем осваивали пока лишь внешние атрибуты языка — так сказать, «фасад» этого известного «черного ящика»: фонетические особенности, грамматические показатели, порядок слов, согласование, сложные и простые предложения, но постепенно, к концу XX века, пришло время все эти сведения объединить и связать. И тут оказалось, что поиск ответов на многие вопросы упирается в наше незнание семантики языковых единиц — начиная с морфем, слов, неоднословных фразеологизмов и заканчивая семантическими принципами построения предложений и текстов самого разного типа, т. е. того, что называется дискурсивной семантикой.

Сказанное верно для истории лингвистики в целом. Но ведь есть и исключения — например, сам Чарльз Филлмор.

§ 2. Чарльз Филлмор: путь к созданию Грамматики конструкций

Научная жизнь ученого, как правило, длиннее жизни научной парадигмы. Парадигма меняется относительно быстро: двадцать лет — небольшой срок, а потом открываются новые факты и области исследования, выдвигаются новые теории и — складывается новая парадигма. Есть два способа на это реагировать: или радикально менять «текущую теорию», без сожаления отказываясь

⁹ В нашей книге специально обсуждению этой проблемы посвящена Глава 3 Части IV, а также, на другом языковом материале, Глава 4 этой же части).

от того, чем занимался сначала в 20, потом в 40, потом в 60..., или оставаться верным себе, пытаясь облечь новый материал в старые формы. Хомский, скорее, выбрал первый путь. Мельчук — скорее, второй. А вот Филлмору ничего не пришлось выбирать, как если бы он знал заранее, в каком направлении будет развиваться наука: его старые идеи никак не противоречат теориям сегодняшнего дня.

В 60-е годы он придумал глубинные падежи и падежные рамки (Fillmore 1968a). Сегодня это азы синтаксической семантики: аргументная структура (Grimshaw 1990, Dowty 1989, Jackendoff 1990, Askerman, Moore 2001), тета-роли (Chomsky 1981), глубинный синтаксис Московской семантической школы (Мельчук 1974, Апресян 1974, Mel'čuk 2004) — и, конечно, основа описания любой предикатной конструкции. Потом, в 70-е, он много сделал (ср., например, Fillmore 1971, 1985), чтобы в лингвистический оборот вошли пресуппозиции (или, в другой терминологии, презумпции) и ассерции как простейшее средство ранжирования информации в структуре толкования. При этом он не просто заимствовал эти понятия у логиков, для которых важнейшим в определении пресуппозиции был тест на сферу действия отрицания: ассерция — то, что подпадает под отрицание, а пресуппозиция — то, что не попадает¹⁰. По отношению к естественно-языковому материалу такое определение явно недостаточно, поэтому, сохранив название, Филлмор практически переосмыслил эти понятия, применяя их к неотрицаемым выражениям (которых в языке, в отличие от логических форм, довольно много), таким как *land* или *ground* ('земля'), *shore* или *coast* ('берег') [1982, 1985]¹¹. Та-

¹⁰ Ср. хрестоматийные примеры типа *не нашел свои очки*: 'не верно, что **нашел**' (это — ассерция, которая, по определению, подпадает под отрицание), но при этом '**искал**' (это тоже компонент смысла того же высказывания, но он не отрицается и имеет статус презумпции).

¹¹ Оказалось, что английский концепт земля-*land* входит во фрейм, связанный с водой (а значит, если бы мы решили искать ему лексическое соответствие в русском языке, это была бы «суша»), тогда как земля-*ground*, будучи противопоставлена воздуху, принадлежит совершенно другому фрейму (и соответственно, на русский не может переводиться как «суша», только как «земля»). Со своей стороны, берег-*shore* противопоставлен воде, тогда как берег-*coast* концептуализуется как крайняя, ближняя к воде часть суши (что в переводе на русский можно

ким образом, из логических конструкторов, полученных в результате действия одного частного оператора, пресуппозиция и ассерция в этом расширенном понимании превратились в важнейший инструмент (коммуникативной) организации семантической информации в толковании — не правда ли, это очень современный взгляд на вещи?

А еще на счету его научных открытий — глагольный дейксис: знаменитая проблема различий между английскими *come* и *go* (а также французскими *aller* и *venir* или русскими *приходить* и *уходить* и под.); первые его публикации на эту тему датируются 60-ми годами (Fillmore 1968b), ср. также Fillmore 1975 и 1983, а небольшая книжечка лекций о дейксисе в красивом переиздании вышла гораздо позднее (Fillmore 1997). В семантике этих глаголов, помимо движущегося субъекта, исходной и конечной точки движения, «обнаружился» говорящий, или его двойник — *viewer*, *observer*, ср. также термин *vantage point* (в русской традиции — *наблюдатель* — термин, независимо введенный в лингвистическую практику Ю. Д. Апресяном, см. ниже), который «следил» за движением либо из его начальной, либо из его конечной точки, в зависимости от лексемы. Таким образом, получилось, что предикатная структура таких глаголов включает в себя не только «глубинные падежи», ранг которых в дополнение к семантике самих падежных ролей определен еще и презумптивно-ассертивной структурой, но вдобавок и дополнительного участника — наблюдателя, который, имея несколько другой статус, легко в нее встраивается, правда, несколько усложняя предикатную конструкцию. Эта идея Ч. Филлмора широко обсуждалась и уточнялась, ср., например, Wilkins, Hill 1995 и цитируемую там литературу, так что в целом понятие наблюдателя утвердилось в лингвистике¹², хотя, видимо, и по сей день недооценено.

передать как «побережье»). Эти скрытые в семантике лексем противопоставления содержат очень существенную информацию, она никуда не утрачивается ни при действии отрицания, ни других операторов и представляет ясный и живой пример лингвистической презумпции в непредикатной лексике (о других, более «стандартных» применениях этого термина см., например, в Падучева 1985/2010).

¹² Для иллюстрации к сказанному приведем, например, следующую цитату из материалов обычного американского университетского курса

Как кажется, наибольшее (и в очень значительной степени самостоятельное) развитие оно получило как раз в Московской семантической школе. В пионерской работе Ю. Д. Апресяна, опубликованной в журнале «Семиотика и информатика» в 1986 году (Апресян 1986), обсуждалось, в частности, взаимодействие этого типа дейктической информации с грамматическими значениями. Еще раньше (Апресян 1980) Ю. Д. Апресян ввел в лингвистический обиход русскоязычной читательской аудитории примеры типа *дорога неожиданно повернула*, с не статичным, как у Филлмора, а движущимся наблюдателем, как бы идущим по дороге и отслеживающим изменения ее траектории. Другой его знаменитый пример — *на дороге показался всадник*, — с обязательным для успешности высказывания «обычным» наблюдателем-зрителем, расширил круг «дейктических» предикатов. Его идеи затем развивались — прежде всего в работах Е. В. Падучевой (ср. Падучева 1996), в том числе при формализации конструкции с родительным субъекта и объекта под отрицанием (Падучева 1997 и др.), а также Г. И. Кустовой (2004). Если принять точку зрения этих исследователей, то она, с одной стороны, отдалит лингвистическую семантику от своего источника — логики предикатов, а с другой — сделает ее описание более цельным, так как в конечном счете именно наблюдатель расставляет в предикации коммуника-

(автор — преподаватель университета в Северной Каролине William G. Lycan):

«And some locutions presuppose a kind of **vantage point**, often distinct from the place of actual utterance, that can shift even within a single sentence (Fillmore 1975; Taylor 1988). Take

(A) i. *Zonker went to Uncle Duke's party.*

ii. *Zonker came to Uncle Duke's party.*

(B) *I'm going out to clean the pasture spring; ... — You come too* (Robert Frost, "The Pasture")

(A.i) and (A.ii) can have the same truth condition, but (A.ii) can be said properly only by a speaker whose assumed vantage point is the party location itself. (Note too that what counts is the vantage point at the time of the party under discussion, not at the time of utterance; this is yet another context variable, usually called the reference time.) In (B), the vantage point shifts fluidly from the place of utterance to the pasture spring, or at least to somewhere along the journey at which the speaker is pictured as being ahead of the hearer».

тивные оценки, именно он ранжирует участников ситуации — по своему усмотрению.

Впрочем (и это тоже отмечал в свое время Ч. Филлмор), наблюдатель может присутствовать и в семантическом представлении непредикатных имен — потому что семантически свойства лексики, конечно, едины. Речь идет о признаке, который в работах Ю. Д. Апресяна (см., например, Апресян, 1969а, 1974/1995: 110, 1980/1995: 40), со ссылкой на Fillmore 1969, получил название «фасадность» и который присутствует в семантике многих конкретных имен. Он заставляет нас описывать эти имена как пространственно асимметричные, имеющие разные торцовые поверхности — лицевую, т. е. фасадную, и заднюю, нефасадную. Физические свойства этих поверхностей могут быть совершенно тождественны — несимметричность им обеспечивает фиксированная позиция воображаемого наблюдателя (не всегда совпадающего с говорящим), встроенного в семантику такого рода имен, которая отражается в их лингвистическом поведении, ярче всего — в предложных контекстах, ср. *перед домом*, т. е. ‘с лицевой, фасадной, наблюдаемой стороны’ VS. *за домом*, т. е. ‘с нефасадной, «невидной» наблюдателю задней стороны’.

Для сегодняшней лингвистики развитие темы дейксиса, отраженного в лексике, грамматике и в конструкциях в целом чрезвычайно актуально. Основываясь на достижениях Филлмора и его последователей, мы обнаруживаем новые и новые факты, открывающие роль дейксиса в самых разных слоях языка (ср., например, Апресян 2009: 84 и след., см. также Главу 2 Части IV этой книги). Наблюдатель, как оказывается, «прячется» буквально в каждой конструкции — чтобы организовывать высказывание коммуникативно, т. е. чтобы из текста рождался дискурс.

Из всего сказанного видно, что Филлмор как теоретик никогда не был структуралистом или генеративистом, как того требовало его время и окружение, и тем более не пытался вписаться в какие-то новые тренды типа минимализма — у него получалось идти своим путем, всегда чуть-чуть опережая свое время. Можно сказать, что этот «маршрут» привел его к Грамматике конструкций. А можно — что он выбрал конструкции как объект исследования с самого начала, а потом, когда пришло время, просто сформулировал некоторые свои теоретические идеи. Удача состо-

ит в том, что его (в сущности, тихий) голос всегда был слышен в общем лингвистическом хоре и сразу подхватывался. Очевидно, впрочем, что здесь сыграла роль не только удача: сами идеи были слишком нестандартны и привлекательны.

Для понимания связи работ Филлмора разных периодов важно, что любая его статья всегда представляет новый нестандартный языковой материал — языковые факты занимают его в гораздо большей степени, чем абстрактные построения. Поэтому так естествен был его энтузиазм в наступившую корпусную эпоху (ср. Fillmore 1992): мгновенно оценив новые возможности, он тут же принял участие в корпусных словарных проектах (ср. Fillmore, Atkins 1992; 1994), а затем предложил и свой проект, развивающийся по сей день: это FRAMENET, посвященный созданию корпуса с размеченными семантическими ролями, см. <http://framenet.icsi.berkeley.edu>; ср. также Lowe et al. 1997 — и таким образом, здесь опять «старые» теоретические разработки Филлмора соединились с «новыми», причем уже прикладными. Сегодня FRAMENET строится не только для английского, но и для других языков — французского, немецкого, чешского, испанского и др. — с тем, чтобы с помощью анализа глагольных конструкций сравнивать лексику разных языков — теперь это направление исследований называется лексической типологией (ср. Майсак, Рахилина (ред.) 2007, Кортјевскаја-Тамм 2008), но в 2000-м году, когда вышла статья Fillmore, Atkins 2000, этого термина в современном семантическом понимании, пожалуй, еще не было¹³. Между тем на самом деле эта небольшая по объему статья, построенная всего лишь как описание одного английского глагола (*crawl* ‘ползти’) в сравнении с французским, предлагает алгоритм лексико-типологических исследований, основанный на сравнении конструкций как поверхностных реализаций набора элементарных для данной предметной области фреймов. Именно набор конструкций дает представление о «семантическом объеме» лексемы в выбранном языке, о том, богата или бедна в нем данная лексическая зона (подробнее см. Рахилина, Плунгян 2007).

¹³ Статья К. Леманна под названием «Towards lexical typology» (Lehmann 1990) апеллировала не к семантическим параметрам, а к синтаксическим, частеречным свойствам лексики.

Мы говорили о лингвистических идеях Ч. Филлмора и их связи с Грамматикой конструкций. И получилось, что с самого начала пойдя, что называется, своим путем, развивая свои собственные идеи и постепенно расширяя поле их применения, вводя в оборот новый языковой материал, Филлмор предложил концепцию практически универсального лингвистического инструмента, который пригодится и при построении грамматик, и при составлении словарей, и в типологии, и при обучении иностранному языку, и при работе с детской речью, и в прикладных разработках, связанных с автоматическим анализом текста. За ним, как мы видели в §1, стоят совершенно ясные теоретические постулаты и представления о языке, и он имеет немало последователей-теоретиков. Некоторые из них уже внесли в теорию настолько существенный вклад, что с их именами СxG связана теперь уже не менее тесно, чем с именем Филлмора.

§ 3. Ученики и последователи

3.1. Адель Голдберг: конструкции и аргументная структура

Монография ученицы Ч. Филлмора *Адели Голдберг* (Adele E. Goldberg, Принстонский университет, США) под названием «Конструкции: взгляд на аргументную структуру с позиций Грамматики конструкций» (Goldberg 1995) по-прежнему является наиболее авторитетным введением в СxG, хотя и вышла в 1995 году. Продолжение и развитие (в том числе и на материале исследований по детской речи) идеи этой книги получили в Goldberg 2006 (об этой книге см. также в разделах 3.3, 4.2 и § 5). Главная и наиболее революционная с точки зрения лингвистической традиции мысль автора этих работ такова: именные группы, относящиеся к участникам ситуации, должны, вопреки утверждению большинства современных теорий, описываться не как актанты глагола, а как элементы глагольных конструкций. Наравне с ними, точно таким же элементом конструкции, по мнению А.Голдберг, является и сам глагол. Подобная точка зрения действительно хорошо укладывается в концепцию СxG, как она была изложена выше, потому что идея взаимозависимости ограничений на разные компоненты конструкции ставит их, так сказать, в равные условия, ли-

шая глагол главенствующей роли, а описание глагольной конструкции — глаголоцентричности.

В большинстве канонических случаев предлагаемый Голдберг анализ простого предложения дает результат, в принципе, сопоставимый с традиционным описанием. Однако есть и такие языковые эффекты, которые гораздо легче описать, находясь в рамках СхG, и прежде всего это касается вариативности управления, как в: *ударить кулаком по столу* и *ударить в барабан* или: *бросать камни* и *бросать камнями*.

Действительно, если, следуя глаголоцентричной точке зрения, считать, что актанты задаются глаголом, то самым последовательным решением будет постулировать в такого рода случаях по два разных глагола с разными моделями управления — но это решение далеко не всегда соответствует интуиции носителя языка. Так, для приведенных конструкций с *ударить* и в самом деле можно было бы предложить разные толкования глагола, если принять, что в *ударить кулаком по столу* употреблен глагол контакта, сопровождающегося звуковым эффектом, а в *ударить в барабан* — глагол специального способа игры на музыкальном инструменте, сопровождающейся контактом с поверхностью инструмента. Однако для пары *бросать камни* — *бросать камнями* подобное решение уже гораздо менее убедительно: здесь значение самого глагола в обоих употреблениях практически одинаково, и различается только оформление его актантов. Особенность СхG состоит в том, что в рамках этой теории нет необходимости словарно разделять употребления с разным оформлением актантов: словарно разделяются конструкции, и речь идет об использовании одного и того же глагола — просто в разных конструкциях. Тогда и про глагол *ударить* в приведенных выше примерах можно сказать, что он имеет одно значение, но в первом примере был употреблен в конструкции со значением контакта, а во втором — в конструкции со значением извлечения звука.

Важнейший класс случаев, в котором теория грамматики конструкций демонстрирует явные преимущества перед традиционным глаголоцентричным описанием, это частотные окказиональные употребления лексем. Всем известно, что многие глаголы могут время от времени встречаться вместе с такими актантами, которые никак не соответствуют их модели управления — напри-

мер, русский глагол *гулять* окказионально употребляется в каузативном значении, ср. *гулять собаку*. Вообще говоря, у самого глагола *гулять* нет валентности, позволяющей присоединить дополнение в винительном падеже, он непереходный, — тем не менее, примеры его переходного употребления типа приведенного выше хорошо засвидетельствованы и понятны любому носителю русского языка. Точно так же устроен английский пример неканонического употребления исходно непереходного глагола *sneeze* ‘чихать’, ставший классическим после выхода книги Голдберг: *to sneeze the napkin off the table* ‘счихнуть салфетку со стола’. Опять-таки, если придерживаться буквы глаголоцентричной теории, нужно завести по две словарные статьи и для русского, и для английского глаголов, в одном случае как для непереходного, а в другом — как для переходного.

Однако очевидно, что носитель языка не противопоставляет эти употребления так радикально, как это вынужден делать словарь. Скорее, говорящий опирается на некоторый общий механизм, позволяющий ему и порождать, и анализировать такие примеры — и теория СxG легко может их объяснить, апеллируя к специфическим свойствам конструкций. Необычность этих примеров (ведь они, хотя и совершенно понятны, все равно являются окказионализмами) объясняется тем, что ни русская, ни английская каузативные конструкции обычно не допускают употребления подобных лексем, потому что они нарушают ограничения на семантический тип глагола. Однако, по мнению Голдберг, эти нарушения не произвольны, они подчиняются общей стратегии построения конструкций: «нарушители» имеют возможность окказионально употребляться в конструкции, **перестроив** свою семантику так, чтобы она стала соответствовать ее общему значению. Теоретики говорят, что такая перестройка *вынуждается* конструкцией [= *is coerced*], ср. здесь термин *coercion*, который широко используется в литературе по СxG¹⁴. В частности, глагол

¹⁴ Согласно одному из главных сторонников и пропагандистов СxG, Л. Микаэлис (см. Michaelis 2004 и 2005), этот термин пришел из работ Р. Джекендоффа (Jackendoff 1990) и Б. Парти (Partee 1986), где также использовался для описания изменений в поведении языковой единицы под воздействием контекста; ср. также Partee 1995 и 2007.

sneeze может специально для переходных употреблений активировать идею перемещения воздуха при чихании как причину каузации — и благодаря этому «вписаться» в конструкцию каузации движения. Таким образом, СхG берется не только объяснять, но и предсказывать возможность нарушения ограничений со стороны той или иной языковой единицы.

Наконец, есть еще одна проблема, связанная с аргументной структурой, которую Голдберг тоже предлагает решать, опираясь на СхG. Известно, что одна и та же синтаксическая конструкция может быть грамматически правильной или неправильной в зависимости от того, какие слова в ней употреблены. Ср. следующие примеры из Goldberg 1995:

- (1) a. *Sam carefully broke the eggs into the bowl.*
 ‘Сэм аккуратно разбил яйца в миску’.
 b. **Sam unintentionally broke the eggs onto the floor.*
 ‘Сэм случайно разбил яйца на пол’.
- (2) a. *This room was slept in by George Washington.*
 ‘В этой комнате спал Джордж Вашингтон’.
 b. ?*This room was slept in by Mary.*
 ‘В этой комнате спала Мэри’.

Подобные пары представляют довольно сложную проблему для генеративного подхода, в рамках которого допустимой или недопустимой может быть только сама синтаксическая структура: если она выводима при помощи заданного набора правил, то и все варианты ее лексического заполнения должны быть одинаково приемлемы. Однако, как мы видим, реальные примеры — как, например, пары, похожие на (1)—(2), не всегда этому соответствуют.

В то же время, в рамках модели, которую предлагает СхG, зависимость степени приемлемости конструкции от ее лексического состава абсолютно естественна. Действительно, если признать, что общая семантика конструкции, представленной в (1), связана с целенаправленной деятельностью, то семантика ее локативного участника должна отражать в себе идею цели действия: это место должно быть выбрано намеренно, как в (1a). Однако наречие со значением ‘случайно’, да и слишком обширная поверхность (‘пол’) не соответствуют данной конструкции, поэтому замена, произведенная в примере (1b), оказывается невозможна.

Для успешности второй конструкции важно, чтобы в результате описанного в ней действия произошло существенное изменение референта, заполняющего первый слот. Так, предложение *The bed was slept in* может быть использовано, например, в контексте криминального романа: 'Простыня смята, значит в этой кровати кто-то спал'. Ночевка Дж. Вашингтона (2a), бесспорно, превращает данную комнату в достопримечательность, т. е. производит с ней значительные изменения, тогда как факт, что в комнате ночевала Мэри (2b), ничего в ее статусе не меняет. Таким образом, общая семантика конструкции и условия ее успешности в целом непосредственно связаны с выбором существительного, которое заполняет в ней одну конкретную переменную.

Анализируя примеры такого рода, Голдберг приходит к выводу, что конструкции как инструмент описания предложения оказываются более гибкими, чем традиционная глаголоцентричная модель. Они лучше «справляются» с проблемами, связанными с «нештатными ситуациями», возникающими в зоне аргументной структуры, — будь то смена глаголом модели управления или стилистически маркированные и другие окказиональные употребления, в которых глагол отклоняется от своего стандартного синтаксического поведения.

3.2. *Анатоль Стефанович и Стефан Грис:* *коллострукционный анализ*¹⁵

В последнее время теоретические построения А. Голдберг, касающиеся зависимости компонентов конструкции от ее общего значения и их взаимозависимости друг от друга, получили мощную поддержку в виде статистической базы — методов и методик, по которым такие зависимости можно оценивать математически. Популярность статистики в рядах сторонников СxG стремительно растет: хорошим примером здесь служит «коллострукционный анализ» — исследовательское направление, созданное **Стефаном Грисом** (Stefan Gries, университет Калифорнии в Санта-Барбаре, США) и **Анатолем Стефановичем** (Anatol Stefanowitsch, университет Бремена, Германия).

¹⁵ Первоначальный вариант этого раздела опубликован в *Вопросах языкознания*, № 6, 2010.

Термин «коллострукция» (collostruction) происходит от сложения двух слов: *collocation* ‘коллокация’ и *construction* ‘конструкция’. В теоретическом плане коллострукционный анализ опирается на теорию Грамматики конструкций, а в практическом включает в себя три основных метода исследования, находящихся на стыке лингвистики и статистики:

- а) **колексемный анализ**, служащий для измерения степени притягивания / отталкивания данной леммы слотом конструкции;
- б) **различительный колексемный анализ**, измеряющий, какую из двух функционально схожих конструкций предпочитает данная лексема;
- в) **ковариация колексем** — метод, позволяющий измерить, насколько часто одна лексема в одном из слотов употребляется одновременно с определенными лексемами в других слотах.

Рассмотрим возможности каждого из этих методов на конкретных примерах.

А. Колексемный анализ

В одной из своих работ А. Стефанович и С. Грис (см. Stefanowitsch, Gries 2003) применяют метод колексемного анализа к прогрессиву в английском языке (конструкции *be + V-ing*). Если составить обычный конкорданс глаголов в прогрессивной форме, такой список просто отразит частотность глагольных лексем: самыми частыми в этом списке будут самые частотные глаголы. Интересно понять, однако, какие глаголы **тяготеют** к данной форме, то есть встречаются в этой форме чаще, чем предсказывало бы ее распределение в корпусе. Для этого необходимо узнать, сколько в целом в корпусе встречается глагольных форм и какую долю от них занимают формы прогрессива. Эти цифры необходимо сравнить с количеством форм данного глагола и долей в них прогрессива. Если доля прогрессива для исследуемого глагола будет выше среднестатистической, то такой глагол «притягивается» к прогрессивной конструкции, если ниже — «отталкивается».

Коэффициент силы взаимодействия определяется при помощи теста, известного как точный критерий Фишера. Этот критерий

используется для оценки взаимодействия двух факторов — в качестве таких факторов могут служить, например, лексема и грамматическая форма глагола. Покажем действие данного критерия на русском материале.

В таблице 5 приведены данные из Национального корпуса русского языка, характеризующие употребление глагола *сказать* в прошедшем времени. Цифры в первом столбце показывают, сколько всего глаголов встречается в корпусе и сколько из них употреблены в форме прошедшего времени. Цифры во втором столбце характеризуют употребления глагола *сказать*: сколько раз этот глагол встречается в корпусе и сколько раз он встречается в форме прошедшего времени. Сравнив первую пару цифр, мы видим, что в среднем прошедшее время глагола занимает 52% от всех форм глагола, т. е. чуть больше половины. Если глагол *сказать* употребляется в форме прошедшего времени среднестатистически, то для этого глагола должно быть верно такое же процентное соотношение, то есть формы прошедшего времени должны занимать 52% от всех форм глагола *сказать*. Данный глагол представлен в корпусе 421 203 раза. 52% от этого числа — это 218 832. Сравнивая это число с реальным употреблением форм прошедшего времени 284 115, мы видим, что глагол *сказать* употребляется в прошедшем времени чаще, чем среднестатистический глагол в корпусе — в 67% случаев, то есть глагол *сказать*, в терминологии А. Стефановича и С. Грися, «притягивается» к конструкции прошедшего времени. Это легко объяснить: ведь глагол *сказать* в прошедшем времени часто употребляется для оформления прямой речи в тексте.

Таблица 1

Данные для точного критерия Фишера: глагол *сказать*

	все глаголы	<i>сказать</i>
V	27 616 742	421 203
V, praet	14 348 054	284 115

Маловероятно, однако, что какой-нибудь глагол будет представлен в корпусе в прошедшем времени в точности в 52% случаев. Но тогда какое отклонение от этого значения следует считать

значимым? Например, если бы глагол *сказать* встретился в форме прошедшего времени 218 800 раз (т. е. на 32 примера меньше, чем 52%), то была ли бы разница в 32 примера достаточным основанием для того, чтобы говорить о серьезном отличии от среднестатистических 52%? На этот вопрос и помогает ответить точный критерий Фишера. Этот критерий предсказывает, какова вероятность того, что наблюдаемое распределение получилось случайно, т. е. того, что два сравниваемых параметра независимы. Например, если бы в Таблице 1 стояло число 218 800, то вероятность независимости факторов была бы 0.94, а значит, очень близка к единице. Для Таблицы 1 в том виде, как она представлена выше, вероятность независимости факторов равна нулю, то есть притягивание глагола *сказать* к конструкции прошедшего времени является статистически значимым¹⁶. Таким образом, мы видим, что результаты критерия Фишера хорошо соотносятся с нашей интуицией. В случаях, когда нам кажется, что отличие от предсказанной цифры невелико, названный критерий дает вероятность независимости, близкую к единице. В случае же, если отличие кажется нам существенным — вероятность независимости, согласно критерию Фишера, низкая. Итак, согласно методике Стефановича-Гриси, мерой силы притягивания и отталкивания является вероятность независимости факторов, полученная в результате применения указанного критерия.

Возвращаясь к прогрессивной конструкции в английском языке, попробуем выяснить, какие глаголы должны притягиваться, а какие — отталкиваться от нее.

Как известно (см., например, Jespersen 1949: 178; Dowty 1979: 145 и мн. др.), эта конструкция соотносится с ситуацией, находящейся в процессе развития. Значит, стативные глаголы встречаются в данной форме очень редко и только в специальных контекстах (ср., например, Lakoff 1970: 121): ведь они обозначают ситуации, которые не могут развиваться. В таблице 2 представлены лексемы, «притягивающиеся» к прогрессивной форме (левая колонка) и «отталкивающиеся» от нее (правая колонка), и можно

¹⁶ Обычно о статистической значимости говорят, если вероятность того, что такое распределение получилось бы случайным образом, меньше, чем 0.05.

видеть, что результаты коллострукционного анализа именно таковы, как предсказывает традиционный анализ: 30 глаголов, которые сильнее всего отталкиваются конструкцией, — это стативы, и лидирует среди них «самый стативный» глагол — *be* ‘быть’.

Таблица 2

Прогрессивная форма:
притягивающиеся и отталкивающиеся коллексымы

attracted		repelled	
Collexeme (n)	Collostruction strength	Collexeme (n)	Collostruction strength
talk (234)	1.32E-94	be(448)	0
go (640)	1.08E-89	know(31)	1.01E-63
try (282)	8.86E-84	think (160)	4.05E-34
look (371)	4.41E-77	see (72)	6.36E-31
work (250)	2.14E-68	have (247)	1.93E-29
sit (100)	2.55E-57	want (44)	6.51E-21
wait (88)	6.17E-38	mean (15)	7.72E-17
do (539)	2.16E-36	need (5)	1.11E-14
use (264)	3.18E-29	seem (3)	1.02E-10
come (348)	9.65E-26	believe (11)	3.44E-09
run (113)	1.75E-25	call (30)	3.32E-08
move (104)	5.8E-19	put (93)	6.7E-08
live (101)	1.97E-17	remember (12)	9.49E-08
deal (57)	2.19E-16	find (56)	4.58E-07
walk (55)	9.34E-16	include (6)	2.76E-06
watch (46)	2.00E-15	agree (9)	4.45E-06
wear (48)	3.76E-14	base (2)	2.94E-05
write (123)	1.58E-13	set (34)	3.39E-05
listen (42)	2.18E-12	sound (6)	3.55E-04
seek (48)	8.66E-11	concern (3)	3.92E-04
fight(32)	2.63E-10	imagine (2)	4.97E-04
stand (57)	4.97E-10	let (10)	5.83E-04
study (31)	1.67E-09	mention (8)	1.04E-03
plan (28)	1.87E-09	exist (4)	1.13E-03
increase (54)	2.36E-09	get (294)	1.13E-03
sing (25)	3.54E-09	regard (2)	1.27E-03
approach (25)	5.13E-09	require (12)	1.3E-03
depend (43)	6.21E-09	marry (1)	1.86E-03
speak (71)	1.24E-08	stop (7)	2.12E-03
sell (38)	1.46E-08	indicate (3)	2.29E-03

В этой таблице и далее число в скобках сразу после лексемы указывает точное количество ее искомым форм, найденных в корпусе. Можно видеть, что само это число мало связано с притягиванием или отталкиванием — так, форма *being* была обнаружена в прогрессивной конструкции 448 раз, однако в сравнении с общим количеством употреблений глагола *be* это так мало, что вероятность того, что при случайном распределении из всех употреблений глагола *be* только 448 окажутся формами прогрессива, равна нулю (см. в колонке справа от лексемы число, которое характеризует силу наблюдаемого взаимодействия — притягивания или отталкивания). В результате глагол *be* охарактеризован как отталкивающийся от прогрессивной конструкции, несмотря на 448 встретившихся примеров употреблений. Коэффициент силы взаимодействия представлен в следующем формате: слева от символа E находится коэффициент, который необходимо умножить на 10 в степени, указанной справа от символа E. Так, например, 1.86E-03 следует читать, как $1.86 \cdot 10^{-3} = 0.00186$. В таблице 2 можно видеть, что самыми сильно притягивающимися к прогрессивной конструкции являются лексемы *talk* и *go*. Первая встретилась в прогрессивной конструкции 234 раза, а вторая — 640 раз. Вероятность случайности такого результата в обоих случаях очень близка к нулю, то есть мы имеем дело со статистически значимым притягиванием.

В. Различительный коллексемный анализ

Другим интересным применением коллострукционного анализа является сравнение двух близких конструкций. С. Грис и А. Стефанович (2004а) среди других примеров разбирают две известные конструкции английского языка: так называемую дитранзитивную конструкцию (3а) и конструкцию с *to* (3b), ср.:

- (3) a. *John sent Mary the book.*
 b. *John sent the book to Mary.*
 ‘Джон послал Мэри книгу’.

Во многих работах утверждается, что эти конструкции различаются только синтаксически (см., например, Burt 1971) или только на уровне информационной структуры (ср. Erteschik-Shir

1979: 443, 449; Thompson 1990: 245) — с точки же зрения семантики между этими двумя конструкциями нет различия: и та, и другая означает передачу объекта адресату. В других исследованиях отстаивается семантическая природа различий между ними: предлагается считать, что дитранзитивная конструкция используется при малой дистанции между субъектом и адресатом, а конструкция с *to* — при большой дистанции (Thompson, Koide 1987: 400). Иногда дается уточнение этого различия: дитранзитивная конструкция означает ‘X заставляет Y получить Z’, в то время как конструкция с *to* означает ‘X заставляет Z переместиться к Y’ (ср. Goldberg 1995: Section 2.3.1, Chapters 5–7; Pinker 1989, Gropen et al. 1989: 243).

Изучив, какие лексемы притягиваются к этим двум конструкциям, можно выяснить, какова природа различия между ними. Если различие только в синтаксической структуре или только в информационной структуре, то набор притягивающихся лексем должен быть одинаковым в обоих случаях. Если же различие семантическое, то лексемы, притягивающиеся к конструкциям, будут разными и отразят семантические ограничения каждой из конструкций. В этом отношении показательна Таблица 3:

Таблица 3

Лексемы, притягивающиеся к дитранзитивной конструкции и конструкции с *to*

Ditransitive (N=1,035)		To-dative (N=1,919)	
Collexeme	Distinctiveness	Collexeme	Distinctiveness
give (461:146)	1.84E-120	bring (7:82)	1.47E-09
tell (128:2)	8.77E-58	play (1:37)	1.46E-06
show (49:15)	8.32E-12	take (2:29)	0.0002
offer (43:15)	9.95E-10	pass (2:29)	0.0002
cost (20:1)	9.71E-09	make (2:23)	0.0068
teach (15:1)	1.49E-06	sell (1:14)	0.0139
wish (9:1)	0.0005	do (10:40)	0.0151
ask (12:4)	0.0013	supply (1:12)	0.0291
promise (7:1)	0.0036	read (1:10)	0.0599
deny (8:3)	0.0122	hand (5:21)	0.0636
award (7:3)	0.0260	feed (1:9)	0.0852

В этой таблице после каждой лексемы в скобках указано количество ее употреблений в обеих исследуемых конструкциях: сначала в составе дитранзитивной конструкции, а затем в конструкции с *to*. В шапке таблицы приведено количество найденных примеров обеих конструкций. Можно видеть, что в исследуемом корпусе было обнаружено 1 035 случаев употребления дативной конструкции и 1 919 — конструкции с *to*, то есть среднестатистическое соотношение между конструкциями составляет примерно 1:2. Глагол *give* имеет значительный «перекос» в сторону дативной конструкции как самый яркий ее представитель: соотношение двух типов употреблений здесь — приблизительно 4:1. Если бы у глагола *give* было среднестатистическое распределение, то на 461 пример дативной конструкции приходилось бы 855 (а не засвидетельствованные 146!) примеров конструкции с *to*. Таким образом, мы видим, что глагол *give* действительно статистически значимо притягивается к дитранзитивной конструкции¹⁷.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что между конструкциями есть семантическое различие: списки притягивающихся к ним глаголов не совпадают друг с другом. Видно и то, что список лексем, предпочитающих дитранзитивную конструкцию, согласуется с семантическим анализом, о котором мы говорили. В дитранзитивной конструкции предпочитают глаголы, означающие ситуации непосредственного контакта: *give* ‘дать’, *tell* ‘сказать’, *show* ‘показать’, *offer* ‘предложить’ и т. д. Напротив, в списке глаголов, предпочитающих конструкцию с *to*, лидируют глаголы дистантной передачи объекта, такие как *bring* ‘приносить’, *pass* ‘передавать’ и т. п.

С. Ковариация колексем

Этот интересный пример применения коллокационных методик касается лексем и конструкций, в которых семантические ограничения затрагивают несколько слотов одновременно. Рассмотрим

¹⁷ Сила притягивания следующего за ним глагола — *tell* менее значительна только потому, что в корпусе встретилось меньше примеров этого глагола, а с чем меньшим количеством примеров имеет дело тест Фишера, тем выше получается вероятность того, что наблюдаемое распределение получилось в результате случайности.

рим каузативную конструкцию с *into* в английском языке, описанную в работах (Gries, Stefanowitch 2004b, Stefanowitch, Gries 2005), ср. пример (4):

(4) *Newley had been **tricked into revealing** his hiding place* (BNC GUU).

‘Ньюли обманом заставили выдать его укрытие’.

В свое время А. Вежбицка (Wierzbicka 1998) обнаружила, что эту конструкцию можно использовать только в таких ситуациях, в которых объект каузации не хочет выполнять действие, однако каузатор преодолевает его сопротивление, обычно при помощи давления или нечестной уловки. Данное описание предсказывает, какие глаголы притягиваются к обоим интересующим нас слотам конструкции. Первый слот должны занимать глаголы, которые означают давление на контрагента или нечестную уловку. Ко второму слоту будут притягиваться глаголы со значением действия, неприятного или нежелательного по мнению исполнителя. Это предсказание во многом оправдывается. В самом деле, список лексем, притягивающихся к первому глагольному слоту, состоит из глаголов уловки (*trick* ‘заставить обманом’, *fool* ‘одурачить’, *mislead* ‘вводить в заблуждение’ и т. д.) и глаголов давления (*coerce* ‘вынудить’, *force* ‘заставить’, *bully* ‘заставить силой’ и т. д.). Среди притягивающихся ко второму слоту конструкции есть глаголы, называющие однозначно неприятные действия (*misbehave* ‘плохо себя вести’, *misrecognize* ‘неправильно опознать’, *betray* ‘предать’), однако в этом списке появляются и предикаты, означающие действия, не связанные с чем-либо неприятным, такие как *think* ‘думать’, *believe* ‘верить’, *reveal* ‘выказать’, *prove* ‘доказать’, *buy* ‘купить’, *purchase* ‘приобрести’.

Для того чтобы объяснить, почему подобные глаголы оказываются тем не менее частотными во втором слоте каузативной конструкции этого типа, необходимо рассмотреть фреймы, которые они описывают: вероятно, в этих случаях с чем-то нежелательным ассоциируется не данный глагол, но ситуация в целом. Это означало бы, что два слота конструкции связаны друг с другом и в ее реализациях представлено не просто случайное перемножение глаголов: тех, что притягиваются первым слотом, с теми, которые характерны для второго. И действительно — не-

верно, что любой глагол из первого списка одинаково часто встречается с любым глаголом из второго списка. Для того чтобы статистически выявить связь, которая может быть установлена между двумя представителями обсуждаемых списков, необходимо измерить взаимное притяжение лексем к этим двум слотам, или, в терминологии А. Стефановича и С. Грися, ковариацию коллексем. Для этого необходимо взять вероятность появления глагола₁ в первом слоте конструкции и глагола₂ в ее втором слоте. Если бы эти два события были независимыми, то вероятность появления одновременно глагола₁ в первом слоте и глагола₂ во втором слоте была бы равна произведению этих двух вероятностей. Сравнив это число с реальным количеством пар глагол₁-глагол₂ в конструкции, мы можем сказать, что данная пара глаголов притягивается к конструкции, если реальная вероятность выше предсказанной, и отталкивается, если ниже. Результаты такого анализа представлены в Таблице 4.

Таблица 4

Наиболее значимые коллексемные комбинации
в каузативной конструкции с *into*

Attracted covarying-collexeme pairs in the into-causative		Repelled covarying-collexeme pairs in the into-causative	
<i>fool into thinking</i>	30.06	<i>force into thinking</i>	2.554
<i>mislead into thinking</i>	12.755	<i>coerce into thinking</i>	1.421
<i>mislead into believing</i>	8.355	<i>trick into making</i>	0.945
<i>deceive into thinking</i>	5.651	<i>push into thinking</i>	0.794
<i>trick into parting</i>	5.248	<i>trick into accepting</i>	0.717
<i>encourage into framing</i>	4.652	<i>bully into believing</i>	0.716
<i>dragoon into serving</i>	4.652	<i>talk into believing</i>	0.671
<i>aggravate into producing</i>	4.28	<i>trick into thinking</i>	0.634
<i>panick into seizing</i>	4.078	<i>lead into believing</i>	0.561
<i>seduce into misbehaving</i>	3.966	<i>talk into making</i>	0.536
<i>delude into believing</i>	3.952	<i>force into giving</i>	0.497
<i>torture into revealing</i>	3.75	<i>tempt into thinking</i>	0.42

В ней, как и в предшествующих, отражается сила притягивания/отталкивания пары лексем по отношению к конструкции, измеренная при помощи точного критерия Фишера. Однако, в отличие от предыдущих случаев, здесь приводится не сама вероятность независимости факторов, а \log_{10} этого числа. Таким обра-

зом, значение 30.06 (= сила притягивания компонентов словосочетания *fool into thinking* к конструкции) следует читать как E-30, то есть очень маленькое число, что говорит о статистически значимом притяжении этого словосочетания к конструкции. Заметим, что в списке отталкивающихся словосочетаний только первые два отталкиваются со статистически значимой силой.

Как можно видеть, результаты коллострукционного анализа выделяют несколько важных для этой конструкции фреймов. Первые четыре примера иллюстрируют соотношение между уловкой в первом слоте конструкции и знанием/верой в ее втором слоте. Отметим, что другой класс глаголов, часто появляющихся в первом слоте, — глаголы давления — не участвует в этом фрейме. Это подтверждается тем, что пары *force into thinking* ‘заставить думать’, *coerce into thinking* ‘вынудить думать’, *bully into believing* ‘заставить верить силой’ отталкиваются от конструкции. Приведенные соотношения отражают культурные представления говорящих о том, как одни люди влияют на мысли других людей: такое влияние часто производится при помощи уловок, но редко — при помощи насилия.

Другой интересный фрейм, который встречается в рамках этой конструкции — это фрейм, представленный парой *torture into revealing* ‘вынудить рассказать под пытками’¹⁸. В нем, напротив, в первом слоте преобладают глаголы физического давления: именно физическое давление используется для того, чтобы вынудить человека рассказать информацию, которую он хочет скрыть. В качестве результата в этом фрейме часто выступают другие глаголы сообщения информации: *admit* ‘признать’, *confess* ‘признаться’, *prove* ‘доказать’

Еще один фрейм, выявляемый коллострукционным анализом в каузативной конструкции, связывает между собой глаголы уловки и глаголы коммерческих операций. Проанализировав расширенный вариант таблицы 4, А. Стефанович и С. Грис выявили частотные употребления каузативных конструкций, в которых второй слот занимали глаголы коммерческих операций: *buy* ‘по-

¹⁸ Интересно, что для выражения этого фрейма в русском языке используется другая конструкция: **пытать рассказать*, аналогичное вполне допустимому в русском *вынудить считать*, не является приемлемым.

купать', *purchase* 'приобретать', *overpay* 'переплачивать', *pay* 'заплатить', *sell* 'продать'. Проследим, какие глаголы при этом будут заполнять первый слот конструкции. Результат такого анализа можно видеть в колонке «CAUSE» Таблицы 5. Легко видеть, что этот фрейм выявляет культурное знание о действиях продавца: нередко покупатель оказывается вовлечен в ситуацию покупки вопреки собственной воле под влиянием нечестной уловки со стороны торгового агента.

Таблица 5

Лексемы, заполняющие первый слот конструкции при глаголах коммерческих операций

RESULT	CAUSE
<i>buy</i>	<i>mislead, hoodwink, lure, entice, boss, pester, diddle, guilt-trip, scare, nag, pressure, steer, tempt, fool</i>
<i>purchase</i>	<i>mislead, lure</i>
<i>pay</i>	<i>con, dupe, harass, intimidate, scare, blackmail, tie, panick, mislead, shame</i>
<i>overpay</i>	<i>dupe</i>
<i>sell</i>	<i>panick, force, entrap, terrify</i>

Таким образом, можно видеть, что изучение ковариации коллексем — взаимного распределения слов, заполняющих разные слоты конструкции, — выявляет, что в рамках одной конструкции, например каузативной, с семантикой каузации неприятного действия, могут скрываться несколько культурно значимых фреймов, классифицирующих случаи, в которых одно лицо может заставлять другое выполнять такие действия. В рамках каждого из таких фреймов имеются дополнительные семантические ограничения на переменные. Например, во фрейме «нечестной продажи» участвуют главным образом глаголы уловки в первом слоте и глаголы коммерческих операций — во втором. Коллострукционный анализ позволяет легко увидеть такие взаимные предпочтения, что, в свою очередь, помогает обнаружить фреймы, важные для данной конструкции.

Приведенные здесь примеры дают представление о методах и возможностях коллострукционного анализа и о той пользе, кото-

рую он может принести для решения самых разных лингвистических задач, устанавливая условия притяжения, отталкивания и взаимного распределения языковых единиц в контексте конструкций разной структуры.

И еще об одном преимуществе данного метода — его независимости от исходных теоретических предпосылок. Действительно, как правило, статистические методы существенно опираются на изначальные предположения исследователя, и в этом их слабость: если какой-то важный параметр почему-либо оказался не включен в изначальный список, следы его влияния невозможно обнаружить в результатах исследования. Коллострукционный анализ не имеет такого недостатка. Действие этого метода целиком базируется на корпусной и статистической информации и не зависит от заранее сформулированных гипотез. Поэтому для лингвистов коллострукционный метод может стать по-настоящему действенным методом независимой проверки предположений относительно изучаемой конструкции — и одновременно своего рода троянским конем, «внедряющим» философию СxG в другие лингвистические теории.

3.3. Майкл Томаселло и Адель Голдберг: конструкции в детской речи

Среди известных сторонников теории Ч. Филлмора невозможно не упомянуть *Майкла Томаселло*, который работает в крупнейшем европейском центре когнитивных исследований — в Лейпциге, в Институте им. Макса Планка. Он использует СxG для решения традиционных проблем психолингвистики, и прежде всего для описания детской речи. В своей книге Tomasello 2003, посвященной усвоению языка, Томаселло противопоставляет СxG современным теориям развития речи, основанным на генеративной теории, и доказывает, что нет необходимости постулировать врожденную универсальную грамматику, как это делает Н. Хомский и его сторонники. Главных аргументов у него два; начнем с того, который непосредственно связан с СxG.

Сторонники генеративной теории убеждены, что ребенок не способен изучить правила языка, — при этом под правилами они подразумевают порождающую грамматику. Представить, каким

образом ребенок овладевает порождающими правилами, действительно, не так просто. В то же время, если, вслед за автором, предположить, что конечной целью ребенка является овладение правилами как набором конструкций, свойственных данному языку, и что дети могут изучать эти конструкции последовательно, переходя от более простых и конкретных к более абстрактным и сложным, — тогда возникает возможность отбросить гипотезу о врожденности чисто синтаксических правил, потому что все, что необходимо ребенку для усвоения языка, доступно ему непосредственно из окружающей его речи.

Другой его аргумент касается известной гипотезы о недостаточности данных, которую обычно используют для защиты идеи универсальной грамматики и врожденности языковых механизмов. М. Томаселло показывает, что эта гипотеза основывается на предположении, что дети изучают язык, пассивно слушая конструкции, которые произносят взрослые — между тем, современные психологические исследования выявили, что ребенок способен не только воспроизводить «взрослые» конструкции (от простых к сложным), но и следить за фокусом внимания взрослого и понимать цели говорящего, причем такие навыки развиваются у ребенка в возрасте примерно одного года. Он считает, что именно эти способности, а вовсе не простое воспроизведение речи, играют ключевую роль в усвоении языка детьми, и его точка зрения хорошо согласуется с тем фактом, что дети начинают говорить именно в этом возрасте.

Аргументацию М. Томаселло подтверждает и уже упоминавшаяся книга Goldberg 2006, которая посвящена, в частности, и проблеме усвоения конструкций. Результаты проведенных А. Голдберг экспериментов показывают, что в возрасте пяти лет дети способны усваивать неизвестные им до этого абстрактные конструкции. Так, в одном из своих экспериментов она предложила детям примеры искусственной конструкции со структурой: *Субъект — Место — Глагол*. В предложениях, которые слышали дети, использовались несуществующие глаголы, семантика которых не могла повлиять на восприятие конструкции. Поскольку все элементы конструкции были переменными и все глаголы были ранее детям неизвестны, то в случае успеха эксперимента испытуемые должны были приписать обнаруженную семантику конструкции

в целом. Исследование А. Голдберг показывает, что дети способны это делать уже в возрасте пяти лет.

Эксперимент включал в себя несколько стадий. На первой стадии испытуемым предъявлялся зрительный образ ситуации, в которой объект появляется в некотором месте, и изображение сопровождалось фразой, построенной по шаблону: *Субъект — Место — Глагол*. Например, ребенку показывали видеоклип, в котором на носу короля появляется пятно, и одновременно зачитывали предложение: *The spot the king moops* ≈ 'Пятно король мупит'. Всего на первой стадии дети слышали 16 предложений, в которых использовалось несколько разных глаголов такого рода.

На второй стадии детям предъявлялось сразу две ситуации — т. е. два клипа одновременно, причем в одном из них объект сначала не виден: он появлялся потом, а в другом — виден в течение всего ролика. В это время голос за кадром произносит фразу, соответствующую конструкции *Субъект — Место — Глагол*. В этой части эксперимента также употреблялись слова, которые его участники никогда не слышали, причем это были совершенно новые глаголы, а не те, которые использовались на первой стадии. На базе полученной информации дети-испытуемые решали своеобразную лингвистическую задачу: они должны были выбрать ситуацию, т. е. видеоклип, соответствующий произнесенной при них фразе, проинтерпретировав ее одним из двух способов: либо как рассказ о появлении нового объекта, либо — как описание объекта, уже находящегося в поле зрения.

Выясняется, что дети выбирают «правильный» по отношению к соответствующему значению конструкции видеоклип с вероятностью значительно выше случайной. Таким образом, результаты эксперимента показывают, что ребенок способен вычленить значение конструкции, даже если она имеет структуру, которая никогда до этого ему не встречалась и содержит глаголы, ему неизвестные, — что уж говорить о более простых случаях.

В качестве такого «более простого», т. е. более близкого к реальной ситуации освоения языка, можно рассматривать следующий вариант того же эксперимента, который описан в Goldberg 2006. В нем сохраняются все исходные условия, кроме количества задействованных глаголов: если в первом варианте эксперимента детям предлагалось восемь глаголов, и каждый из них по-

вторялся два раза, то во втором вместо восьми их было пять — соответственно, четыре из них использовались по два раза, а один повторялся восемь раз. Результаты второго эксперимента значительным образом отличались от первого, хотя в обоих случаях использовались несуществующие, а значит, новые для детей глаголы. Выяснилось, что если один из глаголов фигурирует много чаще других — скажем, в половине случаев, — семантика конструкции усваивается гораздо лучше: во втором эксперименте испытуемые чаще выбирали правильный видеоклип, чем в первом. Отсюда А. Голдберг делает вывод, что существование прототипического (т. е. более частотного и естественного для данной конструкции глагола) облегчает усвоение конструкции в целом.

Между тем и в реальных языках у конструкций, как правило, имеется прототипический предикат. Например, если взять все употребления английской дитранзитивной конструкции, то окажется, что больше половины из них приходится на глагол *give*, тогда как примеры вроде: *She baked him a pie* 'Она испекла ему пирог' окказиональны. Получается, что сначала ребенок осваивает значение того глагола, который прототипичен для данной конструкции, а потом на этой основе учится использовать саму конструкцию, свободно меняя ее наполнение.

Таким образом, предположения сторонников Грамматики конструкций о том, что дети способны усвоить неизвестную им конструкцию, правильно уяснить ее значение и правильно ее использовать — а значит, что конструкции действительно могут составлять основу процессов, связанных с освоением языка, — находят убедительное экспериментальное подтверждение.

§ 4. В окружении близких идей

4.1. Русская традиция¹⁹

Поскольку термин «конструкция» в лингвистической практике используется давно и очень широко, для авторов теории, которая делает конструкции основой описания языка, с этим обстоятельством, конечно, связана определенная проблема: необходимо ка-

¹⁹ Первоначальный вариант этого раздела опубликован как часть статьи Рахилина, Плунгян 2010.

ким-то образом пояснить, что нового дает подход СхГ по сравнению с традиционным. Ведь и в русской традиции термин «конструкция» встречается часто, в том числе и в основных грамматиках русского языка, причем даже в 1960-е годы он использовался именно для описания сложных языковых единиц, функционирующих в речи как целое. Многие работы были нацелены на поиск как раз такого рода единиц, составление их списков, классификацию, описание поведения в тексте.

Сказанное прежде всего можно отнести к двум ранним монографиям по синтаксической семантике русского языка: Шведова 1960 и Апресян 1967; обе они были опубликованы много раньше самых первых упоминаний о СхГ. «Экспериментальное исследование семантики русского глагола» Ю. Д. Апресяна значительно более тесно связано с идеологией СхГ, чем работы его современников, и поэтому заслуживает подробного обсуждения. Надо сказать, что для такого обсуждения есть и другая причина (и о ней мы уже неоднократно писали раньше): эта книга оказалась незаслуженно недооцененной, будучи совершенно заслонена вышедшей через несколько лет и сразу ставшей знаменитой «Лексической семантикой».

В «Экспериментальном исследовании...», как известно, предложена классификация русских глагольных конструкций, построенная на материале моделей управления примерно полутора тысяч наиболее продуктивных глагольных лексем²⁰. Основной объект анализа в ней — ядерные глагольные конструкции, т. е. те, в которых нет «лишних», сирконстантных позиций и в которых поэтому «отражены синтаксические свойства глагола и только они» (с. 48). Их описание подчинено строгим формальным принципам, как это было в то время принято: строятся трансформационные классы, деревья, иерархические классификации и т. д. За всем этим стоит огромная и трудоемкая работа с русской глагольной лексикой (ведь об автоматизации труда лингвиста тогда можно было только мечтать). Не входя в подробности этих операций,

²⁰ Список этих лексем дается в конце книги и представляет самостоятельную ценность: в частности, один из авторов настоящего обзора до появления Национального корпуса русского языка многие эксперименты с русской глагольной лексикой проводил, опираясь именно на этот список.

попробуем оценить базовые постулаты, которые легли в основу данного исследования.

Прежде всего, это прямая связь синтаксиса и семантики, ср.: «Подобно тому, как внутренние (психические) состояния проявляются физиологически, «внутренние состояния» (значения) элементов текста проявляются в их синтаксическом поведении, доступном наблюдению» (с. 24).

Уже вводная часть книги («Предмет и методы современной семантики») содержит раздел, в котором обсуждается, с одной стороны, унификация синтаксиса под давлением семантики, т. е. выравнивание по аналогии (с. 27—29), а с другой — давление синтаксиса на семантику (с. 29—32), или, в терминологии СxG — эффект *coercion* (см. подробнее выше, раздел 3.1).

Первое иллюстрируется (с. 28) диахроническими примерами перестройки устаревшей модели управления глагола под влиянием более продуктивных представителей той же семантической группы, ср. *сожалеть кого* (как в: *сожалеть моего героя*) → *сожалеть о ком* (ср. *беспокоиться, горевать, тосковать о ком-л.*), а также случаями характерных речевых ошибок по причине синтаксической контаминации с семантически близким словом, ср. *коснуться о чем-л.* по аналогии с *говорить о чем-л.*

Второго рода явление также подробно объясняется и иллюстрируется, ср. с. 29: «в языке существуют группы слов, помещение которых в несвойственный им синтаксический контекст может окказионально изменить их значение»; в подтверждение этому далее рассматриваются глаголы *валять, драть, дуть, жарить, катать, резать, садить, сыпать, хватить, чесать*. Они имеют способность приобретать одно из следующих четырех исходно несвойственных им значений ('бить', 'идти, бежать', 'говорить, писать', 'играть, плясать'), если их поместить в соответствующий каждому из этих значений синтаксический контекст, ср. *дуть в штаб на дрезине* или *жарить что-л. на гармошке* (с. 30). Далее (с. 124 и след.) речь идет об интерпретации выделенных ядерных конструкций и их трансформов. Выделяются классы фраз со значением беспорядочного движения, мнения, предназначения объекта для некоторой цели и т. д. и т. п. Легко видеть, что и по своей идеологии, и по степени внимания к языковому материалу «Экспериментальные исследования...» вполне вписываются в круг

работ, представляющих СхG. Собственно, последние примеры прекрасно дополняют и иллюстрируют десятками разнообразных конструкций общие положения, изложенные А. Голдберг лишь 30 лет спустя (причем на гораздо более ограниченном материале), так что в данном отношении эти книги хорошо сопоставимы. Более того, довольно близкими к СхG оказываются в Апресян 1967 не только идеи, но и сами формулировки, ср. следующий фрагмент на с. 26: «связь [между семантическими и синтаксическими признаками] кажется особенно ясной тогда, когда использование той или иной конструкции связано с четкими лексическими ограничениями на словарный материал, который может ее заполнять, например, *Мне влетело (досталось, попало) от отца.* (...) В действительности связь между семантическими и синтаксическими свойствами слов имеет место и в тех случаях, когда лексические ограничения на словарный материал, способный заполнять ту или иную конструкцию, кажутся менее четкими». Последнее положение иллюстрируется классом глаголов, которые могут управлять и дательным падежом, и предложным падежом с предлогом *в*. Класс глаголов, способных появляться в такой конструкции, весьма однороден по своему составу: *виниться кому-либо во всем, исповедаться кому-либо в своих сомнениях, каяться кому-л. в преступлениях* (всего приводится 15 глаголов). Таким образом, все глаголы, попадающие в этот список, имеют общий компонент в своем значении — именно то, что позволяет говорящему объединить эту серию конструкций и оформить ее единообразно²¹.

Обратим внимание и на небольшое замечание в заключении (пункт 7 на с. 233). В принципе, вне сопоставления с СхG оно может пройти совершенно незамеченным — между тем, оно прямо оппонирует порождающей грамматике именно с тех позиций, которые впоследствии «открыла» СхG: «Хотя в данном исследовании не ставилась задача построения порождающей грамматики в смысле Н. Хомского, из рассмотренного в нем материала можно сделать вывод, имеющий принципиальное значение для нее». Речь фактически идет о взаимозависимости ограничений внутри

²¹ Об условиях, допускающих трансформацию одной модели в другую, см. подробнее Кузнецова, Ляшевская 2010.

конструкции, т. е., в контексте рассматриваемого материала, о том, что «каждый класс глагольных значений требует особой классификации существительных, потому что различия между существительными, важные для одного класса глагольных значений, оказываются несущественными для другого и наоборот». Другими словами — прямо связывающими эту работу со всеми последующими книгами Ю. Д. Апресяна, — «мир существительных предстает перед нами по-разному в зависимости от точки зрения, которую мы выбираем, а точкой зрения часто является узкий класс глагольных значений».

На наш взгляд, это очень важное теоретическое положение, касающееся природы языковых правил: и традиционные, и формальные теории исходят из того, что ограничения на употребление, которые составляют основу правил, даже такие, которые учитывают возможность появления одного и того же ограничения в силу разных причин (ср., например, «сверку признаков» (feature checking) в минимализме), представляют собой *сумму* условий, действующих для каждой из переменных. Так, для двучленной конструкции (например предикатно-аргументной, вида *глагол + существительное*) обычно формулируются две группы ограничений — отдельно на глаголы и на существительные, каждое из которых, как считается, накладывает «вето» на существование конструкции в целом. Между тем, описанный выше альтернативный подход обращает внимание на *взаимодействие* условий, относящихся к каждой из переменных конструкции, поскольку случаи простого суммирования ограничений крайне редки. Следовательно, языковые правила должны строиться по более сложным принципам и с учетом того, что требования к разным элементам конструкции могут изменяться, дополняя друг друга и — благодаря этому — удовлетворяя ограничениям на употребление конструкции в целом.

Получается, что еще в 1967 г. Ю. Д. Апресяном были в явном виде сформулированы по крайней мере некоторые ключевые положения SxG: взаимовлияние семантики и синтаксиса (перестройка синтаксических моделей по аналогии и семантические сдвиги типа соeгсiоn), а также взаимозависимость ограничений на разные переменные в конструкции. Однако мы хорошо знаем, что развитие семантико-синтаксических исследований в Московской

семантической школе (да и в целом в отечественной лингвистике) в последующие годы в целом пошло по другому, совсем не похожему на СxG, пути. Действительно, ни одна задача из тех, о которых мы говорили в связи с глагольными конструкциями, на русском материале до сих пор не решена: нет полных списков исторически сменившихся моделей управления (с объяснением причин изменений), нет перечня моделей, подверженных действию аналогии, неизвестны ни конструкции, способные оказать давление на семантику глаголов, т. е. склонные к *coercion*, ни глаголы, которые легко (или с трудом) подпадают под это давление в тех или иных условиях²². Почему так получилось?

По-видимому, одна из лингвистически существенных «внутренних» причин этого в том, что первый опыт работы с лексической семантикой большого массива глаголов ясно продемонстрировал автору, что в процессе поиска общих правил, на которые была нацелена книга, обнаружилось слишком много исключений. Так, на с. 190 и след. подробно рассматривается — правда, на примере предикатных имен, а не глаголов — семантическая подоплека синтаксических различий между квазисинонимами *закон, правило, просьба, рекомендация, совет, требование*. И каждый раз — вопреки общей стратегии книги — обращается внимание на «штучность» такого рода различий, на новые и новые факты, противоречащие непосредственной, буквальной, системной связи синтаксиса и семантики: «описание значений синтаксиса не решает всех проблем семантики» (ср. с. 32 и далее).

В каком-то смысле здесь мы видим столкновение двух противоположных точек зрения на синтаксическую семантику. Интересно, что обе они получили развитие в последующих работах Ю. Д. Апресяна и его учеников, но источник этого развития, по нашему мнению, — именно в книге 1967 г.

В самом деле, в «Лексической семантике» (1974) и в «Типах информации для поверхностно-семантического компонента модели “Смысл ⇔ Текст”» (1980) собраны описания самых разных свойств лексем и грамем, прежде всего глагольных. Здесь и об-

²² Отметим, впрочем, шаг в этом направлении, сделанный в книге Розина 2005 в связи с исследованием семантико-синтаксического поведения нескольких групп глаголов в литературном языке и в сленге.

щие, и индивидуальные свойства, и свободное владение этим бесценным материалом отражает огромный практический опыт автора, который позволил ему затем осуществить множество новаторских словарных проектов, таких как Англо-русский синонимический словарь (Апресян и др. 1979), Русско-венгерский словарь глагольного управления (Апресян, Палл 1982), Большой англо-русский словарь (Апресян и др. 1993—1994) и, наконец, большой лексикографически и теоретически значимый проект Нового объяснительного словаря синонимов (НОСС 1997—2003, 2004). С одной стороны, всё это — включая работу над системами автоматического перевода — заставляло заниматься лексикой в постоянной связи с грамматикой и сочетаемостью, а значит, фактически описывать конструкции (ср. очень характерный опыт комплексного описания русских конструкций вида *негде спать* в работе Апресян, Иомдин 1989)²³. С другой стороны, то внимание, которое приходилось проявлять к деталям, нюансам и всем типам «штучного» поведения лексем в 1967 году, теперь удвоилось, утроилось и удесятерилось.

Сегодня мы можем анализировать результаты, полученные Ю. Д. Апресяном в работе с лексикой, опираясь на теоретическое обобщение его лексикографического опыта в первом томе недавно вышедших «Исследований по семантике и лексикографии» (2009). Интересно рассмотреть некоторые из этих обобщений на фоне его же идей 1967 г. и под углом современной Грамматики конструкций.

Прежде всего: Ю. Д. Апресян, точно так же, как и авторы СxG, настаивает на системном, идеографическом подходе к лексике — как к сложно организованному множеству классов; это ясно и из работы 1967 года — верно и теперь. В таком случае для него конструкции предстают как *диагностики* этих классов. Таких конст-

²³ Вообще, в Московской семантической школе наиболее плодотворным оказалось изучение таких конструкций, свойства которых оказались связаны со свойствами небольших лексических групп или даже единичных лексем. Именно для таких типов конструкций — в терминологии СxG, «синтаксических идиом» — был введен термин «синтаксическая фразема», или «фразеосхема» (ср. определение, воспроизведенное в книге Апресян 2009), а в дальнейшем на его основе разработано очень емкое понятие «малого синтаксиса» (ср. Иомдин 2003).

рукций-диагностик в книге обсуждается множество — хватило бы на целую конференцию по СxG. Вот лишь некоторые примеры:

- глагольная конструкция с предлогом *в* vs. *за* (*упрекать в чем-л / за что-л*), с. 88;
- предложная конструкция *в* + S₀ (*в беспокойстве*) vs. *с* + S₀ (*с беспокойством*), с. 90;
- словообразовательные глагольные конструкции с суффиксами *-нича-* (ср. *вредничать*), с. 91 и *-и-* (ср. *толстить*), с. 95;
- знаменитый русский генитив с отрицанием, с. 104—108;
- противительная конструкция не X, а какой-то Y (не мать, а какая-то ведьма), с. 117;
- риторический и экзаменационный вопросы как конструкции, с. 117;
- конструкция «холистической интерпретации», или, как ее еще называют, «полного охвата» (*намазать масло на хлеб — хлеб маслом*), с. 130—131;
- конструкция с намеренным творительным (*уколоть палец иголкой — ср. об иголку*), с. 131;
- каузатив обслуживания (*стричься у кого-л.*), с. 135;
- конструкции кратного движения *из угла в угол, из стороны в сторону* и под., с. 154;
- творительный транспорта (*ехать поездом*), с. 159;
- *ходить по грибы / *по орехи*, с. 160.

Этот список можно многократно увеличить (к большому сожалению, издатель «Исследований по семантике и лексикографии» сэкономил и не приложил к первому тому книги ни одного указателя, полностью «забыв» неудачный опыт первого издания «Лексической семантики»). Понятно, что будучи лишь диагностиками, сами конструкции не являются в книге специальным предметом описания, хотя анализируются довольно подробно. Автора, как лексиколога и лексикографа, интересуют совсем другие сюжеты, связанные с методиками и теоретической базой новых словарей: метаязык толкований, лексикографическая терминология, порядок следования значений в словарной статье, противопоставление значений и употреблений и др., но среди прочего — принципы базовой классификации лексики.

Крайне существенно, что, по мнению Ю. Д. Апресяна (см., например, с. 39 или с. 191), классификация лексики не может быть

жесткой, т. е. классы неизбежно пересекаются, и одна и та же лексема может попасть одновременно в несколько классов. В этом смысле «искать надо не столько классы, сколько семантические классификаторы» (с. 39) — т. е. те устойчивые параметры, по которым противопоставляется лексика. Другими словами, искать нужно *систему противопоставлений*. Здесь Ю. Д. Апресян ссылается на давнюю работу Э. Кинэна (Keenan 1976/1982) о диагностиках определения подлежащего — между тем, такая позиция по отношению к лексике очень близка идеям А. Голдберг, а по отношению к грамматическим значениям ту же позицию защищает В. Крофт; ср. также Bybee, Dahl 1989. Легко видеть, что в этом случае мы опять сталкиваемся с очевидным совпадением точек зрения Ю. Д. Апресяна-лексикографа и СхГ. Однако в целом общая задача лексикографа имеет другие приоритеты, чем приоритеты грамматистов, и прежде всего это приоритет лексикографического портрета над лексикографическим типом (с. 161), несмотря на признание системности лексики и языка в целом. Лексикограф считает, что у каждой лексемы много индивидуальных и не всегда мотивированных свойств, которые проявляются в разных конструкциях-диагностиках, и все они — при условии хоть малейшей их нерегулярности и непродуктивности — должны быть отражены именно в словаре.

На первый взгляд, и здесь нет противоречий, как если бы Ю. Д. Апресян и СхГ двигались навстречу друг другу, решая одну и ту же задачу с разных концов — он описывает лексику через конструкции, а они — конструкции, опираясь на поведение в них лексики: в частном случае конкретные результаты вполне могут совпасть. Однако нельзя быть уверенным, что у этих подходов одна и та же философия. Для СхГ (как и для большей части западной лингвистики) традиционен интерес к онтологической природе языка, с которым (а не, например, с «внутренними» лингвистическими задачами) принято соотносить многие частные проблемы описания. Поэтому в рамках СхГ совершенно естествен и однозначен ответ на важный в современной лингвистике вопрос о врожденности языка. По отношению к этой проблеме лингвисты делятся на два противоборствующих стана: сторонники генеративных моделей считают, что выделяемые лингвистами признаки врожденны, в то время как сторонники функциональ-

ных подходов, и в том числе CxG, считают, что носитель языка осваивает их в процессе обучения. Из материала Ю. Д. Апресяна, с одной стороны, следует, что огромный пласт признаков антропоцентричен, а значит, они подчиняются более общим, чем язык, когнитивным правилам. С другой стороны, он же настаивает на обилии исключений, способ освоения которых носителем, вообще говоря, неясен, а кроме того, на такой степени сложности взаимодействия правил внутри лексемы, что она сама превращается в не просто некомпозиционную, но высоко идиоматизированную конструкцию — в смысле CxG²⁴.

4.2. CxG & CG

Если, существуя глубоко внутри российской традиции, CxG можно просто не заметить, то в западной лингвистике так не получится: слишком популярным стало это новое направление, завоевывающее все новых и новых сторонников, прежде всего внутри когнитивного направления (но, впрочем, и за его пределами). Дело в том, что и по духу, и по вниманию к семантике, CxG и в самом деле ближе всего когнитивистам — Дж. Лакову, Л. Талми, Р. Лангакеру, рядом с которыми Ч. Филлмор в свое время работал в Калифорнии в рамках большого общего проекта Berkeley Cognitive Science Program (подробнее см. Östman, Fried 2005). Долгое время в этой среде на статус «всеобщей теории» претендовала Когнитивная грамматика Р. Лангакера — «Cognitive Grammar», чью аббревиатуру неудачно повторила теория Construction Grammar. Поскольку Когнитивная грамматика имеет большую традицию²⁵, Грамматике конструкций пришлось с этим считаться: буквальное пословное сокращение CG по-прежнему соот-

²⁴ Ср. сноску 15 на с. 118: «Морфологические, синтаксические, сочетаемостные и коммуникативно-просодические связи лексемы, не говоря уж о ее семантических связях в словаре, очень часто бывают семантически мотивированными. Но совокупность ее лингвистически существенных свойств не выводима по общим правилам ни из значения лексемы, ни из каких-либо других единиц языка».

²⁵ В 1987 году, когда Ч. Филлмор со своими соавторами еще дописывал статью про *let alone*, первый том с теоретическими предпосылками для Cognitive Grammar (Langacker 1987) уже вышел в Стэнфорде.

ветствует теории Р. Лангакера, а теория Ч. Филлмора получила в своей аббревиатуре дополнительный соединительный символ. Возможно, что теперь расстановка сил изменится, и CG, не имеющая столь мощной и харизматической поддержки в молодом поколении, как CxG, уступит первенство. Но близость этих теорий — мнемоническая, географическая, а главное, идейная — сохраняется: не случайно Р. Лангакер, в разъяснение своей позиции по сравнению с точкой зрения последователей CxG²⁶, уже написал несколько статей (ср., например, Langacker 2005, 2009). Ниже мы изложим и прокомментируем его точку зрения.

Прежде всего обратим внимание, что Р. Лангакер сам указывает на существенное сходство своей теории с CxG, причем во многих аспектах (Langacker 2005: 158). Он говорит, что в обоих случаях объектом описания являются не правила, как в формальном синтаксисе, а пары типа форма-значение, т. е. конструкции. Согласно обеим теориям, конструкции образуют систему: они связываются в семантические сети, наследуя свойства друг друга. И CG, и CxG согласны, что в каждой конструкции соединены лексика и грамматика, так что ее грамматическая правильность — это результат одновременного удовлетворения всех типов сочетаемостных ограничений, в том числе лексических и грамматических. Отдельные части конструкций взаимодействуют друг с другом по определенным, как считает Р. Лангакер (но не CxG!), композициональным, правилам, однако многие (хотя, по мнению Р. Лангакера, далеко не все) конструкции идиоматичны — тогда композициональность нарушается. В более общем виде сходство подходов он формулирует в заключении к этой статье (Langacker 2005: 186). Там речь идет о единой позиции CG и CxG по отношению к статусу, роли и месту семантики в языке — в противопоставлении идее автономного синтаксиса, признающего только автономную и недоступную анализу «атомизированную» семантику. Отвергая такое представление, Р. Лангакер настаивает на том, что семантика сложна и состоит не только в статическом значении отдельных единиц, но прежде всего в их взаимодейст-

²⁶ Правда, спорит он с CxG, опираясь исключительно на книги Адель Голдберг (1995 и 2006) — как он сам говорит (Langacker 2005: 158), «for sake of manageability» — т. е. для простоты.

вии; это взаимодействие обращает на себя внимание при любом глубоком лингвистическом анализе.

Такое представление о семантике объединяет CG и CxG — перед лицом ясного общего «внешнего врага». Тем более интересны различия между ними — и о них тоже подробно говорит Р. Лангакер в своих работах. На наш взгляд, все они вытекают из его «лингвистического прошлого»: ведь Р. Лангакер начинал как представитель формального направления (см., например, Langacker 1969, 1973a,b и др.), и поэтому ему в принципе трудно принять некомпозициональность языковых выражений, на которой настаивает CxG — ну разве что в отдельных идиомах. В его модели высказывание складывается из отдельных единиц как из кубиков — и роль конструкций в этой операции достаточно периферийна, потому что сама операция происходит, что называется, по заранее составленному плану. В этом нетрудно убедиться, обратившись к устройству CG.

Действительно, в CG модель языка состоит из множества конструкций (они называются там символическими структурами — *symbolic structures*), которые представляют пары из семантической и фонологической структур. В свою очередь, семантическая структура состоит из двух компонентов: содержательного (*content*) и интерпретационного (*construal*). Первый отвечает за число участников описываемой ситуации и проходящее с ними в рамках этой ситуации; второй моделирует нашу способность по разному представлять одно и то же содержание, меняя перспективу и степень выделенности (*prominence*) участников ситуации. Основной механизм, отвечающий в модели CG за этот род задач — профилирование (*profiling*): для того чтобы поменять перспективу или семантически выделить тот или иной фрагмент ситуации, ее нужно перепрофилировать.

Роль интерпретационного компонента (*construal*) в семантическом представлении CG легко понять, если обратиться к соответствующим ему зрительным эффектам в семантических образных схемах, которые широко используются Р. Лангакером. Как известно, в его школе принято «рисовать семантику», и для этого разработан достаточно простой изобразительный язык (подробнее см., например, наши обзоры в Рахилина 1996, 2000a, 2002): в его небольшой «словник» входят специальные кружочки, квадра-

тики, соединительные линии, стрелки и т. п., которые призваны иконично отобразить *содержание* высказывания, а жирность (т. е. зрительная выделенность) отдельных фрагментов картинка указывает на (уже семантико-прагматическую) выделенность (или, другими словами, *профилированность*) соответствующего фрагмента высказывания при его *интерпретации*. Правда, противопоставление участников в CG может обеспечиваться не только профилированностью, но и особым ролевым статусом: наиболее значимый участник называется *trajector* (траектор, или движущийся объект), наименее значимый — *landmark* (ориентир), они маркируются на схемах, соответственно, как TR и LM.

Известный пример, в котором, по мнению Р. Лангакера, языковые выражения имеют одно содержание, профилируют одно отношение, но различаются соотношением ролей участников, это пара английских предлогов *above* — *below* (для удобства читатель может заменить их русскими коррелятами *над* — *под*). Согласно его анализу, члены этой пары в сущности описывают одно и то же: два предмета, один из которых расположен над другим, так что схема-картинка, представляющая образ семантического содержания, для обоих этих отношений будет в CG одинаковой: два кружочка как два участника, соединенные вертикальной линией, см. Рис. 1. Единственная разница между ними, с точки зрения CG, в том, что в структуре *above* (*над*) верхний кружочек будет помечен как TR (траектор), а кружочек под ним — как LM (ориентир), а в структуре *below* (*под*) ориентир (LM) будет наверху, а траектор (TR) — внизу.

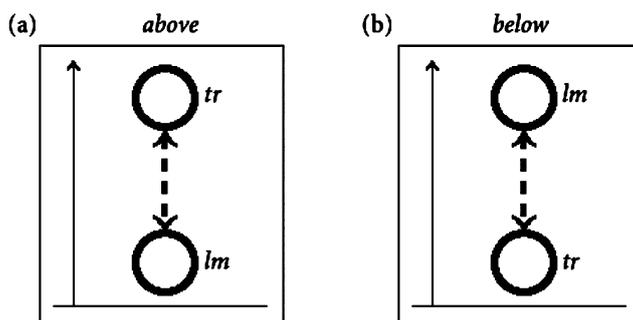

Рис. 1

Вот и всё. Никаких других механизмов или художественных средств, способных отразить более глубокие различия в семантике этих предлогов, в СГ нет. Между тем сами различия есть — иначе бы *дождь над городом* и *город под дождем* значило бы почти одно и то же — с точностью до ролей субъектов. Но, по мнению специалистов (Пайар, Плунгян 2000, Плунгян, Рахилина 2000, Плунгян 2004), ‘над’ и ‘под’ противопоставлены по интенсивности взаимодействия между траектором и ориентиром: в случае с ‘под’ она сильнее. Вообще во всяком языке, как показывает опыт типологов, соответствующие слова будут иметь свою собственную специфику, отразить нюансы которой схемы СГ пока не могут. В этом смысле у СхГ есть очевидные преимущества: она не ограничена жестким метаязыком, как СГ: в ее рамках поиск семантических ограничений может производиться сколь угодно глубоко, с опорой на все возможные и невозможные примеры.

Кстати о невозможных, т. е. грамматически неправильных, примерах. СхГ использует примеры со звездочками очень широко. По замечанию давней сторонницы СхГ К. Бругман²⁷, которое цитирует и Р. Лангакер, СхГ объясняет и грамматически правильные, и грамматически неправильные конструкции, тогда как СГ ищет правила только для образования допустимых выражений (Brugman 1988: 15). Впрочем такие претензии можно предъявить очень широкому кругу исследователей когнитивного направления. Например, Дж. Лаков, исследуя принципы построения метафоры, никогда не задавался вопросом о том, где проходит граница возможного в этой области: какого рода метафоры точно будут отсутствовать во всех языках (или хотя бы в одном, данном языке). Тот же вопрос напрашивается и к авторам теории *blending* (совмещения ментальных пространств, см. подробнее Часть I, Глава 3, а также Часть IV, Глава 3) — Ж. Фоконье и М. Тернеру: есть ли такие пространства, которые в принципе (или в определенных условиях) не могут быть совмещены — в работах этих авторов (Fauconnier, Turner 1996, 1998) на него также нет ответа.

²⁷ Клаудия Бругман известна прежде всего своей диссертацией, а затем и книгой (Brugman 1988) о семантике английского предлога *over*, написанной под руководством Дж. Лакова, подробнее см. Lakoff 1987/2004.

Что же касается Р. Лангакера (который очень энергично возражает против такого «обвинения»), то здесь как раз несколько сложнее: Р. Лангакер первым выдвинул идею модели языка, основанной на реальных, а не сконструированных употреблениях (так называемая *usage-based model*), см. Langacker 1988b, 1991a,b, 1999 и др., и таким образом дал «теоретический» зеленый свет корпусным исследованиям. Корпус же представляет очень интересную проблему с точки зрения грамматически неправильных примеров. С одной стороны, в корпусе практически нет запретов: на любой запрет можно найти пример, его нарушающий. Таким образом, получается, что в корпусе нет информации о грамматической правильности. С другой стороны, корпус отражает предпочтения в употреблении языковых единиц, измеряемые статистически, и эти предпочтения должны были бы учитываться при любом подходе к материалу: ведь одно дело получить 20 тысяч примеров, и совсем другое — на том же массиве получить всего 20. Любопытно однако, что, в то самое время как Ч. Филлмор, А. Голдберг и многие другие теоретики СxG давно и широко использовали корпусный материал, в том числе и для экспериментов с грамматической правильностью, классические работы Р. Лангакера (80-х — 90-х годов) опирались на искусственные примеры.

Если внимательно читать полемику Р. Лангакера с А. Голдбергом, обнаруживается разница лингвистических приоритетов CG и СxG. СxG акцентирует внимание на системном взаимодействии семантики лексем (и грамем) при сочетании их в частные конструкции — это естественно, если родоначальник теории является специалистом по лексической семантике. CG (автор которой «пришел» к когнитивизму из формальных теорий) акцентирует внимание на общих логических правилах перестройки значений, прежде всего перепрофилирования языковых единиц разных типов. Для СxG конструкция важна, потому что именно она требует искомого семантического взаимодействия, которое часто приводит к сдвигу исходных значений (*coercion*). Для CG конструкция в филлморском смысле вторична, периферийна, потому что в рамках этой теории она в общем случае ничего не добавляет в семантику исходного слова: в его семантической сети обычно уже задана, существует заранее та ветвь-значение, которая будет за-

тем реализована в данной конструкции. Примеры типа *sneeze*, таким образом, с точки зрения СГ, являются довольно редкими, но возможными исключениями, для анализа которых уместен расширенный по сравнению с СГ инструментарий СхГ.

Интересно, что здесь Р. Лангакер невольно встает на жестко лексикографическую позицию Ю. Д. Апресяна, который безусловно согласился бы с ним в этом пункте, так как для лексикографа слово первично, его семантика задана заранее и раз и навсегда описана в словаре, так что возможны лишь ее окказиональные сдвиги. С другой стороны, интерес СГ к правилам организации семантической сети очень близок, иногда почти что с точностью до терминологии, к подходу Е. В. Падучевой и ее сотрудников, реализованному в системе «Лексикограф», см. <http://lexicograf.ru/>, а также Падучева 2004, Кустова 2004 и др. Обсуждая природу метонимии, Е. В. Падучева и Г. И. Кустова говорят об «уходе аргумента на периферию», «смещении акцентов», «переходе с периферии в центр» и под., а Р. Лангакер — о перепрофилировании участников ситуации или крупных фрагментов семантического представления. И это сходство тоже объяснимо: предсказуемые правила перехода одного значения в другое возможны только в метонимических переходах — метафоры труднее поддаются систематизации. Поэтому правила интерпретации содержательного компонента СГ моделируют исключительно метонимические процессы (как и, по преимуществу, правила смещения семантических акцентов в системе «Лексикограф») — для анализа метафор Р. Лангакер вынужден обращаться к «смежникам»: Дж. Лакову, Ж. Фоконье и др.

Р. Лангакер упрекает теорию СхГ в том, что в ней не определено место такого рода когнитивных процессов, как если бы они не были ей интересны — но это совсем не так. Просто в этом отношении СхГ имеет возможность быть шире, чем СГ: перестройка значений внутри конструкции, которая занимает сторонников СхГ, происходит не только по законам метонимии, но и по законам метафоры, и даже метафоры и метонимии вместе — в разных последовательностях и комбинациях (подробнее см. в Главах 3 и 4 Части IV этой книги). Фиксируя условия таких переходов (как того требует практика описания конструкций), специалисты СхГ могут в процессе их классификации опираться на теоретический

опыт предшественников, в том числе и СГ — здесь нет никаких формальных ограничений. В то же время, весьма вероятно, что столь подробное изучение контекстного поведения лексики даст новый мощный импульс этой области семантики — и тогда СхГ сама продвинет теорию.

Что же касается системных метонимических процессов, то при всем внимании к ним СГ практически игнорирует проблему их конкретного лексического наполнения (в особенности по сравнению с Е. В. Падучевой и Г. И. Кустовой, но также — хотя, конечно, в меньшей степени — и Г. Радденом и З. Кевечешем, см. Radden, Kövecses 1999, И. Пирсманом и Д. Герартсом, см. Peirsmann, Geeraerts 2006a и др., подробнее см. Главу 3 Части IV) — и это тоже можно расценивать как дань формальному прошлому: как если бы речь шла об общих правилах, только не над синтаксическими, а над семантическими структурами. Напротив, все описания сдвигов значения в рамках СхГ (даже и в высокотеоретических работах А. Голдберга) всегда непосредственно привязаны к лексическим классам. Этот интерес понятен: по их теории, разные классы слов по-разному встраиваются в разные конструкции, так что изучение закономерностей такого рода входит в проблематику СхГ.

В число таких лексических классов входят и части речи, но вся логика СхГ ведет к тому, что их лингвистическое поведение может оказаться негетогенно, причем не только внутри языка в разных конструкциях, но и между языками. Строго говоря, в рамках СхГ может идти речь только о прототипических (и периферийных) существительных, глаголах, прилагательных и т. д. (или, точно так же, о прототипических — и периферийных — подлежащих, прямых объектах и под.) и о конструкциях как диагностиках их определения. Однако для СГ, ориентированной, как мы уже говорили, на достаточно общие семантические правила, нужны ясные «точки опоры» для этих правил — поэтому имена, глаголы, подлежащие, прямые объекты и проч. рассматриваются в СГ как синтаксические примитивы — и Р. Лангакер удивляется, что в СхГ их нет.

Наконец, самая существенная претензия СГ к СхГ: Р. Лангакер считает, что, в отличие от СГ, СхГ не описывает языковые выражения, структура которых полностью предсказывается —

инными словами, композициональные, сосредоточившись на узком классе идиом типа *let alone*. Расхождение здесь настолько фундаментально, что Р. Лангакеру даже не приходит в голову, что авторы СхG всерьез верят в то, что ВСЕ без исключения конструкции, вплоть до конструкций с прямым объектом, содержат невыводимые семантические компоненты, которые обеспечивают их неполную композициональность. И надо честно сказать, что пока это только предмет веры — успешных попыток доказать это на материале сверхпродуктивных конструкций вроде глагольных переходных еще нет. С другой стороны, ясно, что при внимательном рассмотрении некомпозициональными оказываются далеко не только те языковые выражения, которые содержат устойчивые сочетания — взять хотя бы атрибутивную или предикативную конструкции, об особой семантике которых так много написано, кстати, независимо от теории СхG (подробный обзор на эту тему со ссылками на Bolinger 1967, Bhat 1994, 1999 и мн. др. см. в Рахилина 2000а/2008: с. 107—110).

Подведем итоги.

С некоторым огрублением можно сказать, что СG ищет общие и довольно формальные (т. е. в слабой степени апеллирующие к конкретным языковым ограничениям) и опирающиеся на универсальные (когнитивные) принципы организации языка правила, которые действуют в семантическом компоненте языковой структуры — точно так же, как формальные синтаксисты ищут универсальные (правда, *не* когнитивные) правила организации синтаксического компонента языка. СхG тоже ищет правила — но это механизмы взаимодействия синтаксиса и семантики, в сочетании со словоизменением, словообразованием, прагматикой — всего со всем. Таких механизмов много, они не универсальны, а разнообразны; универсальны же — принципы, по которым они строятся, и основной, с точки зрения СхG, принцип состоит в том, что в каждом таком «сплаве» всего со всем главное — это значение целого, которое определяет устойчивость полученного в результате «языкового организма» и возможности его языковой «жизнедеятельности». В этом постулате отражено и сходство с СG — приоритет семантики, и расхождение — вера в собственное, некомпозициональное значение конструкции.

§ 5. Оппоненты

В первом номере журнала «Когнитивная Лингвистика» («Cognitive Linguistics») за 2009 год была опубликована уникальная дискуссия, касающаяся теории и практики Грамматики конструкций. Поводом для такого обсуждения стала уже упоминавшаяся в этом обзоре последняя по времени книга А. Голдберг (2006). Ее основные положения были изложены автором в небольшой статье, открывающей дискуссию, и затем обсуждались в семи рецензиях, написанных представителями самых разных лингвистических направлений. Здесь были и специалисты по генеративному синтаксису — Стефан Крейн и Розалинда Торнтон (Университет Маккари, Австралия), Дру Хленцос (Университет Новой Англии, Австралия), Роберт Борсли (Университет Эссекса, Великобритания), Фредерик Ньюмайер (Вашингтонский университет, США / Университет Британской Колумбии и Университет им. Саймона Фрейзера, Канада), и специалисты по развитию речи (Джеффри Лидз и Александр Вильямс, Университет Мэриленд, США, Елена Ливен, Институт им. Макса Планка, Германия), и даже соратники А. Голдберг, разделяющие конструкционный подход — Роналд Лангакер (Университет Сан Диего, США), Вильям Крофт (Университет Нью-Мексико, США). Самое интересное в том, что А. Голдберг имела возможность в заключительной статье ответить на все вопросы и замечания своих сторонников и противников. Тем самым, читатели этого журнала как бы присутствовали на настоящем состязательном процессе, напоминающем диссертационную защиту. А главную интригу всех защит всегда, как известно, составляют оппоненты. Значительная часть их претензий к СxG состоит в том, что эта теория удобна для анализа узко-лексикализированных конструкций, как *let alone* и ей подобные, — попытки же описать в рамках СxG более абстрактные синтаксические единицы, такие как пассив, слишком немногочисленны и малопубедительны. Именно так, по мнению оппонентов, можно квалифицировать и анализ английской инверсии, приведенный в книге, а затем в статье самой А. Голдберг. А. Голдберг рассматривает довольно известный феномен английского языка — инверсию подлежащего, которая может встречаться в общих вопросах, частных вопросах, предложениях с начальным отрицательным

наречием (5), проклятиях и пожеланиях (6), контрфактических условиях (7), восклицаниях (8), компаративах (9), предложениях с отрицательным союзом (10) и подтверждениях (11).

- (5) *Never have I seen such a sight* ‘Никогда такого не видел!’
- (6) *May a million fleas infest his armpits!* ‘Пусть миллион блох наводнят его подмышки!’
- (7) *Had she gone, they would be here by now* ‘Если бы она уехала, они бы уже были здесь’.
- (8) *Boy did she go!* ‘И как она пошла!’
- (9) *He was faster at it than was she* ‘В этом он был быстрее, чем она’.
- (10) *Neither do they vote* ‘И не голосуют’.
- (11) *So does she* ‘И она тоже’.

Анализ А. Голдберг обнаруживает общее свойство всех таких конструкций, а именно, их непрототипичность. С ее точки зрения, прототипическое предложение является декларативным, имеет позитивную ассерцию, а информационная структура (в отечественной терминологии — коммуникативная организация) выделяет в нем предикат; к тому же прототипическое предложение является синтаксически независимым, то есть может употребляться отдельно, а не только в составе другого. Формулируя эти условия, А. Голдберг нащупывает семантику, стоящую за таким, казалось бы, абстрактным явлением, как инверсия подлежащего и глагола: она утверждает, что любое предложение с инверсией непременно нарушает все сформулированные условия или хотя бы некоторые из них.

Интересно, что реакция на это предложение А. Голдберг была отчасти сходной в обоих лагерях — и в лагере сторонников СхG, и в лагере ее оппонентов. И когнитивист В. Крофт (Croft 2009), и формалисты Р. Борсли и Ф. Ньюмайер (Borsley, Newmeyer 2009) указывают на один и тот же существенный недостаток этого решения: говоря об инверсии, мы, безусловно, имеем дело с целым набором различных конструкций, у каждой из которых имеется своя семантика и свои ограничения. Эти конструкции могут быть объединены на том основании, что все они используют инверсию, но утверждение, что это всё примеры одной конструкции — слишком сильное. Однако, если Р. Борсли и Ф. Ньюмайер ограни-

чиваются этим замечанием, то В. Крофт предлагает свое решение, которое оказывается вполне в духе самой СхG, акцентируя важное свойство конструкций: конструкции могут объединяться и часто объединяются в семейства. У представителей одного семейства может частично совпадать форма и частично пересекаться семантика, так что внутри семейства конструкции связаны между собой как радиальная категория, в которой общее для данного семейства свойство выражено в большей или меньшей мере. Такое семейство можно представлять себе как взаимодействие одной более абстрактной конструкции, обладающей своей семантикой, (в нашем случае инверсии подлежащего и вспомогательного глагола) с набором более лексикализованных структур, таких как конструкция с отрицательным наречием или конструкция подтверждения. Таким образом, конструкции не существуют в языке бессистемным набором, а объединяются в более крупные единицы, и анализ этих более крупных единиц возможен в рамках СхG.

Другая важная точка расхождения между А. Голдберг и ее оппонентами касается универсальной грамматики и врожденности языковых параметров. Эта проблема тесно связана с вопросом о степени уникальности усвоения языка на фоне других человеческих навыков, таких, например, как составление математических задач или выполнение арифметических операций. Действительно, если мы признаем, что языковые параметры не врожденны, наше объяснение процесса обучения языку должно согласовываться с нашими знаниями о том, как ребенок приобретает другие навыки. А. Голдберг экспериментально показывает²⁸, что при обучении языку дети опираются на некоторые механизмы статистического характера, и благодаря этому могут усваивать достаточно абстрактные конструкции. И тогда можно не принимать гипотезу о врожденности языка, раз имеющихся у ребенка механизмов достаточно для того, чтобы языку обучиться. Однако оппоненты А. Голдберг не согласны с предлагаемой интерпретацией экспериментальных данных: Дж. Лидз и А. Вильямз утверждают, что эксперименты А. Голдберг демонстрируют только то, что дети

²⁸ Один из ее экспериментов, касающийся конструкции *Субъект — Место — Глагол*, описан в этом обзоре в разделе 3.3.

усвоили связь между последовательностями X-Y-V и значением 'появление в некотором месте' (см. Lidz, Williams 2009). По их мнению, неизвестно даже, «считают ли дети, что такая последовательность является предложением, не говоря уже о том, воспринимают ли они его как предложение английского языка» (с.180). С одной стороны, эта претензия правомерна: действительно, в таком эксперименте дети находятся в обстановке, которая не совсем похожа на ту, в которой они обычно обучаются языку. Вряд ли в обычных условиях им придется столкнуться с новой конструкцией, да еще с новыми глаголами, которых они никогда не слышали, причем 16 раз подряд. Так что в любом случае выходит, что такой эксперимент создает искусственную, а не моделирует естественную ситуацию обучения. Но с другой стороны, если мы хотим экспериментально показать, что дети и в самом деле могут изучить новую конструкцию, не пользуясь информацией о семантике глаголов, пожалуй, единственное, что мы можем сделать, это использовать в нашем эксперименте и конструкцию, и глаголы, которых в реальном языке нет. Не так уж существенно, что такой эксперимент не будет в точности воспроизводить естественные условия обучения ребенка — ведь это возражение применимо почти к любой экспериментальной ситуации. Как кажется, сам факт, что дети способны усвоить некий фразовый шаблон и соотнести его с определенной предикативной семантикой, не пользуясь при этом информацией о значении глагола, является крайне важным для понимания принципов, на которые опирается ребенок при обучении языку в обычной обстановке.

Среди замечаний к статье А.Голдберг встречается еще одно, часто фигурирующее в спорах по поводу Грамматики конструкций. В журнале «Когнитивная Лингвистика» оно сформулировано в статье С.Крейна, Р. Торнтон и Д. Хленцоса (Crain, Thornton, Khlentzos 2009) в виде следующего вопроса: можно ли в рамках СxG описать глобальные языковые закономерности, которые действуют во всех или практически во всех языках?» В качестве примеров такого рода явлений авторы предлагают Принцип С в теории связывания и нисходящее следование в семантической теории. Остановимся чуть подробнее на каждом из них.

Принцип С задает соотношение между местоимением и референциальным выражением в рамках одного предложения. Согласно

принципу С, референциальные выражения предложения (= именные группы, не выраженные местоимениями) не могут быть связаны, т. е. не могут отсылать к другому элементу в том же предложении. Это существенным образом отличает их от местоимений, которые, наоборот, обычно связаны, т. е. должны быть кореферентны другому элементу данного предложения.

Кореферентность в теории связывания описывается через отношения командования. Группа X командует группой Y, если в синтаксическом дереве предложения первый ветвящийся узел, доминирующий над X, доминирует также и над Y. Таким образом, пользуясь данным термином, можно сформулировать принцип С следующим образом: не может быть такой ситуации, что некая группа командует референциальным выражением и кореферентна ему.

Действие принципа С хорошо иллюстрирует, например, предложение (12а): именно этот принцип запрещает такую интерпретацию этого примера, в которой *Max* и *he* относились бы к одному лицу. Примеры (12b) и (12c) не подпадают под действие принципа С, потому что в этих случаях местоимение *he* не командует именной группой *Max*, т. е. не располагается выше нее в синтаксической структуре.

- (12) а. *He_i said Max_{*i, j≠i} was drinking wine* ‘Он сказал, что Макс пил вино’.
 б. *Max_i said he_i was drinking wine* ‘Макс сказал, что он пил вино’.
 в. *When he_i walked in, Max_i was drinking wine* ‘Входя, Макс пил вино’.

Принцип С действует во многих языках мира, между тем представить себе процедуру его усвоения ребенком довольно сложно: ведь для того, чтобы им овладеть, необходимо понять, какие интерпретации возможны, а какие — невозможны, а такая информация отсутствует в тех языковых данных, которые ребенку доступны. Но тогда — заключают С. Крейн, Р. Торнтон и Д. Хленцос, — вероятнее всего, принцип С является врожденным.

В ответной реплике А. Голдберг можно выделить две основные идеи. Первая касается самого аргумента, который используют ее оппоненты, а именно, их рассуждения по поводу процесса

изучения языка вообще. По мнению А. Голдберг, в ходе овладения языком дети очень часто имеют дело с отсутствием интерпретаций. Например, при овладении лексикой (процесс, который явно не является врожденным, а напротив, специфичен для каждого языка) дети вынуждены сталкиваться с тысячами полисемичных слов и способны сами выделить разные значения и правила, по которым каждое из них должно использоваться.

Второй аргумент А. Голдберг касается универсальности принципа С. Она обращает внимание на то, что принцип С не объясняет всех случаев употребления местоимений и референциальных выражений в тексте. Например, Маквинни (MacWhinney 2005) приводит примеры (13a) и (13b), которые, согласно теории связывания, должны вести себя одинаково, а именно запрещать кореферентную интерпретацию, как это происходит в (13a) — тем не менее, (13b) ведет себя совершенно иначе, хотя отличается от (13a) только временем. Действительно, (13a) запрещено в соответствии с Принципом С, а (13b) разрешено и тем самым его нарушает.

Между тем, чуть более глубокий анализ этой пары ставит все на свои места: нарушение принципа С в (13b) вызвано тем, что в нем иначе взаимодействуют два описываемых события: в (13a) они параллельны, а в (13b) первое служит фоном для второго, что и позволяет интерпретировать местоимение в фоновой ситуации как кореферентное именной группе в основной.

- (13) а. **She_i came back from vacation when Mary_i saw a stack of unopened mail piled up on her front door* ‘Она_i приехала из отпуска, когда Мэри_i увидела стопку неоткрытых писем перед дверью’.
- б. *She_i had just come back from vacation when Mary_i saw a stack of unopened mail piled up on her door* ‘Ø_i Приехав из отпуска, Мэри_i увидела стопку неоткрытых писем перед дверью’.

Еще одну (в некотором смысле, противоположную примеру 13) иллюстрацию недостаточности (а значит, неуниверсальности) принципа С дает пример (14):

- (14) *#She_i called. Mary_i came in.* ‘Она_i позвала. Мэри_i пришла’.

(14) не противоречит принципу С, ведь во втором предложении никакие элементы не связывают именную группу Мэри. Тем не менее, сочетание первого и второго предложения невозможно, потому что по отношению к одному и тому же лицу недопустимо употребление местоимения в первом предложении и имени собственного во втором. Мы видим, что здесь взаимодействие именных групп происходит уже на уровне нескольких предложений, так что принципа, действующего только в рамках одного предложения, недостаточно, чтобы описать запреты такого рода.

Таким образом, взаимодействие между местоимением и референциальным выражением не описывается одним только принципом С: для того, чтобы полностью описать все возможные и невозможные предложения с этими элементами, необходимо в значительной мере затронуть коммуникативную структуру, причем не только одного предложения, но и текста в целом. Получается, что явление, казавшееся оппонентам А. Голдберг одним из наиболее сложных и универсальных принципов языка, оказалось значительно более похожим на те феномены, с которыми обычно имеет дело Грамматика конструкций, чем могло показаться вначале.

Второй пример универсального принципа языка (хотя и другой природы, чем принцип С), предлагаемый С. Крейном, Р. Торнтон и Д. Хленцосом, — это нисходящее следование (*downward entailment*). Авторы удивлены тем, что в рамках СхG нисходящее следование не обсуждается, и настаивают на необходимости его интерпретации в этой теории, поскольку считают, что оно имеет широкий круг языковых проявлений.

Коротко напомним его суть. Хорошо известно, что при добавлении элементов к базовому выражению включается механизм семантического следования: из производного выражения семантически следует базовое. Например, БЫСТРО БЕЖИТ получается из базового выражения БЕЖИТ. Отношение следования проявляется здесь в том, что все ситуации, которые можно описать как БЫСТРО БЕЖИТ, можно описать и как БЕЖИТ. Таким образом, из БЫСТРО БЕЖИТ всегда следует БЕЖИТ, в то время как из БЕЖИТ может и не следовать БЫСТРО БЕЖИТ. Между тем, существуют такие выражения, которые, присоединяясь к базовому, вызывают следование в противоположном направлении: не от получившейся фразы к базовой, а, наоборот, от базовой к получившейся. Примерами таких выражений может служить НИКТО: если верно, что НИКТО НЕ БЕЖИТ, то верно и что НИКТО НЕ БЕЖИТ БЫСТРО. Поскольку

на самом деле похожи на явления, описываемые СхG, и «входят в круг ее интересов», другие же являются общими для человеческого сознания в целом, а их проявление в языке — всего лишь частный случай функционирования этих более общих когнитивных механизмов.

Заключение и — предварение

Наш обзор завершен. Мы показали, что СхG — это новое, но заметное, быстро растущее и интересное течение в современной лингвистике. Во-первых, потому что у его истоков стоит крупный и неординарный ученый — Чарльз Филлмор. Во-вторых, потому что за короткий срок оно завоевало в мире большую популярность и приобрело немало активных и ярких сторонников, публикующих книги, организующих журналы, конференции, школы, мощные международные проекты и мастер-классы²⁹. Теперь это лингвистическое направление известно, оно привлекает внимание, в том числе — оппонентов. В-третьих, СхG ориентирована на изучение и описание реального естественного языка, причем в любых аспектах и срезам и на любых уровнях. Эта теория — для практики: словарной, грамматической, практики корпусного анализа, экспедиционных работ и типологических исследований — одним словом, теория для дескриптивной лингвистики (последняя в ее контексте не имеет никакого пейоративного привкуса). Поэтому она и устроена так, что умеет «впитывать» лингвистические традиции в любых оболочках, в том числе, и прежде всего, в образе Московской семантической школы. Вот почему нам, воспитанным в этой школе, так привлекательна СхG: с ней легко работать творчески, объединяя собственный опыт и знания с ее потенциалом в любой области лингвистической деятельности, — ее

²⁹ Регулярно проводятся международные конференции, посвященные СхG (International conference on Construction Grammar) — в 2010 году эта конференция проходит уже в 6 раз; с 2009 г. в издательстве Benjamins выходит журнал «Constructions and Frames», ориентированный на конструкционный подход к языку, при университете Дюссельдорфа издается электронный журнал «Constructions», успешно развивается международный проект Framenet (<http://framenet.icsi.berkeley.edu>) и т. д. и т. п.

можно и интересно допридумывать, развивать самому и открывать в ней новые глубины.

Это было **заключение** к вводной части.

Теперь — **предварение**: о том, что будет дальше. А дальше мы будем испытывать СхG «на прочность», применяя ее к самому разному языковому материалу, в основном русскому.

Первая часть воспроизводит название книги А. Голдберг «Constructions at work», о которой так много было уже сказано, и называется «Конструкции в действии», потому что в ней мы действительно рассмотрим (с точки зрения СхG), как действуют и взаимодействуют в русском языке самые разные конструкции.

Начинается эта часть с давней, еще «докорпусной» (1996 г.!) статьи, которая описывает русскую конструкцию с удвоением типа *тушат-тушат — не потушат* и воспроизводится в Главе 1 почти без изменений. За ней (Глава 2) следует разбор так называемых конструкций уровня: *грязи по колено, волосы до плеч* и др. — в типологической перспективе. Он опирается на материал диссертации О. Ю. Шеманаевой, которая была защищена в 2008, уже в корпусную эпоху, и поэтому широко использует данные корпусов сразу целого ряда языков. Наконец, в Главе 3 аппарат СхG применяется к нестандартному материалу: это анализ каламбурных анекдотов. На первый взгляд, тексты анекдотов могут стать предметом только общефилологического или — максимум — прагматического анализа. Мы покажем, что СхG позволяет обнаружить в этих текстах сугубо лингвистические задачи, касающиеся морфологии, синтаксиса, лексики и др.

Вторая часть тоже описывает русские конструкции — но только те, к которым раньше применялись другие, прежде всего формальные, модели, так что здесь мы ставили задачу раскрыть не просто возможности СхG, но ее преимущества, так сказать, в конкурентной лингвистической борьбе.

Эта часть начинается с того, что на основе положений СхG пересматривается описание депиктивной конструкции (*пришел усталый / усталым*), которая давно привлекала внимание сторонников формальных теорий как нетривиальный пример вторичной предикации (Глава 1). Мы покажем, что неудачи формального подхода, при котором большая часть фактов, касающихся этой

конструкции, оказывалась «за бортом», связаны как раз с тем, что ни формальный синтаксис, ни формальная семантика не могут, в силу предпосылок, заложенных в этих теориях (в частности идеи композициональности), охватить конструкцию целиком, в семантико-синтаксическом взаимодействии ее компонентов, — и рассматривают разные условия ее употребления как не связанные друг с другом. В Главе 2 подвергается сомнению знаменитое явление неаккузативности, одной из основных диагностик которого для русского языка в формальном синтаксисе признана конструкция с распределительным *по* (*детям дали по яблоку*). Вместо этого предлагается семантико-синтаксический анализ материала, основанный на природе дистрибутивной ситуации и ее свойствах.

Следующий сюжет «затрагивает интересы» когнитивного подхода и рассматривает в свете СхG понятие концепта — на примере такого общезначимого понятия, как контейнер. С одной стороны, согласно когнитивным представлениям, столь значимой группе объектов в языке должен соответствовать ясный и универсальный концепт. С другой стороны, чем более значимо понятие, тем в большем числе конструкций оно задействовано, а значит, как показано в этой работе, тем меньше есть возможностей для единого концепта. Именно это противоречие и обсуждает в Главе 3 под провокационным названием «А был ли концепт?».

Конструкции могут служить не только своего рода инструментом разрушения концепта — подробный анализ серии конструкций может привести и к унифицирующей гипотезе. О таком описании русского приименного генитива идет речь в Главе 4 — в свете формальной модели генитива, предложенной Б. Парти и В. Борщевым. Их модель сводится к тому, что есть определенная корреляция между возможностью употребить генитив и наличием у имени аргументного отношения, т. е. его реляционностью. В нашем исследовании подробно рассматриваются все разновидности этой конструкции (ср.: *фильм Феллини, строитель завода, бочка огурцов, портрет Пушкина* и др.), а также все запреты на переход в них предметных имен в реляционные — и в качестве результата предлагается общее значение для конструкции в целом.

Третья часть специально посвящена проблемам описания аргументной структуры: ведь, как мы помним из обсуждения работ А. Голдберг (см. раздел 3.1), аргументная структура — настоя-

ший «конек» для СxG. Между тем, в Московской школе эта проблематика в свое время обсуждалась довольно широко, ср. прежде всего классические работы 70-х гг. Апресян 1974, Мельчук 1974, а кроме того дискуссию в 90-х, см. СиИ 36³⁰, ср. также Mel'šuk 2004 и Иорданская, Мельчук 2007. Так что открывает эту часть (Глава 1) старая забытая статья «тех времен», которая, тем не менее, сегодня тоже оказалась актуальной в связи с СxG — об акантах и сирконстантах в конструкции с дательным посессивным. Глава 2 тоже отсылает нас к прошлому: к знаменитой в свое время проблеме с глаголом *промахнуться*, которая была поднята в знаменитом же 1974 году; это попытка посмотреть на нее иначе. Новый материал вводит последняя — третья — глава Части III: в нем речь пойдет об удивительных семантико-синтаксических эффектах, которые проявляются в конструкциях с глаголом *хватать* и касаются аргументной структуры этого глагола.

Четвертая часть — о судьбе конструкций в языковой системе, т. е. о том, как они возникают, живут, меняются, исчезают, перестраиваются, превращаются в другие единицы и т. п. Здесь мы будем подробно, на реальных примерах, отслеживать судьбу каждой конкретной конструкции или их семейства.

В этой части четыре сюжета. Первый посвящен переходу конструкций из языка в язык: речь пойдет о конструкции *проблема с* (*отцом, финансированием, статьей ...*), которая, по мнению многих исследователей, была целиком заимствована в русский из английского в постперестроечную эпоху. Глава 1 занимается «корпусным исследованием» этого вопроса. Второй сюжет — о переходе свободных сочетаний в связанные фраземы с квазиграмматическим значением и статусом; этот переход рассматривается на материале семейства конструкций «лексической множественности» (*куча народу, бездна проблем, арсенал средств, вагон друзей*) во второй главе. Третий сюжет — о стандартных и нестандартных семантических переходах в адъективных и адвербиальных конструкциях с качественными прилагательными и наречиями, ср. *чистый дом, круто повернуть* и под. Это Третья глава, в

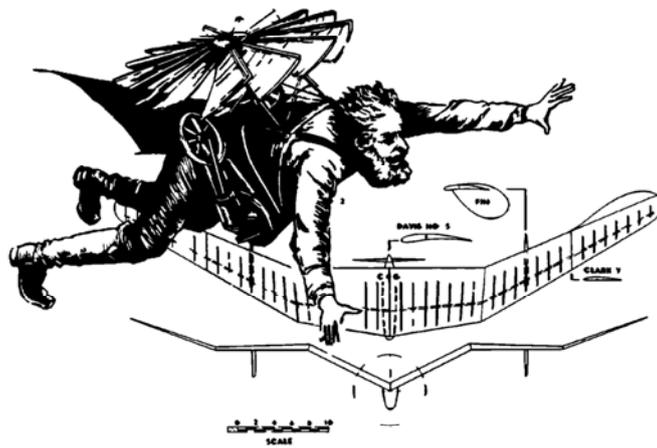
³⁰ В особенности работы Е. В. Муравенко, В. А. Плунгяна & Е. В. Рахилиной, В. С. Храковского, А. Д. Шмелева и др.; подробное изложение этой дискуссии см. в Тестелец 2001: 181—187.

ней подробно разбираются представления о таких важных для языка сдвигах значения, как метонимия и метафора, и описывается новый, «неучтенный» класс семантических преобразований в лексике, который получил название «ребрендинг».

Типологический взгляд на ребрендинг дает последний, четвертый сюжет. Он построен на широком и разнообразном типологическом материале и обсуждает так называемые «метафоры боли», ср. русск.: *бок колет, глаза жжет, носки кусают* и мн. др. Здесь тоже происходит переход конструкции, в данном случае из одной лексической зоны в другую: в основном из физической в физиологическую. Иногда для этого, как мы увидим, действительно достаточно метафоры, а иногда требуется более серьезная реструктуризация исходного значения, которую как раз предполагает ребрендинг. Однако и здесь, в полном согласии с СхG, действуют строгие механизмы построения и перестройки конструкций. Если продолжить естественную в контексте конструкций строительную метафору, можно сказать, что эти «ремонтные нормы» нельзя ни изменить, ни нарушить. Глава 4 как раз и будет рассказывать о том, как они устроены.

Но сначала — первая часть.

Часть I

Конструкции в действии

Глава 1

«ТУШАТ-ТУШАТ — НЕ ПОТУШАТ»: ГРАММАТИКА ОДНОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

§ 1. Вводные замечания

Современная лингвистика уже давно подошла к осознанию того факта, что описание грамматики языка не исчерпывается описанием его грамматических категорий; более неожиданным открытием последних лет становится понимание того, какие нетривиальные связи существуют в действительности между двумя зонами языка, которые принято называть лексической и грамматической. Насколько грамматическая зона оказывается подвержена влиянию индивидуальных отклонений, идиоматичности и непредсказуемости (связываемых обычно с лексикой) — настолько же и лексическая зона обнаруживает тенденции к системному устройству и регулярности (приписываемые обычно грамматике); иное дело, что в каждом из этих случаев указанные механизмы не находятся на поверхности, их обнаружение — задача специального анализа.

Как представляется, сейчас в русистике (если, в частности, говорить о русском языке) накоплено и обработано достаточно материала, чтобы описание этих тонких закономерностей взаимодействия двух систем языка стало реальной задачей.

Одной из таких «контактных» зон, в которых указанная двойственность дает себя знать, может быть, с наибольшей очевидностью, являются конструкции. Устройство и семантическая интерпретация конструкций подчиняются заведомо более жестким ограничениям по сравнению с фрагментами «обычных» предложений; вместе с тем, конструкции отличаются и от идиоматических сочетаний — в первую очередь тем, что задают некоторый тип высказываний: конструкция имеет определенное значение (которое, как правило, сходно с грамматическими значениями данного

языка), но, кроме того, на все ее элементы накладываются сильные ограничения (главным образом, семантического или лексического порядка). Можно сказать, что конструкции — это своего рода грамматическая периферия, создаваемая почти исключительно лексическими средствами; это лексика, стремящаяся стать грамматикой (или, если угодно, маскирующаяся под грамматику).

Предметом настоящего исследования будет одна из русских глагольных конструкций «с удвоением», т. е. содержащая полный повтор глагольной словоформы — того типа, который представлен в заглавии главы (его формальные характеристики будут уточнены ниже). Вообще, различные виды удвоения — один из самых распространенных формальных приемов образования конструкций (как глагольных, так и именных) в русском языке¹. На их разнообразие и высокий удельный вес прежде всего в устной речи обращалось внимание еще в известной работе Н. Ю. Шведовой [1960], где представлен обширный материал такого рода (некоторые наши примеры заимствованы из этого очерка). На первый взгляд кажется, что удвоению могут подвергаться любые словоформы — ср. такие примеры, как *красный-красный*, *близко-близко*, *ждет-ждет*, *только-только*, *знаю-знаю*. Но помимо того факта, что удвоение в разных случаях сопровождается разными семантическими эффектами (как следует, в частности, и из приведенных примеров), крайне существенно и то, что на самом деле такое удвоение допустимо отнюдь не во всех случаях — ср. *??стол-стол*, *??вместе-вместе*, *?сияет-сияет* и др. под. Именно это обстоятельство и заставляет в первую очередь считать, что в подобных случаях мы имеем дело с «конструкциями», каждая из которых передает особое значение и образуется в соответствии с нетривиальными правилами; традиционное представление об этом типе конструкций как о «лексически неограниченных сочетаниях полных слов» (ср. Шведова 1960: 31—32) нуждается в уточнении.

¹ Ср. наблюдения в Шведова 1960. Специально об одном из видов глагольного удвоения (с участием инфинитива) см. также Пайар, Плуниан 1993, где более подробно рассматриваются конструкции типа *съест-то он съест, да кто ж ему даст*.

Приведем еще несколько примеров интересующей нас конструкции:

- (1) *Перед ними — дверь дубовая, на двери — кольцо. Стали они за кольцо тянуть — дверь не открывается. Дернули посильней — не поддается. **Дергали-дергали** они дверь — совсем из сил выбились.*
- (2) *Ночью тихо, ни звука, ни скрипа, ни шороха. Только филин изредка прокричит, да мышь в углу возится: **поскребется-поскребется** — и затихнет.*
- (3) *{— А гербарий-то мой где? — спрашиваю,
— Какой гербарий? Там куча сена на полу лежала, так я ее давно уж выкинула...}
— Это что же получается? Человек **собирал-собирал**, старался, а ты все взяла, да и выкинула?*

Конструкция состоит из двух частей, каждая из которых содержит самостоятельную предикатную вершину (конструкция в целом часто оформляется как сочинительная): вершиной первой части являются две одинаковые личные глагольные словоформы, вершиной второй части — любой предикат (о лексических и семантических ограничениях на этот предикат см. ниже). Характерным формальным признаком данной конструкции является также ее особое просодическое оформление (в орфографии обычно передаваемое дефисом между удвоенными глагольными словоформами): удвоенные словоформы составляют одно фонетическое слово (с главным ударением на первом компоненте)² и произносятся с особой интонацией.

Указанные внешние характеристики полезно принимать в расчет для отделения данного типа от других (весьма многочисленных в русском языке) глагольных конструкций, также содержащих повтор глагольной словоформы. В частности, фонетическая

² А. М. Пешковский говорит об «особой ритмической цельности соединенных элементов», а Н. Ю. Шведова — о «слитном и убыстренном произнесении обеих форм с подчеркнутым акцентированием первого слова». Интересно, что указанная просодия характерна и для одной неглагольной конструкции (с близкой семантикой) — мы имеем в виду конструкцию *нет-нет, да и + [V св. През.]* (ср.: *нет-нет, да и скажет*, и т. п.). См.: Шведова 1960: с. 32—33 et passim.

слитность удваиваемых словоформ отсутствует в конструкциях, выражающих повышенную (по сравнению с ожидаемой) длительность действия или процесса, например:

- (4) *Уже давно стемнело, очертания дороги были едва заметны, а он все шел, шел [= все шел и шел], почти механически переставляя ноги.*

Ср. ту же пару словоформ в интересующей нас конструкции:

- (5) *Что же это получается? Шел-шел, полцарства обошел, сапоги железные износил — а пришел, выходит, не туда?*

С другой стороны, удвоенные словоформы, также составляющие одно фонетическое слово — однако с главным ударением не на первом, а на втором компоненте! — широко используются, например, в ответах на вопрос; в этом случае удвоение передает, в первом приближении, значение повторного и «самоочевидного» подтверждения (такому «модальному» удвоению могут подвергаться отнюдь не только глагольные словоформы, ср.: *знаю-знаю, сюда-сюда, конечно-конечно* и мн. др.). Анализ всех этих случаев не входит в нашу задачу.

Таким образом, за пределами нашего исследования остается много интересных аспектов, связанных с семантикой русского удвоения в целом (как именного, так и глагольного), а также с семантикой глагольных конструкций, включающих полностью или частично удвоенные лексемы — ср., например, помимо уже приведенных выше, очень своеобразные конструкции типа *глядит-поглядывает*, засвидетельствованные, кроме русского, и в других славянских языках ³.

³ Ср., например, следующий отрывок из македонского текста (Б. Конески):

*Шуми езеро, играј езеро,
летај галепче белокрилесто,
летај долетај мене на рака,
да те затоплам на бели гради!*

Букв.: «Шуми, озеро, играй, озеро, лети, белокрылая чайка; лети-прилетай ко мне на руку, чтобы я согрела тебя на белой груди» (цитируется по изданию: R. G. A. de Bray. Guide to the Slavonic languages. Columbus (OH), Slavica, 1980, pt. 1, p. 229).

К сожалению, мы не имеем возможности рассмотреть здесь все эти проблемы и вынуждены ограничиться только одним явлением, быть может, несколько произвольно выделяя его из большой и достаточно гомогенной зоны.

§ 2. Семантика конструкции: общие свойства и ограничения

Рассматривая интересующую нас конструкцию (*тушат-тушат — не потушат, шел-шел — а пришел не туда*, и т. п.) с точки зрения того общего значения, которое передают все ее разновидности, мы можем выделить следующие основные семантические компоненты.

А. Удвоенный глагол описывает длительную ситуацию (действие или процесс). Ее длительность при этом носит особый характер — ситуация либо имеет разную степень интенсивности на разных этапах, либо (чаще) ситуация является прерывистой, т. е. состоит из многих последовательно возобновляемых одинаковых «порций». (У действий частым прагматическим следствием такой прерывистой структуры является конативность, т. е. значение повторяющихся попыток совершить не реализованное до конца действие: об этом см. подробнее ниже.)

Б. Длительная ситуация относится к прошлому (о возможном при этом употреблении удвоенных форм в презенсе см. ниже).

В. Длительная ситуация в целом имеет место раньше некоторой другой ситуации (вводимой во второй части конструкции), которая также относится к прошлому⁴.

Теперь мы рассмотрим каждое из перечисленных свойств более подробно, уделяя особое внимание тем семантическим ограничениям, которые в связи с этими свойствами накладываются на элементы конструкции.

⁴ Заметим, что свойства «б» и «в» сближают нашу конструкцию с тем, что обычно называют плюсквамперфектом, т. е. с граммемой, совмещающей временное («прошлое») и таксисное («предшествование») значения. В нашем случае, однако, на эту плюсквамперфектную семантику накладывается еще много дополнительных ограничений (см. ниже).

2.1. «Прерывистая длительность»

Первое из сформулированных нами свойств задает аспектуальную характеристику ситуации, квалифицируя ее как длительную и/или повторяющуюся. Такая комбинация признаков крайне типична для русской грамматической системы, и ограничения, вытекающие из этого свойства, оказываются вполне естественными. Они касаются прежде всего невозможности употребления форм СВ, обозначающих недлящиеся, «точечные» события (**съел-съел*, **взял-взял*, **упал-упал* и т. п.).

Употребление же «точечных» глагольных лексем возможно в нашей конструкции только с отчетливо выраженным итеративно-дистрибутивным значением, при котором глагол обозначает множество точечных событий, последовательно распределенных во времени и заполняющих некоторый временной интервал, в течение которого происходит смена участников ситуации, ср. *бросал-бросал камни*, *брал-брал книги в библиотеке* и т. п. (всякий раз имеется в виду новый камень или новая книга). В этом случае весь интервал, занимаемый однородными точечными событиями, приравнивается к прерывистому процессу. Ср. запрет на *?бросал-бросал камень*, *?брал-брал книгу*, где единственное число объекта препятствует дистрибутивному осмыслению точечного события. В соответствии с хорошо известной и не раз отмечавшейся для русского языка закономерностью, такое переосмысление ситуации влечет смену СВ на НСВ в удваиваемых словоформах⁵.

Но, помимо точечности, существуют и менее тривиальные семантические ограничения на участие в конструкции, обозначающей прерывистую длительность. Эти ограничения связаны с тем, что семантика прерывистой длительности предполагает, хотя бы отчасти, возможность визуально зафиксировать «пунктирный» характер ситуации. Между тем, далеко не все ситуации, в принципе имеющие временную протяженность, являются настолько конкретными, чтобы допускать в сознании говорящих такую сегментацию. Мы уже предлагали ранее (в связи другими задачами)

⁵ Специально о связи итеративности-дистрибутивности с НСВ в славянских языках см., в частности, Князев 1989.

выделять класс глаголов, называемых «абстрактными». В первом приближении, абстрактные глаголы (например, *мстить*, *воспитывать*, *начинать* и др.), в отличие от конкретных (например, *бежать*, *запирать*, *скоблить* и др.) не предполагают указания на конкретные фазы, которые проходит ситуация, описываемая данным глаголом (подробнее см. Плуноян, Рахилина 1990). Оказывается, что абстрактные глаголы, будучи «неразложимы» на строго определенные этапы, не допускают и конструкций со значением прерывистой длительности, ср. [?]*мстил-мстил*, [?]*начинал-начинал* и т. п. при допустимом *запирал-запирал*, *скоблил-скоблил* и т. п. Только в последнем случае составляющие ситуации жестко фиксированы, так что она — как и предполагается семантикой конструкции — может прерваться и продолжиться, завершиться и повториться с точностью до деталей.

Показателен в этой связи пример глагола *воспитывать*, который может участвовать в конструкции с удвоением только в своем производном (и при этом как раз конкретном) значении «ругать, заниматься нравочениями»: *Он меня воспитывал-воспитывал, а я не выдержал, да и говорю ему...* Ср. невозможность употреблений типа: **Воспитывает-воспитывает он детей три года*, где глагол используется в своем стандартном значении.

2.2. Отнесенность к прошлому

Тот факт, что ситуация, обозначаемая удвоенным глаголом, относится к прошлому, легко объясняет невозможность употребления в составе конструкции форм аналитического будущего времени НСВ, имеющего в русском языке наиболее отчетливую не-презентную семантику, ср.: **будет бежать-бежать*. (Заметим, что удвоения других семантических типов с этой граммемой вполне совместимы, ср.: *будет бежать и бежать*, и т. п.)

Несколько сложнее, однако, обстоит дело с формами презенса СВ и НСВ. Формально, в нашей конструкции презентные формы не запрещены — более того, они даже встречаются довольно часто; ср. примеры типа (2) или следующего:

- (6) *Бежит-бежит заяц, не оглянется, а волк его уже за кустом поджидает.*

Однако с семантической точки зрения перед нами в этих случаях не «чистый» презенс, а та интерпретация этой граммы, которая полностью соответствует семантике конструкции — так называемое настоящее историческое, т. е. презенс, описывающий (с особым эффектом «соучастия») события в прошлом. В этом смысле *бежит-бежит* как бы равнозначно *бежал-бежал*. Соотнесенность презентных форм с планом прошедшего становится очевидной и при погружении их в более широкий контекст. Рассмотрим, например, такой контекст для нашей «эталонной» конструкции *тушат-тушат — не потушат* (К. Чуковский, «Путаница»); он с однозначностью свидетельствует о том, что описываемая ситуация имеет место в прошлом и презенс не передает идею соотнесенности с моментом речи:

- (7) (...) *Приплывали* два ерша — *поливали* из ковша. (...) *Тушат-тушат — не потушат, заливают — не зальют. Тут бабочка прилетала, крылышками помахала, стало море потухать — и потухло.*

Указанная интерпретация граммы презенса (с синонимией форм настоящего и прошедшего времени) наиболее характерна для глаголов НСВ. Что же касается глаголов СВ, то здесь соотношение несколько иное. Формы СВ прошедшего времени, как мы уже говорили, по большей части запрещены в конструкциях с удвоением, так как обозначают точечные события. Исключением здесь являются только делимитативные глаголы с приставкой *по-* (*попел, посмотрел* и т. п.), семантика которых («порция» действия, ограниченная небольшим временным интервалом) не противоречит общей семантике конструкции с удвоением, ср. примеры типа *попел-попел (и перестал)*. Соответственно, возможен и презенс делимитативных глаголов (ср. пример 2), имеющий (*mutatis mutandis*) ту же непрезентную интерпретацию, что и презенс глаголов НСВ.

Что касается других презентных форм СВ, то в современном языке их употребление представляется в целом ненормативным. Однако такие примеры встречаются, например, у авторов XIX века, ср. ⁶:

⁶ Примеры даются по Шведова 1960: 41—42.

- (8) (...) *Лежит как мертвая; **опомнится-опомнится**, да опять глаза заведет* (А. Н. Островский).
- (9) *И все-то мне мило — и пашня, и соха, и борона, и дровни; и телушка... Все — точно родные, друзья дорогие, кровные. **Гляну-гляну** — страсть какое разорение, а у меня только дух бодрей* (Г. Успенский).

Значение этих форм в принципе не отличается от значения презентных форм НСВ — следующие друг за другом «порции» точечного действия; однако в современном языке ограничения на комбинацию значений точечности (в рамках граммы СВ) и повторяемости становятся более строгими, и подобные употребления практически исключены⁷.

2.3. *Заключительная ситуация: семантика «нарушенного следствия»*

Наиболее существенной, однако, для понимания смысла конструкции в целом является семантика заключительной ситуации, т. е. той, которая вводится в конструкцию после ситуации, описываемой комплексом из удвоенных глаголов. Слушающий уже отчасти подготовлен к восприятию этой заключительной ситуации самим характером исходной ситуации, предполагающей известную незавершенность (Н. Ю. Шведова, например, говорит в этой связи о семантике уступительности). Исходный глагольный комплекс провоцирует у слушающего определенные ожидания: если ситуация неоднократно возобновляется, то это должно иметь, во-первых, свои причины и, во-вторых, свои следствия.

Начнем со следствий, которые представляются более важными. Будем исходить из допущения, что относительно всякой ситуации существует представление о ее естественном завершении или о совокупности естественных, нормальных следствий из нее.

⁷ В этом можно видеть отражение более общей тенденции к сужению «несобственных» употреблений СВ (и, напротив, к расширению таких употреблений у НСВ), характерной для последнего периода развития русской глагольной системы; ср. более подробно относительно НСВ в Князев 1989, относительно СВ — в Зализняк 1990.

В этом случае мы можем констатировать, что заключительная ситуация, во-первых, *прекращает* исходную, а во-вторых, *противоречит* ее нормальным следствиям. Таким образом, аномальной длительности исходной ситуации сопутствует аномальное же ее завершение.

Этот эффект нарушенного следствия проявляется несколько по-разному у результативных и нерезультативных ситуаций. Для результативных ситуаций наиболее обычным аномальным завершением является отсутствие результата (или невозможность его получения); поэтому среди примеров этого типа так велика доля конструкций, содержащих во второй части отрицание: *тянул-тянул, да так и не вытянул*. Возможны, разумеется, и менее тривиальные варианты, но все они сводятся, в конечном счете, к той или иной ситуации, отменяющей естественный результат или противоречащей ему. Отметим в этой связи невозможность таких комбинаций, как **тянул-тянул, и стал тянуть сильнее*, или **тянул-тянул, а мимо шли люди*.

Интересно, однако, что в некоторых случаях ситуацией, прерывающей действие или процесс, все-таки оказывается сам результат — но результат внезапный, неожиданный, и в этом смысле тоже как бы противоречащий естественному ходу вещей и отменяющий «настоящий», естественный результат (наступление которого ожидается позже). Поэтому возможна последовательность типа: *тянул-тянул, да вдруг и вытянул* (говорящий не ожидал, что это произойдет вообще или что это произойдет «так сразу»). С другой стороны, в тех случаях, когда наступление «внезапного результата» невозможно, «результативная» ситуация в качестве завершающей оказывается неприемлема, ср.: **собирался-собирался, и собрался* или *собирался-собирался, да (и) пришел*. Правильным продолжением здесь может быть только нечто вроде: *собирался-собирался, да так и не пришел*.

Говоря о результативных глаголах, следует рассмотреть часто возникающее значение конативности — попытки совершить (до тех пор не реализованное) действие. Конативность — естественное следствие повторяющегося характера всей ситуации, одно из наиболее вероятных его прагматических переосмыслений. Если действие приходится постоянно возобновлять, постоянно к нему возвращаться — это значит, что предыдущие его реализации бы-

ли для субъекта неудовлетворительны. Действительно, примеры типа *открывал-открывал, да так и не открыл* предполагают именно такую «причинную» интерпретацию (поддержанную и завершающей ситуацией). Интересно, что в некоторых случаях в составе конструкции с удвоением конативное значение могут иметь и те глаголы НСВ, которые в современном русском языке его в других контекстах уже не способны выражать, ср. известную фразу из сказки о курочке-рябе:

(10) *Дед бил-бил — не разбил, баба била-била — не разбила.*

Глагол *бить* сам по себе конативности в современном языке выражать не может: более стандартным было бы употребление лексемы *разбивать*, ср.: *Он долго разбивал (*бил) яйцо, но так и не разбил его.*

Что касается нерезультативных, но контролируемых ситуаций (т. е. действий типа *бежать* или *думать*), то правильная интерпретация конструкций с их участием предполагает обращение к более общим понятиям, чем лексикографически детерминированный результат⁸ — например таким, как «прагматически естественный финал» этих ситуаций, или (прагматическая) цель, которой руководствуется их субъект. Заключительная ситуация оказывается противоречащей именно этой прагматической цели: таким образом осмысляются предложения типа (6) и многие другие.

Неконтролируемые и нерезультативные процессы и состояния, в силу сказанного, не могут иметь ни естественного прагматического финала, ни, тем самым, и его естественного отрицания. Поэтому конструкции типа *являлся-являлся почетным гражданином (а потом перестал)*, *влияла-влияла на него погода*, *весил-весил 50 кило* и т. п. в стандартном контексте недопустимы. Важно отметить, что возможность простого прекращения (существующая для очень многих типов ситуаций, в том числе и для только что упомянутых) сама по себе еще не гарантирует возможности их участия в конструкции: это должно быть именно такое прекращение ситуации, которое возникает вопреки прагматической цели ее субъекта.

⁸ О различии между лексикографически детерминированными и недетерминированными (прагматическими) результатами см. также Плунгян 1989.

Однако интересным пограничным классом оказываются глаголы, обозначающие неконтролируемые процессы, связанные с расходом некоторого вещества: *кипеть, гореть, течь* и т. п. Эти процессы не являются полностью гомогенными, им свойственна определенная внутренняя динамика и прагматический финал, состоящий в прекращении процесса в силу исчерпания ресурса. Эта динамика и обуславливает возможность употребления данных глаголов в составе нашей конструкции — возможность, строящуюся на игре с ожидаемым/не ожидаемым прекращением процесса, ср. *кипел-кипел, да и выкипел, горел-горел, да и выгорел* — или, с другой полярностью: *течет-течет — не вытечет, бежит-бежит — не выбежит* (русская народная загадка о речной воде). Возможно и обратное соотношение, основанное на ожидании не конца, а начала никак не начинающегося процесса, ср.: *не кипел-не кипел, да вдруг как закипит; вода не текла-не текла, да вдруг как хлынет!* В этом случае отрицание как бы создает особую ситуацию (не-Р), получающую своего рода прагматический финал в виде ситуации Р.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что конструкция с удвоением глагольной словоформы рассмотренного нами типа выражает сложный идиоматический смысл, который сводится к противоречию между неоднократными попытками совершения [контролируемого] действия в прошлом (или неоднократным возобновлением [неконтролируемого] процесса) и наступившей после этого ситуацией, прямо или косвенно сводящей указанные попытки на нет. Этот смысл имеет также сильную экспрессивную составляющую (что объясняет особую частотность наших конструкций в разговорной речи и устных фольклорных жанрах), которая касается нарушенных ожиданий говорящего (ср. передающие близкий эмоциональный комплекс выражения типа *вот те раз!* и др.).

Глава 2

ПО КОЛЕНУ, ДО ПЛЕЧА: КОНСТРУКЦИИ УРОВНЯ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Введение

Настоящее исследование посвящено конструкциям с очень специальным пространственным значением — его можно определить как *значение уровня*. В русском языке оно выражается двумя конструкциями: с предлогом *по*, как в *снега навалило по колену*, и с предлогом *до*, как в *он едва доставал мне до плеча*; разные аспекты первой (а, в качестве фона для них — и второй) подробно рассмотрены в работах Шеманаева 2006, 2008a,b. Опираясь на них, мы рассмотрим теперь это значение с типологической точки зрения.

Материалом исследования послужили данные более 20 языков; среди них: славянские (русский, польский, болгарский, чешский, сербохорватский), германские (английский, немецкий, нидерландский, шведский, датский, исландский), балтийские (латышский и литовский), романские (французский, итальянский, испанский), а также хинди и армянский; из неиндоевропейских: грузинский, агульский, эстонский, венгерский, финский, кхмерский, японский и баскский. Цитируемые примеры получены из двуязычных, толковых и фразеологических словарей, из электронных корпусов текстов, а также в ходе работы со специально составленной анкетой¹. Использовались также переводы «Маленького

¹ Мы выражаем искреннюю благодарность всем своим информантам, в особенности Э. де Рон Хертоге, М. де Ваану, А. Назарову, В. Лоо-ману (нидерландский); Р. Бодену (французский); И. Держанскому, Д. Моневоу (болгарский); А. Луни (английский); А. Чуткерашвили, С. Саникидзе (грузинский); Э. Карделли (итальянский); М. Сливинскому, М. Ткачук (польский); С. Мердановой (агульский); В. Хуршудян (армянский); Н. Мадариага Писано (баскский); А. Джавиджаю (хинди); М. Пентусу (эстонский), а также П. М. Аркадьеву, А. В. Архипову, А. С. Бердичевскому, О. А. Герасименко, С. Ю. Дмитренко, М. В. Копотеву, А. Б. Летучему, П. Ю. Новичкову, А. С. Паниной, Е. Ю. Протасо-

принца» А. де Сент-Экзюпери на английский, болгарский, чешский, русский и другие языки. Для экономии места примеры глоссировались только при необходимости, в большинстве случаев мы ограничивались добавлением буквального перевода.

Значение уровня можно квалифицировать как дименсивное, т. е. размерное². Действительно, выражения размера и уровня тесно связаны друг с другом: уровень — это тоже размер, только вертикальный, причем его значение метонимически определяется предельной точкой, ср.: *высокая трава* (размер) VS. *трава* (высотой) *⟨мне⟩ по пояс* (уровень). Однако в ряду дименсивных конструкций уровневая, безусловно, занимает особое место, так как сама ситуация измерения в случае уровня оказывается сложнее обычной.

Дело в том, что уровень не измеряется в абсолютных величинах (*метр, сажень, миля*). Он измеряется относительно: путем сравнения измеряемого объекта с ориентиром. Таким образом, в отличие от канонических размерных конструкций (атрибутивной — *высокий дом*, предикативной — *дом слишком высок* и именной — *высота дома 23 метра*), в канонической конструкции уровня всегда есть три объекта: измеряемый (**X**) и тот, с которым его сравнивают (**Q**); в процессе измерения уровня (**Z**) происходит соотнесение их размеров.

Отношение **X** к **Q** можно описывать в традиции когнитивной грамматики в терминах *траектор* — Trajector (TR) и *ориентир* — Landmark (LM), ср. Langacker 1988a и Введение, раздел 4.2. Объект, размеры которого нам нужно определить (как и движущийся объект в ситуации перемещения в пространстве или в ситуации абстрактного движения), называется *траектором*, а тот объект, с которым мы сравниваем, называется *ориентиром*. В терминологии Л. Талми вместо траектора и ориентира используются близ-

вой и Л. В. Хохловой за помощь в сборе анкетных данных. Мы хотели бы также поблагодарить В. Ю. Гусева, Д. О. Добровольского, Т. А. Майсака, С. И. Переверзеву, А. Ч. Пиперски, В. И. Подлесскую, Н. Р. Сумбатову, В. В. Файера, А. В. Циммерлинга, С. И. Юшманову и особенно Т. И. Резникову и В. А. Плунгяна за комментарии к примерам и замечания к работе.

² Именно как дименсивные соответствующие конструкции описываются для русского языка в Золотова 1988.

кие понятия *фон* и *фигура* (Talmy 1985: 25). Тем самым, ситуация измерения (в нашем случае, измерения уровня) укладывается в общую схему для пространственных, временных, причинно-следственных и других отношений — и при этом по своей структуре отличается от классической схемы описания (абсолютного) размера.

Справедливости ради отметим, однако, что относительное измерение используется и для невертикального размера, правда, в достаточно редких и, в общем, маргинальных конструкциях, ср. сравнительную конструкцию *репка с голову теленка* как (неканонический) способ выражения дименсивного значения — к ней применимо все только что сказанное³.

В ситуации относительного измерения огромную роль играет ориентир, определяющий систему мер. Поскольку язык антропоцентричен, ориентиром — своего рода «мерой вещей» — обычно является человек. Само по себе это не удивительно: хорошо известно, что в языках существуют эталоны точных мер, созданные на основе частей тела (прежде всего рук, ступней или частей руки) и расстояний между ними. Эти эталоны давно вошли в обиход и стали такими же точными мерами, как метр и сантиметр. Таковы англ. *foot* ('фут', 'ступня' = 30,48 см), *hand* ('рука' = 10,16 см), *nail* ('ноготь' = 5,7 см), франц. *pouce* ('большой палец' = 2,7 см), русск. *вершок* ('верхняя фаланга указательного пальца' = 4,45 см) и мн. др.⁴ Однако система измерения, которая используется в конструкции уровня, не совпадает ни с официальной общепринятой (*метры, сантиметры*), ни с традиционной (*сажени, вершки*), исторически связанной с частями тела. В качестве коли-

³ См. об этих конструкциях подробнее в Шеманаева 2006 (на материале русского языка), Шеманаева 2008b (в типологическом аспекте).

⁴ В некоторых языках такие меры более употребительны, чем метры и сантиметры. Большое внимание использованию частей тела при измерении уделяется в исследованиях А. В. Дыбо (1989, 1995, 1996 и др.). Она проанализировала группу названий верхних конечностей в алтайских языках и показала, что исторические изменения в значении слова возникают не случайно, а внутри той подсистемы (в данном случае — названий частей руки), к которой оно принадлежит. О русских антропоцентричных мерах подробнее см. Романова 1995.

чественных маркеров — эталонов размера — в рассматриваемой конструкции используются значимые части ориентира — прежде всего, части тела человека, но также некоторых животных и артефактов. Исследование того, какие именно части тела и части артефактов способны быть эталонами размера и какие именно объекты становятся в таком случае ориентирами, по нашему мнению, может служить существенным «синхронным» дополнением исторических работ, посвященных когнитивно релевантным антропоцентричным мерам. К описанию самих ориентиров мы еще вернемся — здесь хотелось бы обратить внимание на тот факт, что эталоны, свойственные уровневой конструкции, т. е. конструкции вертикального размера, не совпадают с теми, которые определяют размер невертикальный — даже если принять во внимание уже упомянутые сравнительные конструкции, также использующие антропоцентричный ориентир, ср.: *высотой* / **длиной по колено* VS. *длиной* / **высотой с палец*.

Как видим, и синтаксически, и семантически интересующая нас конструкция действительно нетривиальна и выпадает из общего дименсивного ряда. Задача этой работы — последовательно описать типологически значимые ограничения на каждый из слотов конструкции уровня и выяснить, в какой степени переменные и ограничения на них определяют семантику конструкции в целом и в какой степени она идиоматична (в соответствии с теорией СхG).

Глава состоит из шести параграфов. В первом вводится фрейм, соответствующий ситуации измерения уровня. Во втором рассматриваются измеряемый объект и параметры измерения. В третьем анализируются глагольные конструкции, соответствующие этому фрейму, и ограничения на глагол. В четвертом исследуется базовый компонент конструкции — предлоги, падежи и в целом типы семантико-синтаксических структур, в том числе и безглагольных, с помощью которых выражается идея уровня. Пятый посвящен «единицам измерения» в антропоцентричной модели: значимым частям объектов, которые используются как маркеры вертикального размера или предела; основное внимание мы уделим здесь частям тела. Шестой параграф — заключение, где подводятся итоги и обсуждается конструкция в целом.

§ 1. Измерение уровня: фрейм

Итак, мы начнем с того, что определим потенциальные компоненты уровневой конструкции, проиллюстрировав их пока русскими примерами. Прежде всего, это измеряемый объект (**X**) и уровень (**Z**): *трава_X по колено_Z*. Обычно (**Z**) — часть, и чаще всего — часть тела, поэтому существен ее посессор (**Q**), который, как мы уже говорили, можно считать своеобразным ориентиром измерения: *вода_X поднялась_V ему_Q по грудь_Z*, ср. также: *снега_X навалило_V по самую крышу_Z <дома_Q>*. Кроме главных участников ситуации измерения (**X**, и **Z** и **Q**), в конструкции уровня возможно, но не обязательно выражение параметра измерения (**Y**), обычно вертикального (ср.: *высотой_Y до пояса_Z*), и предиката (**V**): в числе прочего, он может уточнять условия, при которых происходит измерение: *шел_V по колено_Z в грязи_X*.

Описанному фрейму соответствуют две коммуникативные структуры и, соответственно, два разных типа конструкций. Первый обозначает состояние измеряемого объекта X (часто — субстанции), локализуя его в пространстве относительно ориентира Q через уровень Z (обычно — часть Q), которого он в данный момент достиг. Второй тип конструкций ставит в центр внимания сам ориентир Q и описывает пространственные характеристики Q — а именно, степень исчезновения этого объекта из вида: какая часть его оказывается закрыта от наблюдателя субстанцией X. Поскольку во втором случае «уровень исчезновения» Q измеряется относительно самого Q и его собственных частей, соответствующий тип конструкций можно, вслед за С. Линднер, назвать *рефлексивным*⁵. В таком случае первый, в котором ориентир

⁵ С. Линднер впервые обратила внимание на ситуации, когда траекторы являются своими собственными ориентирами, рассматривая английские адвербиальные конструкции, такие как:

The syrup spread out ‘Сироп растекается’;

We rolled out the carpet ‘Мы развернули ковер’,

и назвала подобные отношения между траектором и ориентиром рефлексивными, см. Lindner 1981, 1982, см. также обзор Филипенко 2000. В Lakoff 1987/2004: 556—557 рассматривался подтип рефлексивных отношений, когда одна часть целого объекта выполняет роль траектора, а сам объект или другие его части являются ориентиром, ср.: *Turn the*

является отдельным обособленным объектом, оказывается *не-рефлексивным*. Различия в структуре этих конструкций — на русских примерах — видны при сопоставлении строк (1) и (2) Таблицы 1.

Таблица 1

Структура конструкции уровня

	N _X	O	V	Y	PREP	N _Z	N _X
(1) <i>нерефл.</i>	<i>Трава</i>	<i>мне</i>	<i>была</i>	<i>⟨высотой⟩</i>	<i>по</i>	<i>пояс</i>	
(2) <i>рефл.</i>		<i>Я</i>	<i>был</i>		<i>по</i>	<i>колени</i>	<i>в снегу</i>

На каждый из обозначенных нами слотов в конкретной конструкции в каждом языке накладываются свои ограничения — вплоть до того, что некоторые из слотов не выражаются вовсе. Ниже мы рассмотрим их последовательно. Проще других с точки зрения ограничений устроены (X) и (Y), т. е. измеряемый объект и параметр.

§ 2. Измеряемый объект (X) и параметр измерения (Y)

Хороший пример языка с содержательными ограничениями на X представляет русский. Русские конструкции уровня (прежде всего с *по*, хотя и *до* склонно к тому же сценарию) «измеряют» уровень только «динамических» объектов, т. е. таких, чей размер меняется, ср. ситуацию погружения человека в вещество (*провалиться по грудь в болото*) или высоту растущих слоев (*снегу насыпало по пояс*). Поэтому в русском измеряемые объекты (X) представляют таксономические классы из практически закрытого списка: ‘слои’, ‘волосы / борода’, ‘растения’, ‘люди’; к ним примыкает также класс ‘одежда / обувь’.

В остальных обследованных языках конструкции уровня допускают и не изменяющие вертикального параметра объекты — такие как предметы в доме, стены или статичные природные объекты, как камни или скалы, ср. в англ.:

paper over ‘Переверни газету’ (страница переворачивается относительно остальных страниц этой же газеты).

- (1) а. ⟨...⟩ *lizard froze atop a **waist-high** pink rock*. (M. Cunningham)
 ‘ящерица застыла на розовом камне по пояс высотой (букв. ‘пояс-высокий’)’.

Что касается параметров (Y), то, как и при любом измерении, их названия восходят к параметрическим прилагательным, описывающим максимальный размер, ср.: *глубина* (от *глубокий*), *ширина* (от *широкий*) и др. Это известный метонимический принцип, согласно которому верхушка шкалы используется для обозначения всей шкалы, см. Апресян 1974: 64—65, 92—93, Кустова 2004: 356, Radden, Kövecses 1999. Ограничения на выбор Y, по видимому, универсальны: как мы уже говорили, в конструкциях уровня речь всегда идет о вертикальных параметрах — высоте (ср. высота растений или рост человека), длине «свисающих» объектов, связанных с человеком (волос и одежды) и глубине / высоте слоя⁶.

Именно в силу своей предсказуемости Y не так часто выражается поверхностно, а во многих случаях, например с именами лиц, в силу избыточности может быть просто запрещен, как в: **сестра была мне высотой / ростом по плечо*. И в целом по запросу на сочетания *высотой / глубиной по* в НКРЯ выдаются единичные примеры⁷, ср.:

- (2) *В Шатурском районе, например, палят траву **высотой по колено**, а глава администрации этой проблемой вообще отказался заниматься*. (Труд-7, 2004.05.12)
 (3) *Те, кто лазил знакомиться с военной тайной в 1986—1991 годах, натыкались обычно на водную преграду **глубиной по щиколотку** и рассеянные по ее поверхности пуцеглазые противогазы*. («Столица», 1997.10.13)

⁶ Отметим, что в типологическом исследовании Журинский 1971: 115 вертикальные параметры признаются главными, а (не встречающиеся в конструкции уровня) ширина и толщина — второстепенными.

⁷ Между тем, в ответ на обычный запрос *по* + существительное со значением часть тела в винительном падеже по основному корпусу выдана составляет свыше 4,5 тыс. контекстов.

Гораздо чаще параметры выражаются в безглагольных конструкциях — в частности, они обязательны в сложных словах, о которых пойдет речь в разделе 4.3.

§ 3. Глагольные конструкции уровня и ограничения на глагол (V)

Глагольное место в конструкции уровня могут занимать бытийные глаголы, глаголы позиции, движения, погружения, прибытия, контакта и каузативы к ним. Они отражают разную концептуализацию ситуации измерения или «добавляют» к ней дополнительные условия.

Самый нейтральный, простой «взгляд» на вещи описывают **бытийные глаголы**: в этом случае всего лишь констатируется определенная пространственная соотнесенность между измеряемым объектом и той частью ориентира, которая служит для него мерой, ср.:

(4) литовский

Brolis man buvo iki pečių.

брат мне был до плечо:GEN.PL

‘Брат был мне по плечо’.

(5) турецкий

dizine kadar ot var.

колени:3SG:POSS:DAT до трава есть

‘Трава по колени’.

В той же функции выступают глаголы **позиции** — ‘сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’: они тоже описывают положение в пространстве — прежде всего людей (в рефлексивных конструкциях), ср. русск.: *стоял / сидел по пояс в воде*. В этом случае они значительно более предпочтительны, чем бытийные. В то же время предикаты позиции встречаются и в нерефлексивных контекстах с подвижными слоями, такими как вода, снег, грязь и т. д., где, наоборот, преобладают бытийные глаголы, и позиционные оказываются более редкими:

(6) немецкий

Wenn einem das Wasser bis zum Hals steht, dann sollte man den Kopf nicht hängen lassen. (J. Becker)

‘Когда вода стоит до горла, нельзя вешать голову’.

К бытийной группе, куда, как мы видели, входят и позиционные глаголы, примыкают глаголы **горизонтального движения**, описывающие движение субъекта (обычно человека или транспортного средства) в какой-то среде — воде, грязи, песке, тумане и проч.; попутно при них может отмечаться уровень, которого соответствующая среда достигает относительно частей движущегося объекта, ср.:

(7) немецкий:

fußtief im Schmutz waten

‘брести по щиколотку в грязи’ (букв. ‘стопа-глубоко’)

Легко видеть, что здесь представлен тот же «простой» случай соотносительного измерения, что и в статичной ситуации (описываемой бытийным предикатом) — но осложненный поступательным движением субъекта.

Отдельную группу представляют глаголы, в семантику которых входит компонент ‘начать находиться где-либо’ — в нашем случае, в какой-то среде, уровень которой затем может измеряться, ср. предикаты типа ‘зайти’ или ‘войти в’:

(8) исландский

vaða upp að hnjam

идти-вброд вверх к/до колен

‘зайти в воду до колена’

Внимание здесь фокусируется не на процессе, связанном с достижением результата (целенаправленном движении), а на самом результате (нахождении где-либо), по известной метонимии процесс — результат (подробнее об этом типе метонимии см. Главы 3, 4 Части IV). Особенно частотны среди глаголов этого типа предикаты движения вниз разной семантики, и прежде всего, конечно, **погружения** — в воду, грязь, снег и под. Заметим, что, как и следовало ожидать, они встречаются только в рефлексивных конструкциях. Эти предикаты тоже акцентируют внимание не на самом погружении субъекта, а на его результирующем местонахождении. Если погружение неполное, то с семантической точки зрения значение уровня и соответствующий ему аргумент оказываются обязательными:

- (9) немецкий
Ich saß auf dem Balken und steckte bis zur Brust im Schutt.
 (С. Nöstlinger).
 ‘Я села на балку и провалилась по грудь в строительный мусор’.
- (10) болгарский
Човекът затъна до глезените в кал
 букв. ‘Человек утонул по щиколотки в грязи’.
- (11) японский
*ката га хиэтари катакори-гими но токи ва, сайго ни сик-
 кару ката мадэ цукаттэ ататамэмасу*
 ‘Если плечи застужены или немеют, то под конец надо по-
 грузиться по плечи и как следует согреться’.

Однако в языках есть и особые глаголы погружения, еще лучше согласующиеся по своей семантике с конструкцией уровня: речь идет о предикатах, описывающих «всегда-неполное» погружение, как русск. *увязнуть, погрязнуть*. Они, по понятным причинам, сильнее выделяют конечную точку ситуации, чем обычные глаголы погружения, тогда как предшествовавшее движение субъекта вниз становится для них, напротив, практически незначимо, ср. (12), а также, метафорически, (13—14):

- (12) хинди
maiⁿ kamar-kamar tak *kiicar meⁿ*
 я талии-талии до = «по самую талию» грязи в
dhansaa thaa
 увязнуть:PST
 ‘Я по самую талию увяз в грязи’.
- (13) литовский
Iki ausų rūpesčiuose įklimpes
 до ухо:GEN.PL забота:LOC.PL увязший
 ‘по уши в заботах’
- (14) латышский
iekerties līdz ausīm
 ‘влюбиться (букв. ‘застрячь’) по уши’

В нерелексивной ситуации аналогом глаголов погружения выступает другой подкласс глаголов **прибытия**: он описывает движение субстанций относительно человека, и тоже с акцентом

на конечной точке — т. е. на уровне; понятно, что субстанции по отношению к человеку (который в них погружается или проваливается) движутся вверх, а не вниз — ср. здесь русск. *доходить до*, а также примеры из других языков с ясными маркерами движения-подъема:

(15) английский

The only mountains he had ever known were the three volcanoes, which came up to his knees.

‘Единственные горы, которые он знал, были три вулкана, которые достигали его колен (букв. ‘доходили’)’;

(16) нидерландский

a. *mijn zus kwam tot aan mijn borst* ‘моя сестра доходила до моей груди’;

b. *Met lange of korte mouwen (...), tot aan het middel komend of tot op de dijen of tot aan de knieën.* ‘С длинными или короткими рукавами, доходящими до пояса или до бедер или до колен’.

В отличие от германских языков, во французском и итальянском глаголы прибытия используются без маркеров движения вверх:

(17) французский: *arriver à l'épaule* ‘доходить (букв. прибывать / приезжать) до плеча’;

(18) итальянский: *arrivare* ‘прибывать, приезжать, доставать до’, ср.: *mio fratello mi arrivava alla spalla* ‘брат был мне по плечо’

Еще раз обратим внимание на очень частотный и естественный метонимический перенос в этой конструкции — от значения реального движения (ср. русск. *вода дошла до отметки / достигла отметки*) к значению достижения результата, которое в контекстах актуально неподвижных измеряемых объектов оказывается значением контакта (ср. *волосы доходят мне до плеч / волосы достигают колен*). Как видим, глаголы движения употребляются и в прямом, и в переносном — метонимическом — значении, которое можно было бы отнести к контактному.

Между тем, у группы глаголов ‘достижения’ контактное значение в конструкции уровня — единственно возможное:

- (19) польский: *Siostra siegala mi do piersi* ‘Сестра доставала мне до груди’;
- (20) венгерский
A fü a váll-á-ig ér.
 DEF трава DEF плечо-3SG-TERM достигать
 ‘Трава доходит ему до плеч’ (пример из Апресян, Палл 1982).
- (21) агульский
čakma-jar q'aq'-ar.i-l danan ruq'aa
 сапоги-PL колено-PL-SUPER до достигать
 ‘Сапоги доходят до колен’.

§ 4. Базовый компонент конструкции: PREP и его аналоги

Для предельного значения важны две составляющих — направление (оно выражается директивом) и локализация. Каждой из них может соответствовать свой маркер — так устроены (по крайней мере некоторые) конструкции уровня с двойными предложениями⁸; возможно и совмещение этих значений в одном предложении / послелого / падеже; наконец, третий путь — морфосинтаксическое объединение того и другого в сложном слове. Все эти возможности реализуются в языках мира, мы рассмотрим их последовательно в следующих разделах.

4.1. Конструкции с двойными предложениями

В нашей выборке случаи, в которых терминатив⁹ раскладывается на два показателя, составляющих сложную предложную или наречно-предложную группу, представлены прежде всего гер-

⁸ Отметим, что предельное сочетание из трех показателей тоже возможно, хотя и редко: нам оно встретилось пока только в датском языке: *tíl op óver órene* ‘до вверх над уши’ = ‘по уши’.

⁹ Терминатив — это комбинация граммы пространственного падежа и локализации, которая уточняет взаимную конфигурацию ориентира и объекта (движущегося или покоящегося). Сочетание локализации АПУД ‘пространство рядом с ориентиром’ и падежа ДИРЕКТИВ составляет значение ‘ориентир, по направлению к которому движется объект’, см. Плунгян 2000: 177.

манскими языками — английским, немецким, нидерландским, шведским, исландским и датским — на материале этих языков и строится данный раздел (ср. также отдельные примеры из итальянского и французского). Двойные предлоги в германских языках являются довольно распространенным (хотя и не единственным¹⁰), способом выражения предела направленного движения и различаются по тому, какой именно компонент этого значения кодируется каждой из составляющих. Всего обнаружилось два основных типа распределения:

- 1) 'направление' + 'предельность';
- 2) 'предельность' + 'направление / локализация';

Во втором случае речь идет о контаминации смыслов 'направление' и 'локализация', так что обе пары, как легко заметить, достаточно иконично распределяют сложный смысл конструкции по составляющим. Иллюстрации к ним будут представлены в 4.1.1—4.1.2.

4.1.1. «Направление движения + достижение предела»

Комбинация «направление + предел» реализуется, например, в английском, шведском и исландском языках: первая часть выражает идею направления движения, а вторая — достижение предела ('до'):

- (22) исландский: *upp að eyrum* букв. 'вверх к ушам(DAT)' = 'по уши'
- (23) шведский: *Ni går ut tills vattnet når er upp till halsen* букв. 'Вы идете, пока вода не становится вам вверх по горло'.
- (24) английский: *up to the waist* 'по пояс', *naked down to the waist* 'голый по пояс'¹¹.

¹⁰ Наряду с двойным предлогом, германские языки используют и одиночный предлог с терминативным значением, а кроме того, специальные атрибутивные конструкции, см. ниже.

¹¹ О семантических ограничениях на участников этой конструкции в английском языке см. Апресян 1995а, Т. II: 297: «Рассмотрим, например, ряд *bare*, *naked* и *nude*. Как мы помним, *bare* предполагает отсутствие одежды на части тела, *naked* — на всем теле или тех его частях, которые, по общепринятым правилам, должны быть прикрыты, а *nude* — от-

Первая часть двойного предлога может выражать движение как вверх (если речь идет о слоях и о погружении — например, в воду или снег), так и вниз (если речь идет о длинной одежде и волосах). В случае, если направление задано в самом глаголе — например, ‘свисать’ (сверху вниз), «направительные» наречия опускаются как избыточные, ср. англ. (27) в отличие от (25—26):

- (25) *They waded out till the water was up to Sybil's waist.*
(J. Salinger)
‘Они брели вперед, пока вода не стала Сибилле по пояс’.
- (26) *It [a shirt] ... reached down to the floor.* (T. Pratchett)
‘Она [рубашка] ... спускалась до пола’.
- (27) *her grey fur coat hung to her knees...* (J. Galsworthy)
‘Ее серая шуба свисала до колен’.

В нашей выборке встретилось и сочетание вида «направление + локализация», но только в шведском и только в метафорах: с показателем направления *upp* ‘вверх’ здесь сочетается локативное *över* со значением ‘над’:

- (28) *Jag sitter upp över öronen i arbete*
букв. ‘Я сижу вверх над ушами в работе’;
- (29) *Där träffar han Samantha och blir upp över öronen förälskad.*
‘Там он встречает Саманту и влюбляется по уши’ (букв. ‘становится вверх над ушами влюбленным’).

4.1.2. «Предельность + направление / локализация»

Двойные предлоги такого типа обнаружались, в частности, в немецком и нидерландском языках. Ср. следующие примеры, где первый предлог выражает предельность, а второй может рассматриваться как направительный или локативный¹²:

сутствие одежды на всем теле. Поэтому *bare* и *naked* способны управлять формой *to smth*, обозначающей границу обнаженного участка тела, а *nude* — нет: *bare / naked to the waist*, но не **nude to the waist*.

¹² Как в немецком, так и в нидерландском, второй компонент таких двойных предлогов при самостоятельном употреблении может обозначать и направление, и местоположение. При этом в немецком директивные контексты с предлогами *an*, *über*, *unter* противопоставляются лока-

(30) немецкий

Schnee, Schnee bis an die Knie, Schnee bis an die Nasenspitze, Schnee bis an die Zipfemütze

‘Снег, снег до колена (букв. ‘до до/на колени’), снег до кончика носа, снег до шапочки с кисточкой’;

(31) нидерландский

...waar het gras op sommige plekken tot aan het middel stond...

‘где трава на некоторых участках стояла по пояс’ (букв. ‘до до/на пояс’).

Эта конфигурация дает интересные семантические результаты, когда в качестве второго элемента конструкции выступает направление / локализация со значением ‘под’ или ‘над’. В первом случае (‘под’) движение оказывается **ограничено** уровнем Z, а во втором (‘над’) — **переходит через** него.

Рассмотрим сначала случай ‘под’. В нашей выборке эта структура встретилась только в немецком языке и в буквальном переводе выглядит как ‘до’ + ‘под’ + ‘уровень’¹³, ср.: *bis unter das Dach* букв. ‘до под крышу’ = ‘до самой крыши’. Обычно такие

тивным по падежному маркированию имени (соответственно, аккузатив VS. датив: ср. *an die Wand* (ACC) ‘на стену’ — направление VS. *an der Wand* (DAT) ‘на стене’ — местоположение). В конструкциях уровня имя выступает в аккузативе, так что можно говорить о направительной семантике второго предлога. В нидерландском, где директивное и локативное значение предлога в существительном не различаются, трудно однозначно определить семантику второго компонента в интересующих нас двойных предлогах, поэтому здесь мы будем говорить об общем — директивном-локативном значении.

¹³ Интересно, что в русском языке можно употребить (одинарный) предлог местонахождения *под* в сходном предельно-аппроксимативном значении (≈ ‘почти достигнуть уровня Z’): в идиоматичных выражениях *ростом под потолок* (‘очень высокий’) и *набит под завязку* (‘полностью заполнен’). Завязывают обычно мешок, но последнее выражение метафорически применяется и по отношению к другим объектам класса «контейнеры» — так можно сказать и о переполненном вагоне или машине. То же предельное значение *под* проявляется и во временном контексте, ср. *под утро* / *под вечер*, где *утро* и *вечер* маркируют границу дня и ночи (**под день* / **под ночь*), см. Зализняк, Шмелев 1997.

конструкции имеют дополнительное значение, метафорически выражая большой размер или количество:

(32) *Die Bücherläden sind vollgestopft bis unter das Dach und man fühlt sich wie in einem von Charles Dickens beschriebenen Laden.* (Интернет)

‘Книжные магазины набиты битком по крышу (букв. до под крышу), и ты ощущаешь себя в них как в магазинах, описанных Диккенсом’.

Идея большого размера или количества возникает потому, что в таком контексте уровень является настолько недостижимым максимумом, что даже нахождение в его окрестности уже свидетельствует о большом размере объекта:

(33) ‘Книжный шкаф набит по крышу’ = ‘В книжном шкафу очень много книг’.

Отметим, что *bis unter* применяется к уровням с особыми топологическими (пространственно-геометрическими) характеристиками: этот топологический тип условно можно назвать «свод», или «купол» — ср. пространство под крышей дома / автомобиля (свод), или подмышка (свод руки):

(34) *Ich hatte keine Asbesthandschuhe mit Stulpen bis unter die Achseln.* (C. Nöstlinger).

букв. ‘У меня не было асбестовых перчаток с отворотами до под подмышки’¹⁴.

(35) *Der Boden ist bis unter das Dach mit Heu gefüllt.*

букв. ‘Пол до под крышу завален сеном’¹⁵.

¹⁴ Ср. также похожую конструкцию в исландском языке:

hann stóð í vatni upp undir hendur
он-НОМ стоял в воде(DAT) вверх под руки(ACC)
букв. ‘он стоял в воде вверх по руки’.

¹⁵ Любопытный пример употребления *bis unter* встретился нам в предложении, описывающем лежачего человека, которому натягивают одеяло до носа, т. е. буквально ‘до под нос’: *Omas, die Märchen erzählen und einem die Decke bis unter die Nase ziehen* (Ch. Zocchi) ‘Бабушки, которые рассказывают сказки и натягивают вам одеяло до носа’. Физически пространственная ориентация человека в такой ситуации, конечно,

Таким образом, *bis unter* тяготеет к выражению уровня во внутреннем пространстве ('дом забит книгами / вещами, заставлен полками'), а не во внешнем (типа: 'дом засыпан снегом по крышу').

В случае 'над' происходит превышение установленного предела:

(36) немецкий: *bis über die Knie* букв. 'до выше колен'.

Интересно, что подобные примеры в нашей выборке встретились чаще, чем 'под', и не только в немецком, но и в других языках.

В принципе, в основном двойной предлог такого типа предполагает измерение снизу вверх и буквально переводится на русский как 'до' + 'над / выше / через' + 'уровень'. Однако в сочетании с классом «одежда» возможно и движение сверху вниз, ср. в нидерландском языке: *een jurk tot over de knieën* 'юбка до через колени' = 'юбка ниже колен' VS. *een jurk tot boven de knieën* 'юбка до выше колен' = 'юбка выше колен'. Волосы растут сверху вниз, поэтому и для этого класса объектов конструкция вида 'до' + 'через' + 'уровень' всегда означает 'ниже уровня', а не 'выше уровня': *haar tot over de schouders* 'волосы до через плечи' = 'волосы ниже плеч'.

Несмотря на то, что в случае с 'под' предел не достигается, а с 'над' — превышает, семантика этих вариантов конструкции уровня очень близка, особенно в метафорах. Дело в том, что в обоих случаях ориентиром является максимум: даже если он почти достигнут, как при 'под', это все равно много больше нормы — и тем более, если превышен, как при 'над':

горизонтальная — но конструкция, подразумевающая вертикальный размер, апеллирует здесь не к физической, а к канонической ориентации человеческого тела — а она, конечно, вертикальна.

Обратим внимание и на другой — тоже не вполне стандартный, но тем не менее конвенционализированный в немецком свод: дело в том, что сочетание предлогов 'до' + 'под' в немецком языке может обслуживать устойчивое выражение 'вооруженный до зубов': *Links und rechts des Gate eines Fluges nach Islamabad standen zwei bis unter die Zähne bewaffnete Bobbies*. 'Слева и справа от выхода из самолета в Исламабад стояли двое до зубов вооруженных солдат'. Таким образом, зубы (а точнее, видимо, верхний ряд вместе с верхним небом) тоже концептуализуются как свод / купол.

- (37) немецкий
Auch die Limburger Jugendherberge ist bis unter das Dach ausgebucht. (Интернет)
 ‘И лимбургский хостел весь забит постояльцами’ (букв. ‘до под крышу’);
- (38) нидерландский
tot over zijn oren in het werk ‘до через уши в работе’, *tot over zijn oren verliefd* ‘до через уши влюблен’, *tot over zijn oren in de schulden* ‘до через уши в долгах’;
- (39) итальянский
(avere il) lavoro (che arriva) fin sopra i capelli букв. ‘(иметь) работу (которая прибывает) до над волосами’.

Кроме уровня ‘уши’, в немецком и датском языках встречается маркер, «осложненный» интенсификатором *beide / begge* ‘оба’ — ‘оба уха’ (с другими парными частями в конструкции уровня этот интенсификатор не употребляется):

- (40) датский: *være forelsket til op over begge øren* ‘быть влюбленным по уши’ (букв. ‘до вверх над оба уха’), *han er i gæld til op over begge øren* ‘он по уши в долгах’;
- (41) немецкий: *...war unser Reisender nun also bis über beide Ohren (...)* *verliebt.* (Th. Mann)
 ‘... наш путешественник был теперь влюблен по уши’ (букв. до над оба уха)¹⁶.

Частотным в немецкой конструкции уровня является двойной предлог *bis zu*, вторая часть которого в современном языке полифункциональна, но с определенными оговорками может быть квалифицирована как директивно-локативная:

- (42) *Jetzt waren ihre Haare offen und hingen bis zu den Hüften.*
 (C. Nöstlinger).
 ‘Ее волосы были сейчас распущены и свисали ниже пояса’
 (букв. ‘до бедер’).

¹⁶ Ср. русское *оба* в аналогичной роли интенсификатора в устойчивых выражениях: *уписывать за обе щеки, хромать на обе ноги, глядеть в оба*. Заметим, что в русском в той же функции интенсификатора используется и слово *весь*, и тоже с парными частями тела — при том, что их количество известно, ср.: *он мне все уши прожужжал / все ноги оттоптал; все глаза проглядел*. Ср. в том же ряду и *самый* (по самые уши).

(43) *Manchmal erschien es als alter Mann <...> dessen weißer, wallender Bart **bis zur Brust** reichte.*

‘Иногда он появлялся как старичок с белой бородой по грудь’.

(44) *Auf den Wiesen lag ein dichter Bodennebel, der den Kindern **bis zur Brust** reichte...*

‘На полях лежал плотный туман, который был детям по грудь’.

Русским аналогом этой немецкой конструкции является наречено-предложное сочетание *вплоть до* — однако в русском первую, наречную, часть можно опустить: (*вплоть*) *до пояса*, в немецком же языке предлог *bis* является обязательным, как и первые части соответствующих двойных предлогов во французском (*jusqu'à*) и итальянском (*fino a*) языках:

(45) французский: *cheveux jusqu'aux épaules* ‘волосы по плечи’.

4.2. Падежные и предложные / послеложные конструкции

Теперь рассмотрим менее иконичные конструкции, в которых базовым элементом является предельный предлог (как в русском) или послелог. Как правило, этот же элемент обслуживает и временную зону, т. е. достижение предела во времени.

В языке могут сосуществовать несколько предельных предлогов / послелогов. Так, в славянских языках встречаются предлоги, родственные русским *по* и *до*, причем в болгарском есть только *до*: *кал до глезените* ‘грязь по щиколотки’; в словацком только *по*: *stát po pás vo vode* ‘стоять по пояс в воде’; а вот в польском и *до*, и *по*: *trawa do kolan / po kolana* ‘трава до колен’, но *по* более ограничен в сочетаемости¹⁷, в белорусском (*на, да*) и в русском языках функционируют оба предлога.

В финском языке в предельной зоне конкурируют три послелога: *asti, saakka* и *myöten*: *polvia myöten / asti / saakka* ‘колено по’, ср.:

¹⁷ По нашим данным, польский предлог *po* тяготеет к метафорическим контекстам, таким как *zakochany po uszy* ‘влюблен по уши’ / *po uszy w długach* ‘по уши в долгах’, а предлог *do* — к пространственным: *woda do kolan* ‘вода по колено’ / *broda do piersi* ‘борода по грудь’.

- (46) *vyötäröä myöten lumessa*
 пояс.PART по снег.INN
 ‘в снегу по пояс’;
- (47) *ruoho oli polviin asti*
 трава была колено.ILL.PL по
 ‘трава была по колено’;
- (48) *kuraa nilkkoihin saakka.*
 грязь.PART щиколотка.ILL.PL по
 ‘грязь по щиколотку’.

Подробное сопоставление различий в поведении синонимичных показателей позволило бы выявить противопоставления в зоне предельности и семантические параметры, по которым соответствующие показатели могут в принципе различаться. Так, по нашим данным (Шеманаева 2007, 2008b), для русского языка *по* значительно более антропоцентрично, чем *до*: можно было бы сказать, что русское *по* «выбирает» для измерения объекты, сравнимые с человеком, тогда как *до* применим, в общем, к любым объектам; кроме того, как мы уже упоминали, *по* предпочитает измерять объекты переменного размера. Из более «прозрачных» противопоставлений между *по* и *до* отметим различие точной (*по*) / неточной границы (*до*), включение (*по*) / невключение (*до*) конечной точки, а также большую склонность *по* к обозначению статичного результата движения, а *до* — самого движения по направлению к пределу.

Предельность может маркироваться и синтетически — падежным показателем, который присоединяется к эталону уровня. Ср. терминатив в финно-угорских языках (эстонский, венгерский, удмуртский) или лимитатив в калмыцком:

- (49) эстонский
ja need ulatusid talle põlvini.
 и они достигали ему колено:PL:TERM
 ‘И они (побеги) доходили ему до коленей’.
- (50) венгерский
(Hegy-i) vezet-ő-nk térd-ig [derék-ig,
 гора-ADJ вести-PRT.PRS-1PL колено-TERM [поясница-TERM
mellé-ig] bele-süllyed-t a (sziklá-k
 грудь-TERM] PREV-погрузиться-PST DEF (скала-PL

között-i) repedés-be.
 между-ADJ) трещина-ILLAT
 ‘Наш проводник по колено / по пояс / по грудь провалился
 в трещину’.

(51) калмыцкий

Модн тана толһа-ца бол-жс
 дерево.NOM ваш (= вы.GEN) голова-LIM стать-CONV.IPFV
урһ-жс.
 расти-RES
 ‘Дерево выросло до вашей головы’.

В осетинском языке предельность маркируется аллативом:

(52) осетинский¹⁸:

а. *Лаппу-тæ бацыд-ысты дон-ы*
 мальчик-PL войти-3PL.PST.ITR вода-INESS

сæ астау-т-æм
 их поясница-PL-ALL

‘Мальчики вошли в воду по пояс’.

б. *Сывæллон ауггът-а дон-ы йæ*
 ребенок опустить:PST-3SG.PST.TR вода-INESS его

къах-тæ уæрджы-т-æм
 нога-PL колено-PL-ALL

‘Ребенок опустил ноги в воду по колено’.

4.3. Именные атрибутивные конструкции и сложные слова

Конструкция, использующая именные атрибутивные сочетания или сложные слова той же структуры, встретила нам в германских языках, она имеет вид:

[‘часть тела’ + ‘измеряемый объект’]_N

Значение уровня в ней выражено либо при помощи существительного или отыменного прилагательного перед определяемым существительным, либо как первая часть сложного слова, так что первый слот такой конструкции обозначает уровень, а второй — измеряемый объект:

¹⁸ Примеры Д. А. Эршлера.

- (53) английский: *ankle socks / boots* букв. ‘щиколотка носки / ботинки’ = ‘носки / ботинки по щиколотку’;
- (54) немецкий: *Kniehose* букв. ‘колено-брюки’ = ‘брюки до колен’, *Kniebild* букв. ‘колено-портрет’ = ‘портрет с изображением человека до колен’;
- (55) нидерландский: *kniekous* букв. ‘колено-чулок’ = ‘гольфы’; *lieslaarzen* ‘пах-сапоги’ = ‘болотные сапоги’.

Эта конструкция обслуживает нерелексивные ситуации — дело в том, что в релексивных ситуациях типа ‘я по колено в снегу’ должны обязательно присутствовать три участника: ориентир, среда и уровень, а в данной конструкции есть всего два свободных слота. Поэтому в ней можно выразить только измеряемый объект и маркер его вертикального размера — всегда часть тела, чтобы была возможность по умолчанию восстановить ориентир-посессор.

Как видим, структура конструкции такова, что уровень и измеряемый объект просто соплагаются без дополнительных показателей, а параметр измерения (длина / высота), как и направление движения, опускаются, так как они легко восстанавливаются в зависимости от типа измеряемого объекта. В таком случае сама предельность — в отличие от только что рассмотренных предложных конструкций в тех же германских языках — никакого поверхностного маркера не имеет.

Любопытно, что под такое описание подпадает русское сочетание *поясной портрет*, где уровень выражается прилагательным *поясной*, а *портрет*, хотя и не входит в стандартный класс измеряемых объектов (слои, одежда, волосы и др.) — тем не менее в данном случае выступает именно в этом качестве: измеряется, конечно, не сам портрет, а — метонимически — уровень, по который виден человек, на нем изображенный. Благодаря метонимии, все условия употребления конструкции оказываются соблюдены: обязательная нерелексивность (ср. **поясной князь Голицын* VS. *поясной портрет князя*) и постоянный размер объекта (см. ниже), ср. запрет на сочетание *поясной* с именами изменяющихся слов: **поясной сугроб*, **коленная грязь*.

Обратим внимание, что в германских предложных конструкциях маркер уровня является ремой и, как правило, в соответствии с порядком развертывания ситуации, занимает крайнюю правую позицию: сначала вводится измеряемый объект-траектор (X),

затем ориентир измерения (Q), потом предикат, задающий общую ситуацию измерения, направление реального или виртуального движения (V + Y), показатель предельности — и, как результат всего этого — уровень (Z), которого достигает траектор. В композитах, которые гораздо более идиоматичны, порядок следования компонентов меняется. В частности, показатель уровня Z оказывается, наоборот, в крайней левой, т. е. тематической, а не рематической позиции. Этот в буквальном смысле сдвиг отражает (как и положено в SxG) сдвиг в семантике конструкции: тематизация Z связана, в частности, с полной потерей им референтности. Действительно, если аналитическая конструкция может в каких-то случаях апеллировать к части тела определенного ориентира — как маркера уровня (ср.: *the water came up to his knees*), то в сложных словах это совершенно невозможно: уровень-часть тела здесь является абстрактным эталонным объектом, не связанным ни с каким конкретным человеком.

В связи со всем сказанным, данный способ кодирования годится не для всех измеряемых объектов — и это подтверждает материал рассмотренных нами языков. Он хорош для предметов, у которых измеряется их **постоянная длина** — поэтому лучше всего в такую конструкцию встраиваются представители именно класса «одежда и обувь», ср.: «брюки / платье / сапоги **длиной до колена**». Правда, в немецком нам встретился один пример с объектом из класса «растения», для которого измерялась высота: *Kniebusch* = «кустарник **высотой по колено**», букв. «колено-куст». Однако здесь имелся в виду особый низкорослый тип растений, обладающий постоянной высотой и именно благодаря этому имеющий такое название, — а не любой невысокий кустарник, размер которого случайно оказался бы по колено проходившему мимо человеку. Понятно, что такие классы, как «волосы», «люди» и «слои» не могут обслуживаться данной конструкцией, ср.: **shoulder hair*, **waist man* или **ankle mud*.

Для измерения объектов из этих классов (но также и одежды — см. ниже) в германских языках используется другая конструкция. Ее основой тоже служат композиты — на этот раз сложные прилагательные, первая часть которых по-прежнему обозначает уровень (с помощью какой-то части тела), но вторая (она выражена прилагательным) — уже не измеряемый объект, а пара-

метр, т. е. длину, ширину, высоту или глубину. Такое прилагательное служит определением к существительному со значением переменного вертикального размера¹⁹: [‘часть тела’ + ‘параметр’_{ADJ}]_{ADJ} + ‘измеряемый объект’_N.

(56) английский

a. *knee-high grass* букв. ‘колено высокий трава’ = ‘трава по колено’;

b. *Snow was <...> already ankle-deep about his boots.* (J. R. R. Tolkien);

‘Снега было уже по щиколотку’ (букв. ‘щиколотка-глубокий’);

(57) немецкий

Sie trug einen knielangen Rock.

‘На ней была юбка по колено’ (букв. ‘колено-длинная юбка’);

(58) шведский: *knähög snö* ‘снегу по колено’ (букв. ‘колено-высокий снег’).

Заметим, что все участвующие в конструкции параметрические прилагательные — ‘высокий’, ‘длинный’, ‘глубокий’ — обозначают наивысшее значение признака, вершину шкалы, как и всегда — названия общих эталонных параметров (ср. ‘длина’, ‘высота’, ‘ширина’ и под., но не *‘короткость’, *‘мелкость’ и др.), ср. выше § 2. Единственное встретившееся нам исключение — пример из немецкого языка: *kniekurz*, букв. ‘колено-короткий’ (т. е. ‘длиной / высотой по колено’) как характеристика одежды.

Интересно, что и такого рода сложные прилагательные, обозначающие уровень, «реагируют» на степень постоянства признака, который в них встроен: они употребляются в атрибутивной конструкции, если обозначают постоянный уровень (например, для класса «одежда и обувь»), и в предикативной конструкции,

¹⁹ Здесь нужно учитывать возможность метонимического переноса с такого объекта на место, где он находится, ср. *pavement* ‘тротуар’ как местонахождение слоя пыли в следующем английском примере:

Under his feet the pavements were ankle-deep in grey dust from the volcano. (S. Faulks)

‘Под его ногами тротуары были по щиколотку покрыты серой пылью (букв. ‘были щиколотка-глубоко в серой пыли) от вулкана’.

если обозначают переменный уровень слоев или временное состояние объекта. Высота травы, как мы видим из английских примеров, приведенных выше, является более постоянным признаком, чем глубина слоя снега, ср.: ‘высокая по колено трава’ (атрибутивная позиция, см. пример 56a), но: ‘снег высокий по щиколотку’ (предикативная позиция, см. 56b).

Между тем, в английском языке есть еще одна разновидность конструкции со сложным словом, «специализирующаяся» на определении размера одежды и обуви, а также длине волос. Ее особенность в том, что вторая часть — параметр — выражена в ней существительным (а не прилагательным), и, соответственно, все сложное слово тоже является существительным, несогласованно определяющим измеряемый объект: [‘часть тела’ + ‘параметр’_N]_{ADJ} + ‘измеряемый объект’_N.

Эта конструкция значительно уже, чем предыдущие: единственным параметром, который в ней может выступать, является ‘длина’ (*length*), ср.: *knee-deep* ‘колено-глубокий’, *knee-high* ‘колено-высокий’, но *knee-length* ‘колено-длина’, а не **knee-long* ‘колено-длинный’²⁰, ср. также:

(59) *knee-length skirt* ‘юбка длиной до колена’, *waist-length silver hair and beard* ‘серебристые волосы и борода длиной до пояса’.

(60) *He (<...> had the most interesting haircut (<...> since it consisted of a shoulder-length fringe of hair all round.* (T. Pratchett)
‘У него была самая интересная прическа, так как она состояла из челки до плеч (букв. ‘плечо-длина’) по всей голове’.

Таким образом, для германских языков, и прежде всего английского, где есть несколько вариантов идиоматичной уровневой конструкции со сложными словами, важнейшим параметром для выбора такой конструкции и для выбора внутри этой группы служит степень изменчивости результата измерения. По этому параметру выстраивается целая шкала: на одном полюсе — абсолют-

²⁰ Для точности укажем, что примеры конструкции **Z-long X** в принципе встречаются, но не в конструкции уровня, и с другими эталонами, ср. со значением размера: *mile-long road* ‘дорога длиной в милю’. Ср. также построенное по той же модели, но с временным значением *agelong* ‘длинною в век’.

но устойчивого, постоянного размера — находятся предметы одежды и обуви, на другом — максимально неустойчивого — подвижные слои (как снег). Между ними — но, видимо, ближе к устойчивому максимуму — волосы, затем — растения (например трава):

Уровень, которого достигает одежда и обувь, как наиболее статичный, может быть номинализован — в идиоматичной словообразовательной конструкции вида:

[‘уровень’ + ‘измеряемый объект (одежда)’]_N.

И одежда-обувь, и волосы, длина которых и физически меняется не так быстро, как, скажем, у слоев, и более стабильна в силу культурных и психологических обстоятельств (в той или иной культуре принято — или тому ли иному индивиду свойственно — носить волосы или бороду определенной длины) возможны в другой, менее идиоматичной и менее номинализованной, но все же именной конструкции с несогласованным определением:

[‘уровень’ + ‘длина’]_N + ‘измеряемый объект’_N.

Все объекты — в том числе и с менее устойчивым размером — «измеряются» атрибутивными конструкциями, в целом менее стативными, чем номинализованные:

[‘уровень’ + ‘параметр’]_{Adj} + ‘измеряемый объект’_N.

Однако, как мы видели, и здесь возможна градация по степени постоянства признака размера, которая отражается в выборе атрибутивной VS. предикативной формы данной конструкции.

В заключение этого раздела обратим внимание на то, что по крайней мере в английском языке сложные слова вида «уровень-параметр» могут быть не только прилагательными, но и наречиями, которые способны синтаксически связываться с такими не вполне стандартными для конструкции уровня предикатами, как

держат, *поднять* и др., и поэтому в принципе могут относиться к любым объектам, ср.:

- (61) *to lift the baby **shoulder-high**_{ADV}* (J. Wallace) ‘поднять ребенка вверх (букв. ‘плечо-высоко’)’.
- (62) *She took a skirt <...> and held it **waist-high**_{ADV} in front of her...* (C. Sittenfeld)
 ‘Она достала юбку <...> и держала ее на уровне пояса (букв. ‘пояс-высоко’) перед собой’.

В русском соответствующее расстояние по вертикали — при отсутствии непосредственного контакта объекта с ориентиром — передается другой конструкцией: (*держат* / *повесить* / *прибить*) *на уровне глаз* / *на уровне груди*.

§ 5. К типологии эталонных уровней (Z): части тела и другие части

5.1. Общие замечания

Как мы помним, в русском языке есть две уровневые конструкции: с *по* и с *до*. Их требования к уровню Z различаются: предлог *по* вводит более антропоцентрическую конструкцию, где уровень сравним по размерам с человеком (*по колено*, но не **по потолок*, **по звезды*), а *до* — более абстрактную предельную конструкцию приближения к конечной точке, общую и для пространства, и для времени (*до колен* / *до потолка* / *до полуночи* / *до заезда*). В отличие от русского, в других проанализированных нами языках обычно нет такого противопоставления, предельные показатели в целом более универсальны и конструкции больше похожи на русскую с предлогом *до* — тем не менее и в других языках основные функциональные уровни, обозначающие количество вещества и степень погруженности в ту или иную среду, в первую очередь маркируются все-таки частями тела. Причем поскольку выбор способа заполнения слота в конструкции, согласно СxG, в принципе не может быть **абсолютно** свободным, в этих языках тоже есть свои предпочтения и ограничения. Прежде всего они касаются зоны частей тела, которой, как наиболее значимой, мы уделим основное внимание в этом параграфе.

5.2. О прототипических и непрототипических маркерах уровня

Прототипический маркер уровня представляет из себя видимую значимую границу, топологически — линию или выступ. Лучше всего этому условию соответствуют ‘щиколотка’, ‘колено’, ‘пояс’ и ‘плечо’, — тогда как поверхности и внутренние органы как показатели уровня заведомо периферийны, а в русском, например, просто невозможны, причем независимо от типа уровневой конструкции **по спину / *до спины, *по сердце / *до сердца* и др. (см. однако 5.7). По большей части это выступы: настоящую, протяженную, «границу» (линию) представляет из них только ‘пояс’, однако обратим внимание на парность остальных прототипических частей: парные части легко объединяются воображаемой прямой, которая и осмысливается как уровневая граница — если речь идет об употреблении во множественном числе, ср. в русск. *плечи, щиколотки* и др. (О числовом поведении слова *плечо* см. в 5.5).

В таблице 2 приведены основные названия частей тела, способные выступать в качестве показателей уровня в базовых языках исследования. Плюсами отмечены пары, примеры на которые встретились в корпусах, проверены с информантами или зафиксированы в словарях. Минус ставился, если соответствующие примеры были отвергнуты информантами.

З а м е ч а н и е. Редкие и менее значимые для наших контекстов лексемы в таблице не представлены. Не включены в нее и табуированные (для русского языка) обценные лексемы, которые как раз достаточно частотны; ср. также аналогичные конструкции с эвфемистической заменой типа *до фи́га*. Существенно, что в русском они выступают не в буквальном пространственном значении, а исключительно как интенсификаторы со значением большого количества (у них этих компьютеров до фи́га), ср. ниже, 5.4. Обратим внимание, что выражения с предлогом *по* со значением ‘все равно’ (*мне это по фи́гу*, в редуцированном варианте *по фи́г*) представляют другую, не уровневую конструкцию, с другим падежным маркированием.

Как можно видеть, по сравнению с русским, список «уровневых» частей тела для других языков нашей выборки оказывается существенно шире: в него, в частности, входят такие уровни, как ‘губы’, ‘зубы’, ‘челюсть’, ‘глаза’, ‘подмышки’, ‘пупок’, ср.:

(63) французский: *rougir jusqu'aux yeux* ‘покраснеть до глаз’.

Таблица 2

Части тела как маркеры уровня

	русский	английский	немецкий	нидерландский	болгарский	польский	чешский	агульский	французский	кхмерский	грузинский	японский	финский	литовский
Щиколотка	+	+	+	+	+	+			-	+	+	+	+	+
Лодыжка	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
Икра	-	+	+						+					
Колено	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пояс	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+		+	+
Живот	+								+					
Пупок	-							+						
Грудь	+	+	+	+	+	+		+	-	+	+	+	+	+
Подмышка		+	+					+						
Плечо	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+		+	+
Шея	+	+	+	+	+	+		+		+		+		+
Горло (внутр.)	+					+	+				+			
Подбородок	+	+												
Губы	-	+												
Зубы	-	+												
Глаза	+							+				+	+	
Уши	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-	+		+	+
Макушка	+													
Локоть	+	+		+	+	+	+		+					
Запястье	+	+												

(64) агульский

čī za-s ʔač'.a-n urk'-ar.i-q
 сестра я-DAT подмышка-GEN яма-PL-POST
 'сестра мне до подмышек';

(65) турецкий:

sakalı göbeğine kadar
 борода:POSS3SG пупок:POSS3SG:DAT до
 'борода до пупка'.

Обратим внимание на то, что по своим топологическим характеристикам они ничуть не уступают «классическим границам».

Действительно, как маркеры уровня, 'подмышки' или 'глаза' совершенно не хуже 'коленок' и 'щиколоток': они тоже соотносятся с видимыми и парными частями тела.

Другое дело — 'живот': в русском этот маркер возможен только применительно к животным — причем таким, у которых он расположен горизонтально и может маркировать уровень (лошадям, собакам и др.), — уже в соответствии не с антропоцентрической, а с так называемой «пастушеской» моделью мира, см. Heine 1989, Svorou 1994; подробнее см. Шеманаева 2007, 2008b. Своеобразным исключением здесь служит французский, который тем не менее задействовал «человеческий», «вертикальный» живот в уровневой конструкции. Правда, это не полное исключение, потому что во французском здесь добавляется искусственная граница: 'половина', ср.: *jusqu'à mi-ventre*, букв. 'до половины живота', т. е. 'по пояс (о человеке)', в том же контексте во французском возможны 'икра' и 'бедро'. (Заметим, что и живот, и икра, и бедро могут топологически рассматриваться как выступы.)

«Половинный уровень» можно считать маргинальным, пока кроме романских языков (французского и латыни — *media tenuis alvo*, 'до половины живота') он нам нигде не встретился, но в этих языках он довольно распространен, ср. франц. *à mi-mollet* 'до половины икр', т. е. 'выше щиколотки'; *à mi-jambe* 'до половины ноги', т. е. 'по колено'; *à mi-cuisse* 'до половины бедра'; *à mi-corps* 'до половины туловища', т. е. 'по пояс'. Обращает на себя внимание и то, что если в артиклевых языках эталоны уровня употребляются, как правило, с определенным артиклем (или дейктически с притяжательными местоимениями *мой, твой, его*) — англ. *up to the waist* 'по пояс', нем. *bis an den Hals* 'по горло', исп. *hasta la cintura* 'по пояс' и т. д., то во французском эти особые «половинные» уровни не предполагают артикля, ср.: *jusqu'à mi-mollet / jusqu'à mi-ventre*.

Таблица 2 позволяет сделать некоторые наблюдения о когнитивных основаниях для выбора эталона уровня в зоне частей тела — они приводятся ниже, в 5.3—5.7. Другие типы эталонов обсуждаются в 5.8.

5.3. Фронтальность измерения и фасадность

Фронтальная область более важна для человека, чем другие: измеряется предмет (или слой вещества), находящийся *перед* че-

ловеком, т. е. в его поле зрения. Поэтому для измерения выбираются фронтальные, фасадные части. Причем, даже если речь идет, в терминологии, предложенной в работе А. Н. Журина (1971), о *мгновенной* ориентации человека — т. е. ориентации в момент речи, это не меняет структуры конструкции уровня: даже когда говорящий видит человека, погруженного в воду, со спины, он все равно использует выражения типа *стоит по шею / по грудь* (а не: **по затылок / лопатки*) в воде.

Таким образом, в терминологии Ч. Филлмора (1969, см. подробнее Введение, § 2), конструкция уровня обладает *абсолютной* ориентацией — как *верх* шкафа не перестает быть *верхом*, даже шкаф перевернут (см. Апресян 1974/1995: 110), так и *по колено* обозначает определенный уровень вне зависимости от того, где находится наблюдатель.

Тот факт, что измерение происходит спереди, не случаен: прототипически общение людей и вообще их повседневная деятельность связана с пространственной областью, расположенной *перед* человеком, и эта область более важна для него, в отличие от зон за спиной или сбоку. Другими словами, человеческому телу свойствен признак фасадности; им обладают все предметы, у которых функциональной, т. е. предназначенной для использования, является какая-то одна сторона и, соответственно, она тем или иным способом выделена в языке.

5.4. Асимметричность измерения: верхняя vs. нижняя зона

Между тем, как известно (см., например, Miller, Johnson-Laird 1976), тело человека асимметрично не только в отношении фасадной и нефасадной зон, т. е. его вертикальных поверхностей, — в нем еще противопоставлены верхняя и нижняя зоны, ср. Svorou 1994: 76. Наша конструкция подтверждает релевантность противопоставления верхней (от головы до плеч) и нижней (от бедер до ступней) зон — у соответствующих частей тела в ее контексте оказываются прототипически разные функции: нижняя зона — от колен — служит в основном для пространственных уровней, а верхняя — выше плеч — для метафорических (см., однако, Замечание в 5.2).

Метафорические конструкции такого рода, преимущественно использующие в качестве маркера уровня ‘шею/горло’ и ‘уши’,

реже — ‘глаза’, выражают значение большого количества или интенсивности, ср. следующие примеры из английского:

- (66) *She was up to her neck in misery* ‘Она была глубоко несчастной’ (букв. ‘по шею’).
 (67) *She is up to her ears in marriage proposals* ‘Женихов у нее хоть отбавляй’ (букв. ‘по уши’).
 (68) *I’ve been up to my eyes in family secrets, tears, break-ups and make-ups.* (C. Ahern) ‘я уже вся была в семейных секретах, слезах, ссорах и примирениях’ (букв. ‘по глаза’).

А также:

- (69) французский: *être dans les ennuis jusqu’au cou* ‘быть в неприятностях по шею’;
 (70) польский: *po uszy w długach* ‘по уши в долгах’;
 (71) сербский / хорватский: *Do grla su mi ove svakodnevne vožnje vozovima*, букв. ‘До горла мне эти ежедневные поездки на поездах’ (Из Jachnow 2005);
 (72) грузинский: *q’elamde valebši* ‘по горло в долгах’.

З а м е ч а н и е. Тем не менее надо признать, что в отдельных случаях в метафорическом значении большого количества могут выступать и уровни нижней зоны. Так, в английском ‘по колено’ регулярно означает переизбыток, причем обычно чего-то плохого и неприятного, ср.:

- (73) *...I got home and found my answerphone knee-deep in angry messages...* (BNC)
 ‘...я вернулась домой и обнаружила, что автоответчик забит сердитыми сообщениями’ (букв. ‘по колено в сердитых сообщениях’);
 (74) *...now she didn’t feel knee-deep in anything but annoyance.* (BNC)
 ‘...она ничего не чувствовала, кроме раздражения’ (букв. ‘чувствовала себя по колено только в раздражении’);
 (75) *You’re knee-deep in relatives, while I haven’t a clue whether I possess any at all.* (BNC)
 ‘У тебя куча родственников (букв. ‘ты по колено в родственниках’), в то время как я понятия не имею, есть ли они у меня вообще’.

Другим неверхним метафорическим уровнем, правда, имеющим очень узкую область применения, являются ‘локти’ — так может описываться большое количество работы, ср. англ. *up to the elbows in work*, аналогично в польском: *urobiony po łokcie* ‘за-

работавшийся по локти'. Значение высокой степени в таких контекстах 'локоть' приобретает потому, что служит функциональной границей рабочей и нерабочей частей руки.

5.5. Эталоны и измеряемые объекты

Существенно, что предпочтения и запреты на эталоны часто связаны со значением других переменных конструкции — прежде всего типом измеряемого объекта и направлением измерения. Для определения длины волос подходят такие уровни, которые, как правило, не используются для описания высоты слоев: например, в английском языке только для волос уровнями могут служить 'челюсть', 'щека', 'ключица', 'подбородок': *jaw-length* 'длинной по челюсть', *cheek-length* 'длиной по щеку', *collar-length* 'длиной по ключицу', ср.:

(76) ...*her chin-length hair was blond...* (C. Sittenfeld)
'ее волосы, длиной до подбородка, были светлыми'.

Заметим, что 'челюсть', 'щека' и 'ключица' могут быть уровнями только в специальной конструкции — в составе сложного слова с параметром «длина», но не в остальных модификациях конструкции уровня в английском языке: **up to the jaw*, **up to the collar in water*:

(77) *We cut her hair into a jaw-length bob* (BNC)
'Мы постригли ее волосы в прическу-боб длиной до челюсти' (букв. 'челюсть-длина').

В русском 'плечи' во множественном числе измеряют длину волос — как бы со спины, ср.: *волосы до плеч*, а в единственном — как бы сбоку — служат характерным уровневым эталоном для измерения роста человека: *он мне по плечо* (Шеманаева 2007). В агульском же, как выяснилось, эталонным уровнем измерения роста служит 'шея'.

Для волос, бороды и одежды «хорошим» уровнем является 'пояс', ср. англ.: *waist-length*. Кстати говоря, для пояса не важно, с какой стороны производится измерение: с фронтальной или нет, в этом отношении 'пояс' — универсальный маркер уровня. Для одежды и обуви самые естественные уровни — это 'щиколотка' и

‘колено’, встречаются также ‘икра’ и ‘бедро’ (англ.: *ankle-length, knee-length, calf-length, hip-length, thigh-length*).

Направление измерения для выбора эталона тоже очень существенно — ведь с каждым направлением измерения связаны и определенные классы измеряемых объектов: так, в английском языке объекты класса «слои», «растения», «обувь» измеряются предположной группой *up to*, а объекты класса «одежда» и «волосы» — *down to*, ср. в русском *по уши, по макушку* (только снизу вверх), *до пят* (только сверху вниз), агул. ‘до подмышек’ (только снизу вверх) и др., а также за пределами частей тела:

(78) английский

*It [a shirt] was tight across the chest but reached **down to** / ***up the floor**.* (T. Pratchett)

‘Она (рубашка) была ему тесна в груди, но спускалась до пола’.

В редких случаях используется невертикальное направление — например в ситуациях, которые описываются предикатами ‘накраситься’ / ‘покраснеть’ / ‘улыбнуться’ / ‘засмеяться’ и в которых нужно выделить пространство на человеческом лице. Оказывается, что границы в этом случае во многих языках (русском, болгарском, чешском, словацком, французском, турецком) задают уши, ср. русск. *улыбка до ушей*, франц. *rougir jusqu’aux oreilles* ‘покраснеть по уши’ (русский аналог *покраснеть до кончиков волос* отражает ситуацию вертикального движения, когда краснота от щек поднимается выше лба). Ср. также турецкий пример:

(79) турецкий

kulaklarına kadar kıpkırmızı oldu
уши:PL:3SGPOSS:DAT до красный-красный стать:3SG:PST
‘Он покраснел по уши’.

5.6. Эталон и проблема номинации

Любопытные расхождения в интерпретации конструкции уровня могут возникать между языками (да и внутри одного языка) ввиду того, что одна и та же часть тела по-разному концептуа-

лизуется и получает разные номинации. Две характерные пары здесь — это ‘пояс’ VS. ‘талия’ и ‘шея’ VS. ‘горло’.

Что касается первой, то в ней противопоставлены два названия одной части тела, которые характеризуют ее по-разному: с функциональной (*пояс*) и эстетической (*талия*) точек зрения. По свидетельству Iordanskaja, Raperno 1996, в русском языке есть запрет на нефункциональную номинацию в конструкциях уровня.

Второе противопоставление в целом гораздо более значимо для языков. Оно маркирует различие между внешним и внутренним органом, — последние, как мы помним, в конструкции уровня вообще не участвуют (см. также 5.7). В этом отношении ‘горло’ особенно, так как является повсеместно распространенным исключением. Тем не менее, по нашим данным, если в языке внешний (‘шея’) и внутренний орган (‘горло’) лексически различаются, то есть представляют собой два разных слова (как в русском), они имеют разный круг употреблений: обычно внешний уровень тяготеет к пространственной конструкции, а внутренний — к метафорической, ср. в русском: *по шею в воде / работы по горло*²¹.

То же распределение представлено в крымско-татарском, ср.:

(80) *боюн къадар су ичинде*

шея до вода внутри
‘по шею в воде’;

(81) *иши богъурдакъ-тан*

работа трахея-ABL
‘дел по горло’

Однако еще в XIX веке русское выражение *по горло* могло употребляться, как и *по шею*, в пространственном значении, ср.:

²¹ Любопытно, что метафоризовываться в языке может (хотя, видимо, и реже), наоборот, преимущественно наружный орган. Именно так устроена уровневая конструкция в болгарском, где есть два слова — *гърло* ‘горло’ и *шия* ‘шея’, но именно поверхностный уровень выступает в качестве метафорического: *затънал съм до шия* ‘утонул до шеи’ (в работе). В словацком языке наблюдаем ту же картину: из двух слов *hrdlo* и *krk* слово, обозначающее шею как наружный орган, используется в метафорических контекстах: *som najedeny až po krk* ‘сыт по горло’, *už mám tvojích výčitiek po krk* ‘я сыт по горло твоими упреками’.

(82) *На середине ручья холодная, как лед, вода была ему по горло*
[Г. П. Данилевский. Сожженная Москва (1885)].

В нашей выборке оказалось несколько языков, где помимо собственно ‘шеи / горла’ есть еще и специальное название для задней части шеи (ср. русское *загривок*), использующееся как маркер уровня — причем только в буквальном, а не метафорическом значении, ср. следующие примеры:

(83) литовский

Ilgais plaukais. Na, ne per ilgais.
длинными волосами ну не слишком длинными
Iki sprando.
до шеи (задней части)

(84) хинди

Topii gardan tak phailii thii
шапка шеи (задней части) до распространиться:PST

5.7. Внутренние органы как эталоны

В Таблице 2 (Части тела как маркеры уровня) внутренние органы, если не считать горла, не фигурировали: в неметафорических конструкциях уровня на материале наших языков они не встретились как ненаблюдаемые.

Тем не менее внутренние органы все же используются для обозначения предела — как метафоры высокой степени:

(85) армянский

Rozettan minč'ev ugn u cucə kronaser ēr
‘Розетта была глубоко (букв. ‘до мозга костей’) религиозна’.

Конструкция с предельным предлогом или послелогом в этом случае выражает идею движения вглубь, а не вертикального движения — этот вариант предельных метафор мы называем **конструкцией проникновения**. Семантически она соотносится со степенью проявления физических ощущений (*промерз до костей*) или ментально-эмоциональных состояний и свойств (*француз до мозга костей, усвоить до мозга костей*). Из физических ощущений это главным образом сырость и холод: при этом метафорическим уровнем для проникновения воды в человеческое тело во многих языках оказывается кожа:

- (86) нидерландский: *tot op de huid nat worden* букв. 'до кожи мокрым стать';
 (87) латышский: *izmirkt līdz ādai* 'промокнуть до кожи';
 (88) сербский / хорватский: *pokisnuti do (gole) kože* 'промокнуть до (голой) кожи'²² (из Jachnow 2005).

В той же роли часто выступает одежда, ср. в нидерландском языке *tot op het hemd nat* 'до рубашки мокрый', ср. также семантически менее прозрачное русское *до нитки* — по-видимому, метонимическое обозначение одежды из: *до последней нитки*.

Для выражения ощущения сильного холода кожа является «недостаточным пределом». Типологически релевантнее в этом контексте более глубокий уровень — 'кость/кости', 'мозг костей' и 'мозг':

- (89) узбекский: *совуқ миягача чиқади* букв. 'холод до мозга достает';
 (90) английский: *He was chilled to the bone and hungry...* (J. R. R. Tolkien)
 'Он промерз до костей (букв. 'до кости') и был голоден'.

То же касается эмоциональных и ментальных состояний: они также предпочитают самый глубокий уровень и обычно, как и физические, связаны с отрицательной оценкой. Ср.:

- (91) английский: *I was shocked to my marrow to see the front page of the Sunday Mirror...* (S. Townsend) 'Я был шокирован до мозга костей, увидев первую страницу газеты Сандей Миррор'.
 (92) немецкий: *sich bis auf die Knochen blamieren* 'осрамиться до костей';
 (93) французский: *j'ai encore peur jusque dans les moelles...* (G. de Maupassant) 'еще я боюсь до мозга костей'.

Однако той же конструкцией проникновения иногда может описываться высокая степень нейтральных или даже положительных состояний — как физических, ср. *пропариться до костей*, так и психических:

- (94) немецкий: *j-m treu bis in die Knochen sein* 'быть верным кому-л. до костей'.

²² По данным информантов, *pokisnuti do gole kože* предпочтительнее, чем *pokisnuti do kože*.

- (95) сербский / хорватский: *Pošten je do srži, smiješ mu povjeriti šta hoćeš* ‘Он честный до мозга костей, ты можешь ему доверить что угодно’ (из Jachnow 2005).

5.8. Другие типы эталонных уровней (Z)

Наряду с частями тела в конструкции уровня могут использоваться другие стандартные эталоны:

- (1) части тела животных;
- (2) земля или пол;
- (3) части артефактов;
- (4) одежда и ее части.

(1) Части тела животных

Если субъектом являются животные, круг допустимых в конструкции частей тела расширяется, ср.: в русском *по морду лошади, мокрые по щетки ноги лошадей* и т. д., а также:

- (96) нидерландский: *tot aan zijn bek* ‘по морду’, *tot aan zijn kop* ‘по голову (башку, применительно к человеку только в сниженных контекстах)’;
- (97) английский: *...Jo's too-laiden horse plunged through the sand and sinking fetlock deep...* (E. Thompson Seton)
 ‘...переутомленная лошадь Джо проваливалась в песок на каждом шагу’ (букв. ‘по волосы-за-копытом глубоко’) (пер. Н. Чуковского)

(2) Земля или пол

Этот уровень является естественным пределом при измерении сверху вниз и как таковой особенно релевантен для измерения длины одежды и волос.

- (98) японский:
ками но сосин-сама — има хидза мадэ но ками га дзимэн мадэ цукимасу ё:ни!
 ‘О бог-предок-покровитель волос, пусть волосы, которые сейчас до колен, достанут до земли!’

(3) Части артефактов

Для артефактов частотными маркерами уровня служат части средств передвижения, зданий или оружия, ср.:

— части средств передвижения

(99) русский: *машина завязла по бампер*;

(100) нидерландский: *tot aan de bumper in de modder* ‘по бампер в грязи’;

(101) венгерский:

A kerek-ek tengely-ig süllyed-t-ek a sár-ba.

DEF колесо-PL ось-TERM погрузиться-PST-3PL.S DEF грязь-ILLAT
‘Колеса ушли в грязь по самые оси’ (пример из Апресян, Палл 1982)

— части зданий

(102) русский: *по самые окна в снегу*;

(103) нидерландский: *tot de nok toe* ‘по крышу’ (*de nok* ‘конек крыши’) *De kerk was tot de nok toe gevuld met gelovigen* ‘церковь была полностью заполнена верующими’; *tot aan het dak* ‘до крыши’, *tot aan het plafond* ‘до потолка’;

(104) венгерский:

A kunyhó (egészen) ablak-párkány-á-ig süllyed-t

DEF избушка (совсем) окно-карниз-3SG-TERM погрузиться-PST

a föld-be [az agyag-ba]

DEF земля-ILLAT [DEF глина-ILLAT]

‘Избушка ушла в почву [в глину] по окна’ (пример из Апресян, Палл 1982)

— части оружия

(105) болгарский: *нож, забит до дръжката* ‘нож, воткнутый по рукоятку’;

(106) английский: *to the hilt* ‘по рукоятку’ (о кинжале).

Заметим, что части артефактов могут использоваться и в метафорических контекстах со значением высокой степени:

(107) английский: *up to the hub* ‘в значительной степени, глубоко (вовлеченный в какую-либо деятельность)’ (ср. *a hub* ‘ступица колеса, втулка’);

- (108) амер. английский: *He was enjoying himself up to the handle*
 ‘Он веселился от всей души’ (ср. *a handle* ‘рукоятка’).

(4) Одежда / обувь

В случае, когда субъект ситуации — человек, уровнем могут быть его одежда или обувь²³. Эти артефакты настолько релевантны для человека, что используются при измерении так же, как и части тела. Обувь (измеряемая снизу вверх) метонимически обозначает свой верхний, а одежда (измеряемая сверху вниз) — свой нижний край, ср.

- (109) английский: ... *jutting-jawed fly fisherman who was up to his waders in a river*. (S.Townsend)

‘...ловкий рыбак с квадратной челюстью, который был по болотные сапоги в реке’.

- (110) *As the snow even in the yard was more than boot-deep, they were thankful that their skirts and petticoats were pinned well up out of the wet snow*. (BNC)

‘Так как снег даже во дворе был более чем по ботинок глубиной, они были рады, что их юбки и пальто были подколоты наверх, подальше от мокрого снега’.

Ср. также метафорический болгарский пример, в котором козырек головного убора служит верхним уровнем, таким как уши, горло или макушка, и выражает большую степень: *зает до козирката* ‘занят до козырька’.

В следующем примере, где в качестве уровня выступает одежда — килт, происходит дополнительный сдвиг, при котором вместо человека субъектом ситуации является страна:

- (111) *Everywhere else there was snow. Scotland was kilt-deep in it; it was up to the lorry-axles on Shap, up to the bus-steps in London. At Old Trafford it was wicket-high, and in Sussex it was up to the Downs*. (BNC)

‘Везде был снег. Шотландия была по килт²⁴ в снегу; он был по оси грузовиков в Шепе, по ступеньки автобуса в

²³ Заметим, что такое употребление нехарактерно для русского языка.

²⁴ Килт — короткая юбка в складку или плед вокруг бедер, национальная одежда мужчин в Шотландии.

Лондоне. В Олд Трэффорд снег был высотой с калитку, а в Сассексе — по холмы Даунс’.

§ 6. Заключение

Рассмотрев конструкцию уровня в вариантах, свойственных разным языкам, мы убедились, что все они связаны и образуют семейство, каждый член которого обладает главным с точки зрения СхG свойством — семантической цельностью. Вопрос, который часто в связи с этим задают типологи: как тогда проводить типологический анализ, если во всех языках обнаруживаются собственные и самостоятельные «члены семейства»? Самый общий ответ простой — так же, как типологи сравнивают, например, маркеры грамматических значений: ведь известно, что, вообще говоря, у них от языка к языку семантическое наполнение тоже меняется.

Для общей лингвистической теории, бесспорно, важно, что в некоторой семантической зоне имеется когнитивно релевантное значение (или группа значений), потребовавшее сразу во многих (а может быть, и во всех) языках особых морфосинтаксических средств выражения. В данном случае это ситуация измерения некоторого вертикального размера объекта (уровня), прототипически — меняющегося, причем измерения относительного, при котором мерой выступает либо другой вертикальный объект, либо часть самого измеряемого. Мы показали, что эта ситуация действительно выражается (пусть несколько разными способами) во всех рассмотренных нами языках — и видимо, во многих других тоже — из этого следует, что она действительно когнитивно значима.

Когнитивная значимость косвенно связана с антропоцентричностью — наша конструкция ориентирована на человека и мир человека: она не только выбирает непосредственно связанные с ним объекты измерения (слои, растения, одежду), но и ситуации измерения, часто предполагающие актуальный контакт с предметом (ср.: ‘провалился в снег, болото’ — ‘по пояс’, ‘погряз в песке’ — ‘по щиколотку’, ‘вошел в воду’ — ‘по колено’, ‘отрастил волосы / бороду’ — ‘до пят’ и под.).

Понятно, что в таком случае носителям требуются языковые средства, более или менее идиоматичные, чтобы передать такой

смысл. Этот смысл сложный, отработанных методик для сравнения его выражения по языкам пока нет²⁵, и мы не претендуем на то, что построили полное типологическое описание уровневой конструкции: данную главу можно рассматривать только как предварительные материалы к нему.

Тем не менее, пользуясь этим относительно небольшим материалом, наблюдая и изучая важнейшие свойства данной конструкции (точнее, группы конструкций), можно сформулировать хотя бы некоторые из базовых постулатов, на которые пошагово опиралось наше исследование и которые мы потом будем использовать применительно к конструкциям боли в Главе 4 Части IV.

Как кажется, они дают ключ к методам построения типологического исследования в целом в рамках СxG.

(1) В основе всей философии СxG лежит идея фрейма, именно фрейм задает структуру конструкций — какие бы разные поверхностные воплощения она ни принимала. Структура фрейма определяется «когнитивной задачей», которую решает данная серия конструкций — в данном случае, это (относительное) измерение объекта внешнего мира. В этой узкой семантической зоне мы можем выделить языки «более иконичные» — в них число поверхностных участников соответствующих конструкций совпадает с тем, который определен фреймом (ср. русск. *Сугробы_x были высотой_y по поясу_z*), и более идиоматичные, «с пропуском участников» или их нестандартным кодированием (ср. англ. *ankle_z socks_x* ‘носки по щиколотку’).

(2) Для участников, которые в данном языке в данной конструкции выражаются поверхностно, мы ищем ограничения: они всегда есть для любого слота. Ограничения объясняются нюансами данного варианта конструкции и помогают построить точное толкование. И хотя от языка к языку заполнение слотов варьирует, как мы наблюдали на примере эталонных уровней (*Z*), в целом они остаются в рамках общей стратегии. Например, уровень обычно представляет класс наблюдаемых границ, и нарушения этого правила обычно мотивированы (см. поведение уровня ‘живот’ во французском).

²⁵ Среди частных исследований по типологии конструкций отметим прежде всего Haspelmath, Buchholz 1998.

(3) Бывает, что фреймовый участник поверхностно не может быть выражен в данной конструкции — как ориентир или направление измерения в английских сложных словах (ср. англ.: *knee-length skirt* ‘юбка длиной до колена’ или нем.: *Kniehose* букв. ‘колени-брюки’, ‘брюки до колен’): в таких случаях нужно выявить правила, по которым реконструируется семантика, связанная с имплицитным участником.

(4) Ясно, что при таких «жестких» требованиях к степени подробности сведений о поведении компонентов конструкции нужен последовательный (по возможности, корпусный анализ) всех ее слотов для каждого языка и работа с информантом-экспертом по определению запретов на их заполнение.

(5) Важно, что один и тот же элемент смысла может, в зависимости от языка, в близких конструкциях разной структуры обнаруживаться в разных составляющих. В семействе конструкций уровня так вел себя признак «переменного / устойчивого» размера: он мог выражаться в самом измеряемом объекте, в глаголе, в предлоге, в типе сложного слова. Таким образом, «присутствие» общей семантики конструкции может обнаружиться в разных ее компонентах в разных языках.

(6) Однако и в конкретном языке, в рамках конкретной конструкции, — семантика конструкции часто оказывается «разлита» по разным ее компонентам и может усиливаться в одном, ослабляясь в другом. Поэтому в каждой конструкции всегда есть взаимозависимость элементов: нельзя определить или исчислить, например, эталоны уровня, без «привязки» к объекту измерения (слои, волосы и др.) и направлению измерения. Соответственно, и теория SxG, и методика исследования конкретных конструкций, и типологические анкеты для сопоставления их вариантов в разных языках строятся с учетом этого эффекта.

Глава 3

АНЕКДОТ КАК КОНСТРУКЦИЯ¹

§ 1. Введение

В этой Главе мы рассмотрим СxG как инструмент дискурсивного анализа. Если признать, что дискурс строится не из слов, а из конструкций, то можно проследить и описать, как в реальном тексте конструкции вкладываются одна в другую, контаминируются одна с другой и сложным образом взаимодействуют. Текстовое поведение *конструкций*, а не только слов и морфем, становится в этом случае специальным предметом лингвистического исследования. Особенно показательным примером взаимодействия конструкций являются *каламбурные* тексты; их ярким и культурно значимым для русского языка подклассом являются каламбурные анекдоты, которые и будут материалом настоящих заметок.

По определению В. З. Санникова (1999: 490), «*каламбур* — это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию. Это забавная ненормальность, вроде двухголового теленка в кунсткамере». В американской традиции в сходных случаях используется термин *blending* (см., например, Tuggy 2007), который применяет Ж. Фоконье в своей теории «ментальных пространств» (ср. Fauconnier 1997) для моделирования сдвигов значения. На русский язык тер-

¹ Впервые эта работа была напечатана по-французски в сборнике: R. Roudet & Ch. Zarembo (eds.), *Questions de linguistique slave : Etudes offertes à Marguerite Guiraud-Weber*. Aix-en-Provence : U. De Provence, 2008, 235—248. (La construction des «anecdotes» du point de vue de la Grammaire des constructions). Ее русский вариант опубликован в Изв. РАН, СЛЯ, 2009, т. 68, № 5, с. 47—54 («Конструкция анекдота с точки зрения грамматики конструкций»).

мин *blending* перевести очень трудно², ближе всего ему соответствует понятие *совмещения* значений — именно оно встречается в работах Перцова 1988, Анна Зализняк 2006а: 27—30 и др. при описании семантических сдвигов, в том числе и в контексте каламбура.

В этой работе эффект совмещения-*blending* нас будет интересовать не в контексте «естественного» сдвига значения (прежде всего, метафорического), а исключительно как художественный прием: в рекламе, в шутках, в анекдотах и т. п. Рекламный материал труднодоступен, для изучения его особенностей нужен специальный корпус, поэтому пока мы оставим его в стороне и обратимся к анекдотам. Действительно, в отличие от рекламы, русским анекдотам уже посвящена большая литература, они хорошо отобраны и расклассифицированы — см. прежде всего книгу А. Д. Шмелева и Е. Я. Шмелевой (2002) «Русский анекдот» (на собранный там корпус мы во многом опираемся) и цитируемую там литературу, но в целом, как кажется, пока они описаны с несколько иной точки зрения³.

Итак, что такое каламбурный анекдот? Это такой анекдот, который строится на совмещении внешних сторон языковых единиц, ср. пример из Шмелева, Шмелев 2002:

- (1) — *У вас есть дикая утка?*
— *Нет, но можем разозлить домашнюю.*

В этом тексте говорящий имеет в виду *дикий* в прямом значении (оно реализуется, например, в сочетании *дикое животное*), а слушающий использует то же прилагательное в переносном значении, ср. *дикий крик* или *дикий поступок*. Сокращенно это можно записать так:

² Подробнее об этой проблеме и о теории Фоконье см. обзор Рахилина 1998, некоторые ее аспекты отражены также в Главе 3 Части IV настоящей книги.

³ Наиболее близкий нам подход представлен в диссертационном исследовании Архипова 2003, специально посвященном анализу анекдотов про Штирлица — но, как показано в работе самой А. С. Архиповой, каламбурные анекдоты про Штирлица — это особый тип текстов, и для них многие интересующие нас лингвистические аспекты просто нерелевантны (см. подробнее ниже).

Совмещение: *дикое* <животное> & *дикий* <крик>

А вот пример некаламбурного (хотя и в определенном смысле лингвистического) анекдота (там же):

- (2) *Приехал чукча в Москву, поехал на такси. Вдруг дорогу перебегают старушка. Таксист хочет ее объехать, а старушка заметалась: таксист налево — и старушка туда же, таксист направо — и старушка тоже. И, как ни старался таксист, все же задел ее. Расстроился, а чукча и говорит ему: «Твоя плохой охотник, если бы я дверцу не открыл, ушла бы».*

Обратим внимание, что этот анекдот тоже строится на совмещении — но не языковых единиц, а ситуаций: таксист имеет в виду избежать аварии, а чукча считает, что он охотится на старушку:

Совмещение ситуаций: ‘избежать аварии’ & ‘охотиться на старушку’.

Нас в качестве исследовательского материала будут интересовать только те тексты, в которых совмещаются языковые единицы, а не ситуации в целом — их мы будем, как это и принято, считать каламбурными.

§ 2. Каламбур как игра конструкций

Обычно, обсуждая каламбурные эффекты, в том числе и в анекдотах, исследователи говорят о взаимодействии значений *слов*. В частности, в энциклопедической статье «Анекдот» в книге Руднев 1997 сказано (со ссылкой на семиотическую работу Налимов 1979): «У слова много значений, одни из них прямые, другие — переносные, косвенные. Чем более значение удаляется от прямого, тем менее оно вероятно, неожиданно. <...> Как в любом сюжете, в анекдоте используется то, что одно значение слова можно принять за другое». Эту идею разъясняет В. З. Санников (1999: 491) на примере диалога из пьесы И. Бабеля «Закат»:

- (3) [Разговор жениха и невесты]:
Двойра. И потом я хочу, чтобы вы меня немножко любили, Боярский.

Боярский. *А что с вами делать, если не любить вас? На котлеты вас рубить? Смешно, ей богу!*

В. З. Санников считает, что «обыгрываются два разных значения глагола *любить*, соответствующие двум сторонам любви — духовной и физической» (там же), которые теоретически оба возможны в данном прагматическом контексте.

Более того, например, Анна А. Зализняк (2006а: 26) пишет, со ссылкой на Ю. Д. Апресяна (1974: 180—187), что сама «возможность возникновения *неоднозначности* (прежде всего, каламбура) является наиболее очевидным свидетельством *многозначности* данной языковой единицы. Другими словами, если употребление некоторого слова в некотором контексте создает эффект каламбура, сталкивающий два различных понимания, это означает, что эти два понимания соответствуют двум разным значениям этого слова. Возможность столкновения, противопоставления некоторых двух значений в некотором контексте не означает, однако, невозможности нейтрализации этого противопоставления в другом контексте».

Между тем, по нашим наблюдениям, в подавляющем большинстве случаев при каламбурном совмещении речь должна идти не о словах, а о конструкциях — в смысле Ч. Филлмора. В частности, в примере из Бабеля в языковой игре участвует конструкция *немножко любить*, которая возможна только в применении к духовной, но не физической любви. Рассмотрим следующий пример:

- (4) (Персонажи детской передачи «Спокойной ночи, малыши»)
— *Степашка, где же Хрюша?*
— *Хрюша не придет, у него свинка.* [Шмелева, Шмелев 2002]

На первый взгляд, здесь происходит совмещение двух значений слова *свинка*: ‘домашнее животное женского пола’ и ‘детская болезнь’. В действительности же, совмещаются две близкие, но не тождественные разновидности посессивной конструкции с предлогом *у*: конструкция «болезни» (*у X-а тиф, корь, грипп...*) и конструкция «актуальной занятости» вида *у меня гости* (ср. *Не беспокойте Ивана Ивановича — у него посетитель*). О том, что семантика их различается, свидетельствует, в частности, разная «ре-

акция» этих конструкций на возможность лексического выражения актуального момента времени — так, возможно: *у меня сейчас посетитель / гости* и неестественно ^{??}*у меня сейчас тиф / грипп*.

Семантическое противопоставление близких конструкций, игра на нем, конечно, не исключает того, что одновременно значения «ключевого» слова могут тоже противопоставляться и совмещаться — ясно, что в примере (4) происходит и то, и другое, и это самая распространенная для каламбурного анекдота ситуация. Но — не обязательная. Так, в примере (5) значение ключевого слова не меняется вовсе — вся игра строится на значениях близких конструкций:

(5) *Обморок хозяина. Кричат: «Воды! Воды!».* Хозяин открывает глаза и говорит: *«Кому воды, а мне водки».* [Шмелева, Шмелев 2002]

В этом анекдоте используется партитивная конструкция, и создается иллюзия совмещения двух ситуаций: обморока и выбора напитков ⁴ (обратим, однако, внимание, что языковая конструкция типа «Воды! Воды!» естественна только в ситуации адресной помощи лицу (ср. также: *Сердечных капель!* и др.) — в ситуации выбора напитков она выглядит более странно: ^{??}*Официант, воды!* — вместо: *Официант, две бутылки / стакан воды*). Так или иначе, значение «ключевого слова» в обеих интерпретациях остается неизменным — значит, дело, действительно, в конструкциях, а не в словах.

§ 3. Как совмещаются конструкции?

Когда говорят о совмещении значений одного слова, механизм такого совмещения понятен, он основан на том, что внешняя форма у этого многозначного слова одна. С конструкциями сложнее: поскольку обычно они состоят из нескольких компонентов и, как правило, из нескольких слов, добиться полного поверхностного совпадения двух конструкций практически невозможно. Поэтому так часто каламбурный анекдот строится на редуцированных конструкциях, ср. (6):

⁴ Подробнее см. Шмелева, Шмелев 2002: 13.

- (6) — *Василий Иванович, белые в лесу!*
— *Не до грибов, Петька, не до грибов.* [Шмелева, Шмелев 2002]

Внешне здесь как будто бы достигнуто полное совмещение — за счет того, что не выражен предикат, опущено имя и субстантивировано прилагательное — в полном виде схема совмещения выглядела бы так:

Совмещено: *белые [войска] ((расположились) в лесу) & белые [грибы] ((обнаружились) в лесу).*

Рассмотрим, однако, данную конструкцию подробнее. Для ее понимания крайне существенно, что фразовое ударение находится на ее первом элементе, т. е. на слове *белые*⁵. При такой просодической структуре (6) может пониматься только как комплексная рема, т. е. как сообщение о том, «что случилось»: произошло (неожиданное) появление субъекта X в месте Y. Но это гораздо лучше согласуется с первой интерпретацией (*белые* как *войска*): войскам свойственна агентивность, и именно их появление может быть внезапным; грибы же, в отличие от войск, не склонны к стремительным передвижениям. Если говорящий хочет сообщить нечто, напоминающее по смыслу (6), о грибах, то он сделает коммуникативный акцент на их наличии в месте X (например, по сравнению с другими местами или другими моментами времени); а такой смысл требует совсем другой конструкции: с обязательной тематизацией локативной группы и ее выносом в начало и с употреблением ненулевого локативного предиката: *в лесу (сейчас) есть белые*. Проблема противопоставления конструкций с нулевой и ненулевой связкой достаточно много изучалась в русистике: подробнее о порядке слов в локативных конструкциях и о правилах выбора локативного предиката см., например, Арутюнова, Ширяев 1983, а также Янко 2001 и цитируемую там литературу.

Как видим, полное совмещение на самом деле не достигнуто даже и в случае с редукцией: одна конструкция (с комплексной

⁵ Иная просодическая структура соответствовала бы пониманию ‘белые *войска*, за передвижениями которых мы долго следили, теперь *расположились в лесу*’, что в (6), конечно, не может иметься в виду даже для войск, а уж тем более для грибов.

ремой) оказывается правильной, а вторая (с локативной темой) — все-таки нет.

То же верно и для примера (5), разобранный выше: мы уже говорили о том, что представленная в тексте партитивная восклицательная конструкция (с опущенным предикатом) является «правильной» только в ситуации адресной помощи, но не, например, выбора напитков. Среди прочего, такая однозначность обеспечивается особой интонацией, которая такой конструкции свойственна.

С другой стороны, фонетика в каламбуре может использоваться и для сближения конструкций, ср. (7):

- (7) — *Это правда, что пианистом нужно родиться?*
 — *Правда. Не родившись, невозможно играть на рояле*
 [Шмелева, Шмелев 2002].

Действительно, в этом анекдоте сделана попытка совместить две морфологически, синтаксически и семантически разные конструкции: *Х-ом нужно родиться* — *Х-у нужно родиться*, которые, однако, фонетически достаточно близки за счет редукции именного окончания: *-ом* или *-ам*. Фонетическая редукция делает эти конструкции на слух почти тождественными — так что можно было бы считать, что слушающий ошибся просто потому, что не разобрал окончание и считал, что ему задали глупый вопрос, на который есть само собой разумеющийся ответ. Но дело обстоит сложнее: при более внимательном анализе оказывается, что этот «глупый» вопрос все-таки должен был бы быть задан иначе, в частности, в контексте одушевленного субъекта в дательном падеже предикат *нужно* понимается как выражающий намерение (ср. более уместное в таком случае *пианистам нужно было бы сначала родиться*).

Таким образом, при совмещении конструкций для достижения каламбурного эффекта полного совмещения почти никогда не достигается: обычно с языковой точки зрения безупречной является только одна конструкция, а другая должна так или иначе «подстроиться под нее» — при этом, как правило, нарушаются важные исходные условия, обеспечивающие согласованное функционирование ее элементов. С точки зрения теоретической, этот эффект вполне объясним: полисемия — это словарное свойство слова, она возможна только вне контекста; в дискурсе полисемия

легко разрешается (вспомним знаменитые примеры типа: *кондитер жарит хворост на газовой плите*). Конструкции и есть часть дискурса, они сами вводят контекст — значит, в абсолютно подавляющем большинстве они однозначны.

Особый случай представляет собой цикл анекдотов про Штирлица, упоминавшийся выше: как правило, в них имитируется совершенно определенный, нестандартный вид дискурса. Он не содержит свойственный обычному анекдоту естественный диалог, в котором говорящий и слушающий плохо понимают друг друга, а представляет собой монолог «за кадром» (по образцу комментариев Копеляна к происходящему в фильме), автор которого говорит на другом, чем обычно, несколько искусственном русском языке — короткими простыми предложениями с почти фиксированным порядком слов, совершенно не характерном для разговорной речи, и т. п. Именно на пародировании свойств этого особого дискурса, как хорошо показано в Архипова 2003, и строится их комический эффект — тоже несколько другой, чем в обычном анекдоте. В частности, ввиду того, что анекдоты про Штирлица ориентированы на искусственный текст, они широко эксплуатируют «искусственные» каламбуры, в которых вторая конструкция опирается на несуществующие слова (скажем, такое имя лица, как румынский разведчик *Спозаранку* или агент неизвестной национальности *Ногу За Ногу*) или на часть устойчивого неразложимого оборота (ср. *кислая мина*). За счет небольшого набора подобных приемов — намеренно тривиальных и поэтому далеко не всегда смешных — во многих случаях достигается абсолютная точность каламбура, практически невозможная в обычном языке, ср.:

- (8) *Штирлиц заложил ногу за ногу. На следующее утро Ногу За Ногу взяли.*
(9) *Штирлиц сидел с кислой миной. Мина взорвалась.*

Поскольку наш анализ каламбуров ориентирован на выявление свойств реальных, а не искусственных конструкций, большая часть анекдотов о Штирлице для нас не представляет интереса.

Показательно, что к лингвистически «неинтересным» с точки зрения нашей задачи в первую очередь относятся как раз те, где совмещение (и совпадение) конструкций абсолютно точно — это верно для всех каламбуров, но за пределами класса анекдотов про

Штирлица таких, как мы говорили, значительно меньше. Само по себе данное обстоятельство заслуживает внимания: ведь в каких-то случаях можно специально «исправлять» каламбур и добиваться «оптимизации» условий употребления второй конструкции — но сам жанр каламбура к такому формальному совершенству, как ни странно, не стремится. Дело в том, что с точки зрения правил языковой игры, несовершенство каламбура (т. е. не полное совпадение реально встречающихся в языке форм) не только допускается, но и, так сказать, «включено» в эти правила. Недаром буквально все исследователи (в первую очередь В. З. Санников и Е. Я. и А. Д. Шмелевы, но и другие) отмечают, что естественным атрибутом каламбурной ситуации являются «не вполне обычные говорящие — иностранцы, дети, русские, плохо владеющие литературным языком» — как Василий Иванович с Петькой или новые русские и т. п. Именно плохое владение языком, которое приводит к взаимному непониманию участников диалога, т. е. к нарушению условий коммуникативного акта, вызывает комический эффект.

Следовательно, обычное представление о том, что «каламбур — это прием, в котором говорящий ⟨...⟩ намеренно порождает неоднозначное высказывание» (Падучева 1982: 85), вообще говоря, не вполне верно, хотя верно другое (тоже общепринятое): «назначение такого высказывания ⟨...⟩ в том, чтобы обратить внимание слушающего на игру смыслов друг с другом» (там же). С этой точки зрения, «исправлять» неточный каламбур нет никакого смысла: наоборот, будет не смешно.

В подтверждение сказанного, приведем яркий пример каламбура, в котором *обе* совмещаемые конструкции неправильно построены.

(10) *Штирлиц склонился над картой. Его неудержимо рвало на Родину.* [Шмелева, Шмелев 2002]

Совмещается: *его неудержимо рвало [на Родину] & *его рвало на карту

Для первого сочетания правильным было бы *неудержимо тянуло*. В принципе, *тянуло* содержит корень, который выступает как квазисиноним к *рвать*, но только в форме возвратного глагола, ср. близкое по смыслу *он рвался к знаниям* — *он тянулся к знаниям* (в то же время: *он рвался / ?тянулся в бой*). Между тем,

если конструкция с возвратным *тянуться* (*он тянулся*) семантически близка к безличной (*его тянуло*), то для *рвать* соответствующие конструкции строго разведены. Таким образом, глагол *рвать* мог бы сочетаться с наречием *неудержимо* только в форме *рваться*: *он неудержимо рвался на родину*. Вторая конструкция имеет в виду физиологический глагол *рвать*, который, вообще говоря, предпочитает локативное обстоятельство при употреблении в форме СВ (*вырвало на что-л.*), причем сочетание с наречием *неудержимо* для этого глагола тоже неприемлемо. Нормально лишь: *не удержался, и его вырвало*.

Этот анекдот взят из серии про Штирлица, где, как мы уже говорили, искусственно порождается и эксплуатируется языковая неправильность. Но каламбуров, в которых смещено употребление обеих конструкций, не так уж мало — другое дело, что неправильность может быть в них не так заметна, ср. (11):

- (11) — *01? Приезжайте скорее, у меня пожар.*
— *А как до вас доехать?*
— *Конечно, на большой красной машине.* [Шмелева, Шмелев 2002]

Здесь совмещены вопрос о маршруте (ср. в качестве возможного ответа: *По Минскому шоссе до поворота на Рузу*) и о транспортном средстве (ср.: *Как до вас лучше / быстрее доехать? — Лучше на метро*). Важно, что в последнем случае транспорт, в отличие от примера (11), имеется в виду только общественный; с другой стороны, и как вопрос об адресе в данном контексте эта конструкция тоже мало уместна: в такой форме вопрос обычно задает человек, который, скорее всего, не очень торопится.

§ 4. Каламбурные анекдоты как лингвистические задачи

И все-таки, более «классическим» является каламбурный анекдот, содержащий одну совершенно правильную конструкцию и совмещаемую с ней неправильно построенную, порожденную «неправильным» говорящим, по каким-то причинам плохо знающим русский язык. В таком случае анекдот можно рассматривать как своего рода лингвистическую задачу: в тексте анекдота скрыта языковая ошибка, ее требуется обнаружить, т. е. выяснить, что

с чем говорящий перепутал, или, другими словами, какая близкая по форме конструкция была бы в данном случае уместна. Кроме того, нужно объяснить, какие правила русского языка нарушает «неграмотная» конструкция. При этом правила могут нарушаться как самые простые, хорошо известные — и тогда текст анекдота становится прекрасной иллюстрацией для грамматики, своеобразным наглядным учебным пособием, но могут быть и совершенно нетривиальными — значит, анализ анекдота выявляет новые языковые факты и ставит задачу их интерпретации. И в том, и в другом случае лингвистическая ценность такого материала бесспорна.

В этом разделе мы рассмотрим несколько задач подобного рода.

Задача № 1

- ◆ — *Знаете, что вас ожидает за дачу ложных показаний?*
— *Да. Мне обещали «Жигули».*

В современном русском языке предпочтительная конструкция — конструкция «возмездия»: *за X тебя ожидает Y*, где X — проступок, а Y — вид наказания⁶. Ср. похожие ограничения на Y: *за это тебе грозит Y*, но здесь в самом *грозит* выражена отрицательная оценка, и такое ограничение для него, в отличие от нейтрального *ожидать*, предсказуемо. Нарушение правильности в том, что слушающий расширяет употребление данной конструкции и на случай вознаграждения, но такое расширение неоправданно, ср.: *??за победу на Олимпиаде спортсменов ожидает премия* (правильно было бы: *спортсменам положена / обещана пре-*

⁶ В языке XVIII в., по-видимому, было иначе: этой структуре могла соответствовать и конструкция «вознаграждения». В более поздних текстах она исчезает — об этом свидетельствуют данные НКРЯ, ср. устар.

- *Большая часть из собрания известны уже были, в котором числе и Алим, какого награждения за то ожидает от них Кидал, то есть увенчания любви его получением Плакеты в супружество.* [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766—1768)]
- *За чем бедность других подкреплять, и самому чрез то делаться бедным, когда еще не известно, должно ли мне за то какой ожидать награды?* [архиепископ Платон (Левшин). Предисловие на учение катихизическое (1757)]

мия — кстати, обратим внимание, что специализированного глагола «ожидания награды» в русском языке, кажется, нет). В принципе, такого ограничения на *Y* могло бы и не быть — ср. близкую по смыслу и по форме конструкцию, безразличную к способу заполнения *Y*: *за это тебе будет выволочка / поощрение*.

Дополнительным «стимулом» для ошибки является не только обещанная машина, но и то, что в русском есть стандартный оборот *вас ожидает машина* — с совершенно другим значением⁷.

Задача № 2

- ◆ В тюремной камере:
 - Ты из-за чего сюда попал?
 - Из-за насморка.
 - Как это?
 - Очень просто. Я чихнул, а сторож проснулся.

Совмещены две конструкции, обе причинные. Первый говорящий хочет спросить о причине наказания (в виде тюремного заключения) — и мы ожидаем услышать ответ именно такого рода, несмотря на то, что он сделал ошибку: в русском языке вопрос о причине наказания задается не с помощью обычного *почему* или *из-за чего*, а с помощью специальной предложной конструкции *за что*⁸, о русских причинных конструкциях см. Иорданская, Мельчук 1996, НОСС 2004: 430—437. Слушающий же отвечает буквально на вопрос о причине возникшей ситуации.

Задача № 3

- ◆ — Мужики, вы откуда будете?
 - Мы-то? Да мы хоть из горла будем!

⁷ В частности, этот оборот используется диспетчерами таксопарков в переговорах с клиентами в значении ‘за вами прибыло такси’.

⁸ Обратим внимание на лексическую выделенность наказания за проступок: она явно переключается с лексическим ограничением, которое мы обсуждали в связи с предыдущей задачей — очень интересно, насколько такое противопоставление распространено и релевантно типологически.

Здесь перепутаны два типа вопросов об исходной точке: со специальным вопросительным словом *откуда* и с предложным сочетанием *из чего*. При обычных глаголах движения используется вопрос с *откуда*: *откуда пришел / прыгнул / вылез* и под. Это верно и для «простых» каузативов от них, когда каузатор перемещается вместе с объектом, ср.: *откуда везешь / несешь*. В тот же класс попадают и вопросы «о происхождении»: *откуда взялся, откуда родом* — ср. правильное *откуда дровишки?* Заданный вопрос должен интерпретироваться по этому правилу — с учетом редукации: *откуда будете?* = *откуда будете родом?*

В то же время при тех каузативных глаголах движения, где перемещается только объект движения, а каузатор остается неподвижен, возникает две исходные точки: место нахождения каузатора в момент начала движения объекта и место исходного нахождения движущегося объекта, ср. *ловить рыбу с берега / из пруда; доставать чемодан с табуретки* (= ‘находясь на табуретке’) / *с антресолей* и под. Выбор вопросительной конструкции не так уж тривиален, ср.: *Откуда будешь ловить рыбу? — с берега / *из пруда VS. Откуда будешь доставать чемодан? — *с табуретки / с антресолей*, и эта проблема пока не имеет четкого решения в русистике (отдельные замечания по этому поводу содержатся в нашей работе Рахилина 1990).

Впрочем, достаточно часто местоположение каузатора оказывается не важно для ситуации в целом — это верно и для глагола *пить*, который слушающий по ошибке восстанавливает вместо опущенного наречия *родом*. В таких случаях в принципе должна выбираться предложная конструкция, ср. *из чего пил* или *ел*, но точный список подобных предикатов пока неизвестен. Обратим внимание и на то, что проблема выбора между предложной и специальной вопросительными конструкциями касается и других вопросительных слов, ср. *где VS. под чем / на чём / в чём; куда VS. на что / во что* и под.

Задача № 4

- ◆ Таможенник поднимается на корабль для досмотра.
— *Наркотики есть?*
Хозяин корабля отвечает:

— *Есть. Вот, пожалуйста (достает чемодан). Вот героин, вот кокаин. Все аккуратно упаковано, вот шприц готовый.*

Таможенник, вытаращив глаза:

— *А может, и оружие есть?*

Хозяин (достает другой чемодан):

— *Вот макаров, вот калашник, вот патроны к ним. Все как надо.*

Таможенник с усмешкой:

— *Наверное, и валюта есть?*

Хозяин достает третий чемодан:

— *Вот миллион долларов, пожалуйста.*

Таможенник, ничего не понимая:

— *И это все ваше?*

Хозяин:

— *Нет, это ваше. Мое в трюме.*

В этом анекдоте происходит игра на актуальной и потенциальной посессивности: правильным ответом капитана таможеннику была бы конструкция с дательным падежом, выражающая в русском языке потенциальную посессивность (*это вам*), а не конструкция с посессивным местоимением *ваше* — просто капитан хотел, чтобы к моменту произнесения его фразы сделка уже состоялась и посессивное отношение превратилось из потенциального в актуальное⁹.

Задача № 5

- ◆ Партийный дирижер, назначенный для укрепления оркестра:
— *А вы, товарищ барабаник, плохо работаете. Стучнули два раза — и всё: стучать надо чаще!*

В предложении *Стучать надо чаще* глагол *стучать* выступает как в известном переносном значении ‘доносить’, так и в значении ‘бить в барабан’. Правильным употреблением глагола является, однако, только первое: по-русски говорят не **стучать в барабан*, а *бить*, и грамматически правильной интерпретацией

⁹ Подробнее о случаях противопоставлении актуальной и потенциальной посессивности в русском языке см. Часть II, Гл. 4, 5.2 (*Замечание*), а также статью Рахилина 2001.

конструкции — только та, согласно которой дирижер советует чаще доносить.

Действительный лингвистический интерес, между тем, здесь представляет другой запрет, не содержащийся в материале задачи в явном виде — а именно, запрет на совмещение *стучать* ‘доносить’ и обычного (уже немзыкального) значения *стучать* — как в случае *стучать в дверь*, который неожиданно проявляется в контексте наречия *чаще*. Казалось бы, мультипликативный глагол *стучать* ‘ударять’ должен легко сочетаться с таким наречием, по крайней мере, его поведение не должно отличаться от *стучать* в значении ‘доносить’. Тем не менее, *стучать надо чаще* выглядит нелепо не только по отношению к барабанщику, но и по отношению к гостю, который не может дозваться хозяев — но не по отношению к доносчику.

Оказывается, что в адвербиальной конструкции с *часто*, по крайней мере для некоторых мультипликативных предикатов, измеряется встречаемость не единичных актов в единицу времени, а серии событий в целом, ср. *часто прыгает*, *часто жуёт*, *часто чихает* и др. — в эту группу глаголов попадает и *стучать*. При этом частотность серий выглядит для этого глагола естественной только в значении ‘доносить’ (в этом случае серия как раз образует единое событие), но не для стука в дверь.

Существенно, что так себя ведут не все мультипликативы, ср. *часто моргает*, *перебирает ногами*, *сопит*, *машет* и др., для которых *часто* может пересчитывать и единичные акты: ни один из этих глаголов не мог бы стать основой для подобного анекдота. Вопрос о классификации мультипликативов, учитывающей данное свойство, по-видимому, открыт.

Задача № 6

- ◆ *Новый русский покупает замок. Продавец говорит:*
 - *Это очень старинный замок, первая половина 16 века.*
 - *Слушай, мужик, — говорит новый русский, — а где же вторая половина?*

Совмещено: *половина века и половина замка.*

Атрибутивная конструкция с числительным *первая* при *половина* возможна только для периодов времени: *первая половина го-*

да / дня / часа ..., потому что время с точки зрения языковой картины мира движется, и его периоды как бы следуют друг за другом (ср. здесь: *первый вагон, второй вагон — о поезде*).

Что касается статичных артефактов (как замок), их половины противопоставляются иначе — говорят: *одна и другая*. Интересно, что вместо *другая* возможно и *вторая* (ср.: *одна половина стола заставлена, вторая — пустая*), но вместо *одна* никогда не скажут: *первая*.

Задача № 7

◆ *Грузин пишет письмо домой:*

— *Папа, учись в институте. Все ездят на занятия на автобусе, а я в такси.*

Отец пишет ответ сыну:

— *Сынок, зачем выделяться. Купи автобус и езди, как все.*

Совмещено: ‘на общественном транспорте’ (имеется в виду говорящим) и ‘на индивидуальном транспорте’ (так понял слушающий).

Между тем в распределительном контексте (с множественным субъектом) эти значения выражаются в русском языке по-разному: в случае индивидуального транспорта для транспортного средства обязательно множественное число, ср.: *на велосипедах, в каретах, на лодках* — каждый на своей; ср. также *поехали кататься на лошадях / *на лошади*.

Если транспорт общественный, число должно быть единственным: *на автобусе, на трамвае, на электричке, на поезде* — как для родового значения ‘вид транспорта’, так и для референтного значения ‘все на одном автобусе’. Ср. также контекст *мы добиремся до дачи на трех автобусах*, где нельзя опустить числительное: странно звучит *мы добираемся до дачи на автобусах* (такая фраза приемлема только в ситуации, когда народу так много, что нужно несколько машин)¹⁰.

¹⁰ Отметим здесь интересные наблюдения об именных группах со значением ‘транспортное средство’ в русском языке — правда, без учета грамматического числа — в Апресян 2009: 158—159.

Задача № 8

- ◆ *Встречаются два одноклассника: новый русский и инженер, спрашивают друг друга о жизни. Новый русский рассказывает про дачу на Канарах, дом в Париже...*

А инженер говорит:

— Я уже полгода зарплату не получаю. Вот уже три дня ничего не ел.

— Ну нельзя так, — сочувствует новый русский. — Надо себя заставлять.

Совмещено: констатация совершившегося факта, над которым у говорящего нет контроля (*не ел*) — этот смысл обычно выражается в русском языке прошедшим временем несовершенного вида — и продолжающееся в момент речи подконтрольное говорящему состояние (*не курю; пью горькую вторую неделю; худею, ничего не ем* и проч.) — этот смысл обычно выражается настоящим временем.

Понятно, что говорящий-инженер имел в виду первую интерпретацию — поэтому он и употребил прошедшее время. Однако его двоюродник-одноклассник, превратившийся в нового русского, «перепутал» соответствующую конструкцию с другой, а значит, приписал ей другую семантику.

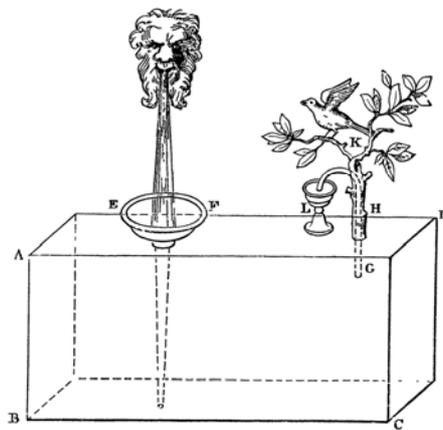
Обратим внимание, что в данном примере речь вообще не идет ни о каких лексемах — а только о видо-временных формах, на смешении которых и строится весь каламбурный эффект. В то же время, если бы мы захотели для этого случая сформулировать сколько-нибудь точно лингвистическое правило, понадобилось бы учесть класс глагола, а может быть и уточнить роль семантики частиц *вот уже*, ср., например, невозможность в данном случае **Вот уже три дня не надеюсь / *не надеялся*.

§ 5. Заключение

Все сказанное свидетельствует о том, что перед нами конструкции в смысле Ч. Филлмора, т. е. цельные языковые блоки, в которых лексическое наполнение, семантика, морфология, синтаксис отдельных составляющих, и даже в некоторых случаях,

как было показано на примерах в начале главы, и фонетика «спаяны», будучи жестко мотивированы общим значением целого. «Вклад» каждой из них лингвистически значим, он может быть оценен и, как мы видели, превращен в лингвистическое правило. Поэтому изменения в таком цельном блоке не могут касаться его конституирующих частей (ср. в последнем примере — времени глагола): как только это происходит, общее значение конструкции тут же меняется. И наоборот, для того, чтобы получить другую интерпретацию для той или иной конструкции, например, с целью достичь каламбурного эффекта, практически всегда нужно изменить в ней хотя бы одну составляющую. По нашему мнению, все разобранные в данной главе каламбурные примеры об этом свидетельствуют как нельзя лучше, подтверждая, тем самым, главную идею теории СхG.

Часть II

Грамматика конструкций и модели языка

Глава 1

РУССКИЕ ДЕПИКТИВЫ *

§ 1. Введение

С точки зрения композиции книги, эта глава имеет промежуточный статус: ее можно было бы поместить и в первую, и во вторую часть. Как и главы первой части, она имеет существенную дескриптивную составляющую: в ней представлен сравнительный анализ двух русских конструкций в рамках СxG. В то же время здесь этот анализ строится не независимо, а, так сказать, «в противовес» предложенным ранее сторонниками формально-синтаксического и формально-семантического подходов. Поэтому в данном случае мы хотели бы не только дать альтернативное, более полное и непротиворечивое описание, но и наглядно продемонстрировать преимущества СxG как теории, способной, благодаря своему особому взгляду на языковые единицы, такое описание строить.

Речь пойдет о русской *депиктивной конструкции* (DepC) с прилагательным в творительном падеже — мы рассмотрим ее, как это обычно делается в литературе по русистике, на фоне ближайшего квазисинонима, а именно, *атрибутивной конструкции с согласованным определением* (AgrC): принято считать, что они очень близки семантически, но существенно различаются в том, что касается ограничений на наполнение, — собственно, это и составляет в данном случае суть обсуждаемой лингвистической загадки. Начнем с «классических» примеров, иллюстрирующих наши конструкции, по возможности расширяя материал за счет данных НКРЯ. Первые пять примеров демонстрируют DepC:

- (1) *Я же предпочитаю есть фрукты_{ACC.PL} свежими_{INS.PL}, прямо с дерева, разумеется выплевывая косточки.* [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975—1977)]

* Первоначальный вариант этой главы был опубликован как Kuznetsova, Rakhilina 2010.

- (2) Эдуард_{NOM.SG} **рос застенчивым**_{INS.SG} и **нервным**_{INS.SG}. [Владимир Абаринов. Хайль Виндзор! (2003) // «Совершенно секретно», 2003.07.04]
- (3) Он_i_{NOM.SG} **встретил** его_j_{ACC.SG} **пьяным**_{i,j}_{INS.SG}.
- (4) Старшая дочь, когда подросла, уговорила мать устроить ей встречу с отцом. Михаил **встретил ее пьяным**_{INS.SG}, говорил ерунду. Больше у дочери желания видеть папу не возникало. [Еженедельная газета «Мещерская сторона» www.mesherka62.ru/rubrics/detail/section139/id920/]
- (5) Переехал к ней по весне, и вот уже **встречаю его пьяным**_{INS.SG}, а ее с фингалом. [А пес ее знает... // Вечерний Северодвинск 17 мая 2005 г.]

Из примеров видно, что эта конструкция включает в себя подлежащее в именительном падеже, глагол, переходный, как в (1), или непереходный, как в (2), и прилагательное в творительном падеже. При переходных глаголах помимо подлежащего есть еще и прямое дополнение в винительном, и такие контексты создают дополнительную коллизию: поскольку падеж прилагательного (творительный) не совпадает ни с одним из падежей существительных (именительный и винительный), то в подходящем семантическом контексте у прилагательного есть возможность интерпретироваться как несогласованное определение и к тому, и к другому, как в примере (3), ср. примеры (4) и (5), в первом из которых прилагательное в творительном падеже интерпретируется как определение к субъекту, а во втором — как определение к объекту.

АgrС тоже состоит из подлежащего в именительном падеже, переходного с прямым дополнением (6) или непереходного (7) глагола и прилагательного — но здесь прилагательное согласуется по падежу, принимая, соответственно, номинатив (7) или accusativ (6), а значит, семантически соотносится либо с субъектом, либо с объектом, ср. пару (8—9):

- (6) (...) они **ели оленину**_{ACC.SG}, **свежую**_{ACC.SG} или **вяленую**_{ACC.SG}, одевались с ног до головы в олени шкуры, спали на полу, застланном такими же шкурами, обеспечивавшими тепло и сухость, и даже чумы свои строили из оленьих шкур. [Александр Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)].

(7) Ребенок_{NOM.SG} **рос нервный**_{NOM.SG}, просыпался от каждого шороха, не говоря уж... [Аркадий Инин. Секс как таковой (1989)]

(8) Он_i **встретил** его_j **пьяный**_{i,*j} _{NOM.SG}

(9) Он_i **встретил** его_j **пьяного**_{*i,j} _{ACC.SG}

В общем виде структуру этих конструкций можно представить в виде следующих таблиц, прекрасно отражающих их внешнее сходство (см. Схема 1), а пары (1)—(6), (2)—(7) и (3)—(8/9) свидетельствуют о возможности их тождественного лексического наполнения и общей семантической близости: с ходу определить разницу в значении между этими предложениями не так-то просто. Тем более интересны случаи, когда DepC и AgrC оказываются невзаимозаменяемы. Обычно их исследование ведется с одной из двух позиций: синтаксической или семантической. Наш собственный анализ мы начнем с того, что рассмотрим вкратце каждую из этих точек зрения.

DepC:			
X _{nom}	V	(Y _{acc})	A _{ins}
Он	ел	овощи	сырыми

AgrC:			
X _{nom}	V	(Y _{acc})	A _{nom/acc}
Он	ел	овощи	сырые

Схема 1. Структура конструкций

1.1. Опыт формально-синтаксического подхода

Формально-синтаксический подход представляет недавняя статья Bailyn 2001. Дж. Бейлин считает (с. 2), что выбор между согласуемой и несогласуемой формой падежа прилагательного обеспечивается исключительно синтаксическими факторами, подразумевая, что семантически эти конструкции тождественны и что разница в значении возникает между ними только в тех случаях, когда обе формы синтаксически возможны.

С точки зрения подхода СxG такая «расщепленная» природа правил для этой зоны представляется мало естественной. Описание выглядело бы более цельным, если бы предлагало единую систему закономерностей независимо от того, есть ли у говорящего выбор между двумя конструкциями или такого выбора у него нет. Причем раз даже в синтаксической концепции Бейлина

есть зона, для которой релевантны семантические противопоставления, следовательно, такого рода единые правила, конечно, будут иметь семантическую, а не чисто синтаксическую (как он полагает) основу — к доказательству этого мы приступим в § 2.

Впрочем, данное возражение имеет довольно общую, философскую природу — а есть и другие, более практические. Например, следующее. В рамках синтаксической модели, которую защищает Дж. Бейлин, DerC и AgrC являются результатом синтаксической деривации: использование в них прилагательных есть продукт вторичной предикации, надстроенной над первичной и представленной глаголом. Это значит, что каждое предложение должно иметь исходную структуру с одной главной предикацией, как (11) для (10):

(10) *Иван Иванович **пришел трезвым***_{INS.SG} *(постоял там у дверей и, слегка смущаясь, решительно отказался вступить в КПСС)* [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]

(11) *Иван Иванович **пришел**.*

Ср. здесь пример (12), у которого нет пары, подобной (11), так как (13) грамматически неправильно:

(12) ...*Фельдшер **казался равнодушным***_{INS.SG} [Василь Быков. Болото (2001)]

(13) **Фельдшер казался.*

Следовательно, (12), в отличие от (10), результатом синтаксической деривации считаться не может, а значит, при таком подходе нет возможности объединить эти случаи. Таким образом, синтаксистам приходится исключать из рассмотрения предложения типа (12). Между тем, как мы покажем в этой работе, сравнение (10) и (12) обнаруживает в них множество общих свойств, как семантических, так и сочетаемостных, и существенно продвигает анализ материала: получается, что гораздо выгоднее признать эти случаи представляющими одну, а не разные конструкции.

1.2. Опыт семантического подхода

Если рассматривать семантический подход к описанию депиктивов в целом, то он апеллирует к семантике прилагательных, опираясь на идею, предложенную еще в 60-е годы В. И. Борков-

ским и П. С. Кузнецовым, о том, что DepC предполагает «возникший и проявляющийся в течение определенного отрезка времени», а не постоянный признак — см. Борковский, Кузнецов 1965/2006: 335, а также Nichols 1981, Strigin, Demjjanow 2001, Timberlake 2004 и др. В формальной семантике этому противопоставлению соответствуют термины *stage-level predicates*, в противовес *individual-level predicates*, введенные Г. Н. Карлсоном (Carlson 1977/1980); в русской терминологии — стадиальные и индивидуальные предикаты (или: предикаты стадиального и индивидуального уровня)¹. Имеется в виду, что предложения типа *он увидел его чистым* более естественны (временный, эпизодический — или стадиальный признак), чем *он увидел его деревянным* (постоянный, устойчивый — или индивидуальный признак). В целом это наблюдение верно, хотя, как видно уже из парных примеров (1—7), такое описание довольно огрублено и бесспорно требует уточнений; кроме того, небезынтересен вопрос о причинах данного ограничения.

Некоторые уточнения этого общего правила предлагаются в Hinterhoelzl 2001: бинарное противопоставление *stage-level / individual-level* заменяется в этой работе на трехчленное по степени ограниченности признака (*boundedness*). Согласно Hinterhoelzl 2001: 103, свойство Р признается ограниченным в том случае, если и до, и после него имеет место не-Р. В русском языке ограниченность диагностируется контекстами с *еще не* и *уже не*, и в результате автор получает следующие 3 класса прилагательных:

- a. прилагательные, способные употребляться в обоих контекстах, как *больной, пьяный, сердитый* — они обозначают **ограниченный** признак: *еще не / уже не больной, пьяный, сердитый*;
- b. прилагательные, способные употребляться только в одном контексте, как *спелый, молодой*, — **частично ограниченные** признаки: *еще не спелый, *молодой / уже не молодой, *спелый*;

¹ Заметим, что традиционное противопоставление качественных и относительных прилагательных, основанное на морфологических критериях (считается, что первые, в отличие от вторых, образуют степени сравнения и имеют краткую форму), семантически достаточно близко к обсуждаемому. Действительно, прототипические качественные прилагательные, такие как *чистый*, обозначают временный градуируемый признак, а относительные, как *деревянный*, — постоянный и неградуируемый.

- с. прилагательные, не способные употребляться ни в одном из контекстов, как *умный*, *глупый* — **неограниченные** признаки: **еще не* / **уже не умный*, *глупый*.

Автор считает, что принадлежность прилагательного к тому или иному классу коррелирует с его способностью употребляться в наших конструкциях: ограниченные возможны и в DerC, и в AgrC, частично ограниченные — в DerC, но не в AgrC, а неограниченные — ни в одной из них.

По нашему мнению, классификация, предложенная Р. Хинтерхёлцлем, безусловно заслуживает внимания, даже и вне связи с рассматриваемыми конструкциями. Эта классификация является расширением для русского языка типологии прилагательных А. Крузе (Cruse 1986), исходно ориентированной на английский язык. Однако предложенное Р. Хинтерхёлцлем правило все-таки не дает полностью адекватного результата. Возьмем хотя бы прилагательное *нервный* в примерах (2) и (7): в отличие от *пьяный* — см. (3) и (8/9), оно вряд ли может квалифицироваться как ограниченное, ср. [?]*еще не* / [?]*уже не нервный*, а между тем допускает обе конструкции. Точно так же, обе конструкции допускает и *свежий*, — см. (1) и (6) — при его явной семантической принадлежности к классу частично ограниченных: *уже не свежий* вполне допустимо, а **еще не свежий* крайне сомнительно. В то же время уточнения, которых Р. Хинтерхёлцлю удалось добиться своей классификацией, по нашему мнению, могут быть объяснены и более общими эффектами, связанными с семантикой контраста, которая, как мы покажем, заложена в DerC (см. ниже раздел 2.1).

То, что прилагательные во многих случаях ведут себя не так, как ожидается, нарушая общеизвестные семантические ограничения, заметила и Ханна Филип (Filip 2001). В частности, она обратила внимание на то, что индивидуальные прилагательные часто возможны в DerC, причем их интерпретация при этом меняется на стадиальную. Этот эффект она объясняет влиянием творительного, который в обычном случае и в сочетании с обычным для себя предикатом несет значение изменения (там же, с. 209). Надо сказать, что такое объяснение лежит совершенно в духе логики SxG — несмотря на то, что Филип не принадлежит к ее сторон-

никам. Оно проливает свет на связь семантики DepC с другими конструкциями с творительным падежом (если, конечно, согласиться с тем, что общим значением русского творительного является значение изменения²) — или по крайней мере ставит такую задачу. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что простой апелляции к семантике творительного здесь явно недостаточно, поскольку одно и то же прилагательное оказывается приемлемо или неприемлемо в зависимости от лексического наполнения других слотов конструкции, ср. ниже примеры (50) и др. Единственно возможный выход, на наш взгляд, — идти дальше этим путем, используя в своем анализе и другие элементы конструкции — тогда появится возможность отразить в результирующем правиле все нюансы их взаимодействия.

Но такое решение отражает «оптимистический» взгляд на язык, заложенный, в частности, и в природе SxG: различия квазисинонимов, в том числе и квазисинонимических конструкций, мотивированы, а значит, разницу между депиктивами и атрибутивами можно описать. Однако есть и такие исследователи, которые придерживаются «пессимистического взгляда» — по крайней мере относительно различий между DepC и AgrC, причем опираются они на статистику. Так, в работе Krasovitsky et al. 2008 общее правило зависимости выбора между DepC и AgrC от значения временности / постоянства признака было проверено статистически на примере употребления с глаголом-связкой *быть*. По их данным, такая зависимость действительно хорошо прослеживается на текстах XIX века; в текстах же XX века они отмечают общую, причем, как им кажется, чисто синтаксическую тенденцию к перемещению всех прилагательных, которым раньше была свойственна вариативность, в зону DepC, т. е. значительное повышение частотности творительного, ср. рис. 1.

Мы предполагаем оспорить и эту точку зрения: случаи вариативности, как мы увидим, есть не только в примерах XIX, но и в примерах XX века, а за экспансией творительного стоят все-таки семантические, а не синтаксические факторы.

² Другие точки зрения на значение русского творительного см. Jakobson 1936/1985, Панов 1999, Wierzbicka 1980, Janda 1993, Рахилина 2000a/2008, Rakhilina, Tribushinina in press; см. также ниже Заключение.

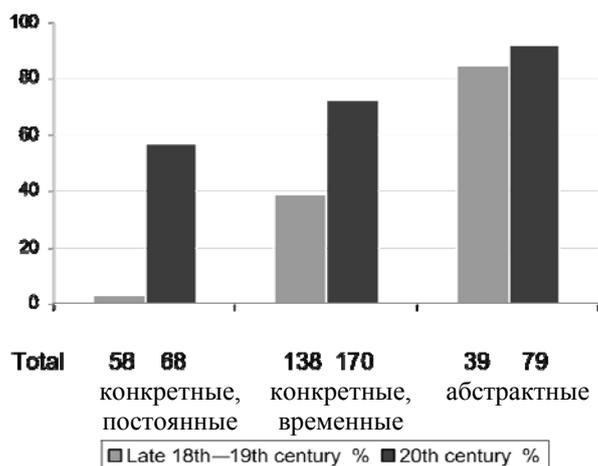

Рис. 1. Рост числа употреблений творительного падежа со связкой в XIX и XX веках (Krasovitsky et al. 2008: 101)³

* * *

Теперь, после краткого обзора имеющихся на сегодняшний день описаний DepC и AgrC, приступим к их анализу в рамках СxG и покажем, что эта теория дает существенные преимущества перед всеми, уже опробованными предшественниками. Задачи наши будут такие:

- определить общее значение DepC так, чтобы оно предсказывало ее сочетаемостные свойства (раздел 2.1);
- показать значимость глагола для описания этой конструкции (раздел 2.2);
- сравнить ограничения, выявленные для DepC, с ограничениями на AgrC (§ 3);
- Исследовать взаимодействие глагола и прилагательного в конструкции: показать, что «поодиночке» ни свойства глагола, ни свойства прилагательного не могут объяснить особенностей ее функционирования (§ 4).

³ В XIX в. в творительном падеже стоят 3% от всех имен, выражающих постоянное свойство (58 употреблений), и 39% от всех имен, обозначающих временное свойство (всего 138 употреблений). В XX в. происходит значительный рост употреблений творительного падежа: в данной форме стоят уже 57% от всех имен, выражающих постоянное свойство (всего 68 употреблений), и 72% имен, обозначающих временное свойство (170 употреблений).

§ 2. Депиктивная конструкция с творительным

2.1. Семантика

Поскольку, согласно СxG, именно семантика конструкции полностью определяет ее лингвистическое поведение, мы начнем с того, что сформулируем общую идею, лежащую в основе значения DepC:

‘субъект, как в (2), или объект, как в (1), в момент, описываемый предикатом V, характеризуется некоторым временным значением неустойчивого признака A’.

Обратим внимание, что, хотя мы и используем временный признак, предложенный еще В. И. Борковским и П. С. Кузнецовым (и тем самым, до некоторой степени соглашаемся с ними), наше определение существенно отличается от введенного ими тем, что речь здесь идет не об ингерентном свойстве прилагательного, а о семантике конструкции в целом. Как мы увидим, такое уточнение в корне меняет дело, поскольку значение конструкции может формироваться не только за счет лексической семантики атрибутива, но и за счет семантики других, соседних с ним элементов.

Между тем, временность значения A может возникать по одной из двух причин: либо ввиду контраста с прошлым — т. е. с его обычным, ожидавшимся значением, либо ввиду контраста с последующей ситуацией, в которой значение признака аннулировалось, изменившись на противоположное, ср. пример (14) и две его интерпретации, соответственно, (a) и (b)⁴:

(14) *Ребенок пришел чистым:*

- a) ‘обычно [т. е. раньше] он приходил грязным’ <контраст с ожиданиями>
- b) ‘пришел-то чистым, но говорящий сейчас видит его уже грязным’ <контраст с последующей, уже наступившей, ситуацией>

Если рассматривать с точки зрения этого условия прилагательные разных семантических классов, то, действительно, стадийные прилагательные (как *голый*, *пьяный*, *сердитый*, *больной* и под.)

⁴ Как мы увидим далее, в определенных контекстах возможен и еще один тип контраста — «контраст миров», подробнее см. 2.2.

ему соответствуют, потому что обозначают признак, который легко меняет значение, а исходная семантика прилагательных, которые относят к индивидуальным, такова, что плохо удовлетворяет такому значению конструкции, потому что они, как правило, описывают постоянный признак. Сказанное согласуется с общетипологической картиной для депиктивных конструкций: как отмечается в Himmelmann, Schultze-Berndt 2005, стадийные прилагательные встречаются в них много чаще, чем индивидуальные, ср. английский (Stump 1985), испанский (Ardid-Gumiel 2001), голландский (Barbiers 2000).

Заметим, что классификация Hinterhoelzl 2001 для нашего определения удобнее других, потому что предлагаемый в этой работе тест на «семантическую пригодность» прилагательного использует ясный языковой критерий (конструкции *еще не* и *уже не*) для возможности интерпретаций (a) и (b), ср. (15):

(15) *Из ванной Олег вышел чистым и белым, словно статуя Давида в Пушкинском музее.* Александр Михайлов. Капкан для одинокого волка (2001).

= ‘а вошел туда (т. е. был раньше) грязным и черным’; здесь можно добавить наречие *уже*, ср.: *вышел уже чистым* — значит, в данном случае, это интерпретация (a), противопоставляющая настоящее состояние предыдущему. Поскольку в принципе (хотя и с большими затруднениями) в том же контексте допускается и наречие *еще*, ср.: *из ванной Олег вышел еще чистым и белым*, (‘а потом стал грязным и черным’), можно заключить, что интерпретация (b) не запрещена, а значит, прилагательные *чистый* и *белый* являются ограниченными признаками. Аналогичным образом в примере (16) мы имеем дело с ограниченным признаком *инертный*, в этом предложении реализуется интерпретация (b), ведь бывшая сначала инертной публика постепенно начнет с интересом следить за исполнительницей:

(16) *Постепенно я приходила к убеждению, что петь нужно только о том, что у тебя болит или что тебя очень радует. Когда ты искренне об этом поешь — публика, какая бы она ни была, поймет тебя. Сначала она **будет инертной**. Это надо не заметить — «гореть» дальше.*

А потом публика станет с интересом следить за тобой.
[Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994—2003)]

Иное поведение демонстрирует *длинный* в (17—17а):

(17) *Из ванной вышел длинный подросток...*

(17а) **Из ванной он **вышел длинным***⁵.

Действительно, в понимании Хинтерхёлцля, *длинный* является неограниченным признаком (**уже не* / **еще не длинный*) и не может иметь ни интерпретации (а), противопоставляющей признак предыдущему состоянию, ни интерпретации (b), противопоставляющей его состоянию последующему. Таким образом, в (15—17) тест Хинтерхёлцля дает «правильные» результаты, однозначно предсказывая поведение прилагательных в нашей конструкции.

Тем не менее, в связи с классификацией Hinterhoelzl 2001, обратим внимание на два обстоятельства.

Первое. Языковые диагностики, которые так широко используются, в особенности в формальных подходах, в принципе часто дают сбои, — диагностика Хинтерхёлцля не является здесь исключением (см. с. 164 о прилагательном *свежий*). С точки зрения СxG это вполне понятно: диагностики — это такие «контрольные конструкции», а конструкция — многофакторна, так что в каждом случае диагностирования все ее компоненты вступают во взаимодействие с новым лексическим элементом — трудно представить, чтобы для больших классов слов (в нашем случае — прилагательных) результат был бы совершенно единообразным.

Второе замечание касается взаимодействия диагностики с контекстом. Например, предложение (18):

(18) *Домой ребенок **пришел несчастным*** [Н. Чередова. Школьная краля // «Сельская новь», 2003].

⁵ Из 23 опрошенных носителей русского языка 20 признали этот пример не вполне удовлетворительным, из них 7 — полностью неприемлемым, а 13 — сомнительным. Единственная возможная интерпретация, предлагавшаяся информантами, сводилась к тому, что за время нахождения в ванной человек каким-то образом смог подрасти — тем самым, прилагательное *длинный* переводилось ими в класс временных признаков в полном соответствии с общим правилом.

не так уж легко поместить в контекст *уже не* или *еще не*: критерий Хинтерхёлцля ориентирован только на изолированное прилагательное, взятое вне контекста. Однако признак может менять статус с временного на постоянный и наоборот — под влиянием контекста, т. е. объекта, к которому данный признак применен, — значит, роль контекста существенна. Ср. *белый* в примере (15) как *контекстно-временный* признак, при том что в большинстве случаев, по-видимому, цвет объекта является, скорее, постоянным и неограниченным, а не временным (и ограниченным), ср. *еще / уже белая бумага / красный флаг / синий ковер* и др. Ср. также ниже примеры (49) с прилагательным *длинный*.

Все сказанное касалось «вклада» прилагательных в семантику депиктивной конструкции и в целом (с некоторыми важными, на наш взгляд, уточнениями) повторяло уже известные результаты. Между тем, «вклад», который вносит в семантику DepC глагол, до сих пор полностью игнорировался — по нашему мнению, задача его описания нетривиальна и требует подробного обсуждения.

2.2. Ограничения на глагол

Если согласиться с представленным выше определением DepC и считать, что эта конструкция вводит субъект или объект с временным признаком, то как естественное следствие такого определения нужно принять и то, что наиболее прототипическими для DepC являются не предложения типа (1—10) — *рос застенчивым, пришел пьяным* и под., которые традиционно рассматриваются в соответствующих лингвистических работах, а примеры типа (12) — *Фельдшер казался равнодушным*, которые, напротив, из рассмотрения принято было исключать как не представляющие собой случай вторичной предикации. Между тем, именно этот класс примеров оказывается, во-первых, наиболее частотным по данным корпуса, а во-вторых, наиболее близким к DepC по семантике главного предиката, который имеет обязательную валентность на признак с переменным значением и представляет один из четырех классов глаголов — двух непереходных и двух переходных, каузативов к первым.

Непереходными глаголами с валентностью на переменный признак являются глаголымены состояния, как *стать*, см. (19) и глаголы оценочного (т. е. не точного, не буквального) восприятия действительности, как *казаться*, *считаться* или *представляться*, см. (20—21):

- (19) *Держать на огне, пока подливка не **станет** однородной.* [Рецепты национальных кухонь: Франция (2000—2005)].
- (20) *Проблема, которая **кажется неразрешимой**, исчезнет сама, если проявить выдержку и спокойствие* [Твой городок. // «Даша», № 10, 2004].
- (21) *Сбор лечебных трав, в этот день особенно полезных и душистых, был обязательным. Травники, знахарки, целители умудрялись собирать их на целый год. Даже роса в этот день **считалась лечебной**: избавит от любых болячек на лице.* [Тверской Иван Купала // «Народное творчество», № 1, 2004]

В обоих случаях связь семантики глагола с общим значением конструкции довольно прозрачна. Действительно, для предикатов изменения состояния соответствующее свойство или состояние является обязательным участником обозначаемой ситуации и заполняет обязательную синтаксическую валентность на признак. Эта валентность, в полном соответствии с условиями DerC, выражается творительным падежом — ср. в (19) *станет **однородной***. Кроме того, сам глагол требует, чтобы этот признак был переменным — т. е. чтобы он появлялся или исчезал — и это также в точности соответствует семантике DerC, в рамках которой такое изменение интерпретируется как контраст между исходной (начальной) и измененной (конечной) ситуацией, ср. в (19): ‘до t_1 : подливка неоднородна’ \Rightarrow ‘ t_0 — t_1 : держали на огне нужное количество времени \Rightarrow ‘после t_1 : подливка однородна’.

Особого упоминания в этом контексте заслуживает глагол *быть*, который способен вводить по сути постоянные признаки, как *деревянный* или *мудрый*:

- (22) *Все остальные дома Ильинской, как Вы помните, **были деревянными** и все выгорели без следа.* [В. М. Глинка. Из неопубликованного (1976—1982) // «Звезда», 2003]

(23) *Благодаря этому волосу ребёнок будет мудрым, как сам Гай.* [Л. А. Чарская. Дуль-Дуль, король без сердца (1912)]

Обозначая неизменное состояние в настоящем времени, в прошедшем и будущем *быть* может классифицироваться как глагол изменения состояния (признака), потому что форма прошедшего времени означает, что этот признак больше не существует в данном значении, а форма будущего — что такое его значение пока не имеет места. Тем самым, в этих формах глагол *быть*, в полном соответствии с семантикой DerС, противопоставляет прошедшее тому, что имеет место сейчас, или настоящее тому, что наступит потом. И, что интересно, именно в этих формах он управляет творительным падежом, представляя DerС: глагол-связка в настоящем времени не сочетается с формами творительного падежа:

(24) **Все остальные дома Ильинской, как Вы помните, деревянными/есть деревянными.*

(25) **Благодаря этому волосу ребёнок мудрым/есть мудрым, как сам Гай.*

У глаголов оценочного восприятия валентность на признак тоже обязательна — она вводит воспринимаемый образ, ср. *казаться неразрешимой* в (20) и *считаться лечебной* в (21), и тоже выражается творительным. Неустойчивость признака здесь столь же необходима, только связана она не с временным контрастом (т. е. контрастом между настоящим и прошлым или будущим состоянием описываемого объекта), а с контрастом (его можно было бы назвать «контрастом миров») между тем образом ситуации, который возникает в восприятии говорящего, и тем, какова эта ситуация на самом деле: предикаты этого типа предполагают обязательную дистанцию в мировосприятии говорящего от реального мира. Так, в примере (20) говорится, что проблема *кажется* неразрешимой, и тут же выясняется, что на самом-то деле она разрешима, нужны лишь выдержка и спокойствие; в примере (21) роса, выпавшая в день Ивана Купалы, *считалась* лечебной, но ясно, что так считают не все, а только знахарки и целители, отмечающие этот день как особенный. Как видим, дезавуирование субъективной оценки не просто имплицитно предполагается, но часто происходит эксплицитно, в пределах того же или соседнего предложения.

Каузативными коррелятами к только что описанным классам являются, соответственно, глаголы *каузации мены состояния*, как *сделать*, см. (26) и глаголы *мнения*, как *считать*, см. (27):

(26) *Это сделало их знаменитыми.*

(27) *Я считаю его легкомысленным.*

Легко видеть, что и здесь в обоих случаях есть валентность на признак с переменным значением, которая, как и ожидается, требует творительного падежа. В случае с каузацией мены состояния вводится результирующий признак, как и в некаузативных коррелятах типа *стать*, ср. в (26): ‘до t_1 : не знаменитый’ \Rightarrow ‘ t_0 — t_1 : каузация’ \Rightarrow ‘после t_1 : знаменитый’. У глаголов мнения этой валентностью вводится образ, навязываемый ситуации воспринимающим ее субъектом, но не совпадающий с истинным (ср. здесь некаузативные корреляты типа *казаться*). Таким образом, если, как в (27), вершинным является глагол мнения (*считать*, *полагать* и под.), то говорящий подчеркивает, что реальное значение признака, скорее всего, отличается от того, которое введено этим предикатом: ‘я считаю его легкомысленным, (но другие не считают, и велика вероятность, что он не является таковым)⁶’.

Как видим, глаголы всех только что рассмотренных нами групп жестко навязывают обязательному для них признаку свойство нестабильности, временности, склонности к перемене значения — т. е. те самые характеристики, которые крайне уместны и востребованы в контексте DepC. А значит, действительно у нас есть все основания считать их прототипическими предикатами для DepC.

Между тем в контексте этой конструкции встречаются и непрототипические предикаты. Они не имеют обязательной валентности на признак, эта валентность при них факультативна, так что они могут употребляться «изолированно», без всякого признака, ср.: *он рос послушным* VS. *он рос*, ср. также выше пару (10—11). Таким образом, синтаксически они устроены иначе, чем глаголы изменения состояния, оценочного восприятия или мнения. Но семантически они к ним очень близки, потому что, как и глаголы основных — прототипических — групп, содержат либо

⁶ О свойствах глаголов мнения см. подробнее Арутюнова 1989, НОСС, Апресян 2009, Анна Зализняк 2006а.

идею изменения ситуации, как *начать* (28) или *задушить* (29), либо идею восприятия, как *видеть* (30) или *встретить* — с сильным компонентом воспринимаемого зрительного эффекта (32=3), а значит, имеют возможность выразить при себе признак, причём переменный:

- (28) *Свою политическую деятельность Богданов начал совсем молодым — еще в далеком 1990 году он стал активистом районной организации ДПР.* [Наталья Антипова. Один шанс на шестерых // Известия, 24.12.2007]
- (29) *Лучше бы я задушил тебя маленьким.* [Вячеслав Дурненков. Внутренний мир (2002)]
- (30) *Я говорю: «необычное», потому что не помню, чтобы когда-нибудь видел отца смущённым.* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

Любопытно, что переходные глаголы с обязательной валентностью на признак допускают только один способ его интерпретации — как свойство прямого объекта, ср. (31), тогда как глаголы с факультативной валентностью способны иметь два понимания: либо носителем признака является объект, либо им является субъект, ср. (32=3):

- (31) *Он_i считал его_j пьяным_j.*
 (32 = 3) *Он_i встретил его_j пьяным_{i,j}.*

В теоретическом плане такая асимметрия в поведении этих групп глаголов может служить дополнительным аргументом в пользу того, чтобы признать первые прототипическими для DerC, а вторые — нет, поскольку, как известно (ср., например, Вубее 2007), вариативность является свойством скорее периферии, нежели центра.

Еще одно различие между прототипическими и непрототипическими глаголами состоит в том, что первые, концентрируя идею изменения и контраста в собственной семантике, не устанавливают строгих ограничений на исходное значение прилагательного, допуская семантику не только временного (stage-level), но и постоянного свойства (individual-level), см. похожие замечания в Filip 2001. Дело в том, что идея контраста между разными

значениями признака, заложенная в их собственной семантике, настолько сильна, что в таком контексте практически любой признак переосмысливается как временный. Так, глагол изменения состояния *выйти* (в значении ‘получиться’ в ситуации создания нового объекта — например, вязания) прекрасно сочетается с постоянным для большинства предметов свойством размера (*длинный*), ср. (33)а. В то же время, при непрототипическом *прийти* требуется признак более лабильный, ср. здесь прилагательное *переполненный* (33)б:

- (33) а. Носок **вышел длинным**: *пришлось половину распустить*.
 б. Поезд **пришел *длинным / !переполненным**.

Точно так же глагол восприятия *казаться* легко допускает относительное прилагательное *деревянный*, играя на контрасте между иллюзорным и реальным образом кувшина, а непрототипическое *покрасить* — нет, см. (34)б:

- (34) а. ... *Сухой заплесневелый кувшин, кажущийся деревянным, как перезрелая дыня, какими полон сад*. [Николай Климонтович. Фотографирование и прочие Игры (1988—1990)]
 б. *Он **покрасил кувшин серебристым**.

Непрототипические глаголы допускают почти исключительно прилагательные со значением переменного признака. С одной стороны, именно за счет таких прилагательных можно обеспечить соответствие сочетания в целом семантическим условиям DerС. С другой стороны, собственное значение этих глаголов, в отличие от прототипических, недостаточно определено, чтобы реинтерпретировать в контексте DerС постоянные признаки как переменные. Ср. (35—38):

- (35) Он **написал эту работу молодым**. (переменный признак);
 (36) ??Он **начал эту работу рыжим**. (постоянный признак);
 (37) *Чаще всего дрова продаются сырыми*. (переменный признак);
 (38) **Чаще всего дрова продаются березовыми*. (постоянный признак).

Что касается глаголов других типов, не связанных с идеей изменения, имеющих принципиально иные семантические характе-

ристики (и не способных перестроить свою семантику таким образом, чтобы стать максимально похожими на прототипические классы), то они недопустимы в контексте DerC, потому что их семантика не провоцирует контраста. Таковы, например, переходные глаголы с презумпцией существования субъекта — типа *вертеться*, *жить*, *весить* или *ухмыляться*, ср. (39—41):

(39) *Собака *вертелась* вокруг нас *тощей*.

(40) ??Наши соседи *жили* *голодными*.

(41) *Староста *ухмылялся* *плутоватым*.

Не провоцируют контраста и переходные глаголы обработки, не связанной с созданием нового объекта, как *читать* (*читал книгу *толстой / интересной*), *открывать* (*дверь *тяжелой / тугой / сырой*), *трогать* (*ее руку *холодной / больной / нежной*) и др.

Итак, подводя итоги нашего анализа депиктивной конструкции, мы можем сказать, что главное для нее — это возникновение некоторого значения признака, составляющего контраст с другим допустимым для него значением. Возможность такого контраста достигается, так сказать, совместными усилиями глагола и прилагательного. В простом, прототипическом случае выбирается глагол изменения состояния или восприятия, который, как было показано, целиком обеспечивает соответствие этой пары семантике DerC независимо от того, какое используется прилагательное. В непрототипическом — семантика глагола связана с изменением состояния или восприятия в более слабой степени, и тогда требуемый DerC контраст между разными значениями признака обеспечивается за счет прилагательного — уже не любого, а обозначающего переменный признак.

Теперь посмотрим, насколько релевантны ограничения, свойственные DerC, для ее ближайшего лингвистического конкурента: AgrC.

§ 3. Конструкция с согласованным определением

Прежде всего определим общее значение конструкции AgrC: по нашему мнению, она означает применение к объекту некоторого признака. В этом смысле AgrC, так же как и DerC, может

описывать контраст. И хотя это контраст не между разными значениями признака, а между отсутствием признака и его наличием, грань между этими ситуациями может оказаться незаметной, — тогда мы обнаруживаем сходство в поведении AgrC и DepC.

В то же время, если в значении DepC контраст акцентируется и, как мы видели, является обязательным, в семантике AgrC главное — факт приписывания признака, создания связи между признаком и объектом. Это различие хорошо иллюстрирует пара (42=1) и (43=6):

(42=1) *Я же предпочитаю **есть** фрукты **свежими**, прямо с дерева* <...>

(43=6) <...> *они **ели** оленину, **свежую** или **вяленую**, одевались с ног до головы в олени шкуры* <...>

В обоих случаях используется один и тот же глагол *есть* и одно и то же прилагательное *свежий*. При этом в первом примере из пары речь идет о свежих фруктах (т. е. только что сорванных, — *прямо с дерева*), в противопоставлении несвежим, уже лежалым. Во втором примере, где речь идет про оленину, просто указывается признак, имеющийся у этого объекта — *свежая*, не только без контраста, но даже в сочинении с другим признаком (*вяленая*). Таким образом, основное отличие между DepC и AgrC в том, что для DepC идея противопоставления, по сути дела, является главной, а для AgrC она, вообще говоря, несущественна.

В соответствии с общей концепцией SxG, семантика конструкции должна мотивировать ограничения на возможности ее лексического наполнения, т. е. прилагательные и глаголы. Начнем с прилагательных. Раз суть AgrC в том, что объекту действительности приписывается некоторый признак, ясно, что это новый для него признак, а значит, он не может быть его постоянным свойством (individual-level) и следовательно, описывает переменную характеристику, ср. (44):

(44) *Поезд **пришел чистый** / ***новый** / ***длинный**.*

Обратим внимание, что это обстоятельство, хотя и совершенно естественно вытекает из всего только что сказанного и полностью подтверждается языковыми данными, совершенно игнорируется

в имеющихся описаниях, которые делают акцент на предпочтениях переменного признака для DepC, имплицитно противопоставляя ее ArgC, но не замечают, что данное свойство верно и для ArgC (см., например, Nichols 1981, Filip 2001, Strigin, Demjjanow 2001).

Теперь о глаголах. Как и у DepC, у ArgC есть прототипические и непрототипические глаголы. Однако если у DepC в класс прототипических входят две главные группы, а именно, глаголы изменения состояния и восприятия (а также каузативы к ним), то для ArgC глаголы восприятия, в семантике которых так силен наблюдаемый контраст между разными значениями одного признака, запрещены, потому что эта конструкция, как мы помним, не предусматривает никакого противопоставления значений, ср.:

(45) **Дверь выглядит железная.*

Что касается глаголовмены состояния, то они в контексте ArgC допустимы, правда, не все, а только те, которые не акцентируют контраст между начальным и результирующим состоянием, ср. (46) и (47):

(46) *Снежинки падали сладкие, пушистые и прежде, чем опуститься совсем, привставали на цыпочки.* [Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969—1981)]

(47) *Хотя был уже самый конец апреля, тепло все еще не наступало, и деревья стояли голые, зимние.* [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993—2003)]

Те же глаголы, которые буквально сравнивают начальное и конечное значение признака, ArgC не допускает, потому что «умеет» противопоставлять только отсутствие признака и его наличие, ср. (48):

(48) **Вербальное общение сделается ненужное.*

С точки зрения теории SxG важно, что в контексте ArgC наблюдается тот же эффект, что и в контексте DepC — и, конечно, по тем же причинам семантической цельности конструкции: если у глагола есть валентность на признак, он безразличен к семантике прилагательного — допускаются как переменные, так и постоянные признаки, как в паре (49), ввиду того, что постоянные (49b) имеют возможность переинтерпретации как переменные (49a):

- (49) а. *Носок вышел длинный.*
б. **Поезд пришел длинный.*

Проблема независимости ограничений на отдельные элементы конструкции настолько важна, что требует специального обсуждения. Ниже мы остановимся на ней подробнее на материале ДерС.

§ 4. Прилагательные и глаголы

Обычно ограничения на элементы формулируются в виде независимых правил, разрешающих или запрещающих употребление тех или иных лексико-грамматических классов в ее составе, однако ДерС так описывать нельзя, потому что одни и те же глаголы и прилагательные могут и допускаться, и запрещаться этой конструкцией — в зависимости от контекста, ср. пары (50—51):

- (50) а. **Дверь открылась железной.*
б. *Дверь была железной / железная.*
(51) а. *Поезд пришел переполненным / переполненный.*
б. **Поезд пришел железным / железный.*

Таким образом, классы допустимых глаголов и прилагательных не независимы, поскольку переменные в конструкции связаны друг с другом. Это, в свою очередь, объясняется тем, что общее значение конструкции складывается в результате их взаимодействия. Оно, как мы видели, может «концентрироваться» в одной из них, — и тогда ограничения на другие переменные ослабляются: прототипические глаголы допускают любые прилагательные, а прототипические прилагательные существенно расширяют класс глаголов. Однако в целом за счет такого «перераспределения» семантики главная идея конструкции — охарактеризованность объекта значением некоторого неустойчивого признака, которое противопоставлено другому его значению (исчезнувшему, ожидающемуся, возможному, реально существующему и под.), — сохраняется. Здесь крайне уместно повторить цитату из Апресян 1967: 233 (см. также Введение), который обсуждает совершенно ту же проблему взаимодействия разных фрагментов конструкции на материале глагольного управления, т. е. пар глагол — сущест-

вительное: «каждый класс глагольных значений требует особой классификации существительных, потому что различия между существительными, важные для одного класса глагольных значений, оказываются несущественными для другого и наоборот; ⟨...⟩ мир существительных предстает перед нами по-разному в зависимости от точки зрения, которую мы выбираем, а точкой зрения часто является узкий класс глагольных значений».

Впрочем, значение конструкции может «собираться» не только с опорой на ее внутренние элементы: в принципе, в каких-то случаях главную, конституирующую роль может сыграть и просто внешний контекст. Ср., например, (52—53):

(52) **Он построил дом круглым / деревянным.*

(53) *А вот в Иберии и повсюду на Британских островах дома строились круглыми...* [Стюарт Пиготт. Друиды. Поэты, ученые, прорицатели (2006)].

В обычных условиях предложения типа (52) неприемлемы⁷. В то же время, если погрузить это предложение в контекст, который сам создает контраст — например, между прошлым и настоящим, как в (53), оно (с тем же глаголом и с тем же прилагательным!) становится безупречным.

Заметим, что на похожие случаи употребления дитранзитивной конструкции и конструкции пути в английском языке, когда в изолированном виде невозможная конструкция, под влиянием объемлющего предложения, «исправляется», обращала внимание и А. Голдберг (Goldberg 1995: 22, 171—172).

§ 5. Заключение

Итак, мы решили поставленные задачи: определили общее значение DepC и доказали равную существенность для нее глагольной семантики и семантики прилагательного, а также сравнили DepC и AgrC, убедившись, что вторая просто вводит новое значение признака для объекта, а первая вводит значение признака, обязательно противопоставляя его другому, «фоновому».

⁷ В частности, по нашим данным, из 43 опрошенных 15 считают пример (52) грамматически неправильным и 23 — сомнительным.

Этим, как показывает наш анализ, объясняются и различия, и сходства в употреблении DepC и AgrC. Неясно одно: почему идея противопоставления разных значений признака оказалась выражена именно творительным?

Как мы помним, Ханна Филип (Filip 2001) связывала семантику творительного в DepC с идеей изменения, которая, по ее мнению, свойственна другим его значениям. Мы не можем с ней согласиться уже потому, что идея изменения, как становится ясно из приведенного анализа, не чужда и AgrC, ведь эта конструкция, как оказывается, тоже предпочитает и прилагательные переменного признака (stage-level), и даже глаголы мены состояния, если они не акцентируют контраст начального и конечного значения признака (см. § 3). Значит, за семантику изменения в DepC «отвечает» заведомо не творительный, а творительный вносит в эту конструкцию какой-то другой вклад — какой?

Вернемся к паре DepC — AgrC. Любопытно, что ограничения на лексический состав AgrC довольно близки к ограничениям на состав DepC, — тем не менее, в ее контексте невозможны глаголы зрительного восприятия (и каузативы к ним), которые являются прототипическим глагольным классом для DepC, ср.:

(54) *В углу стояло и валялось несколько пустых бутылок, однако Тимоша не выглядел пьяным / *пьяный.* [Вера Белюсова. Второй выстрел (2000)]

Это обстоятельство не кажется нам случайным и, как представляется, может дать ключ к ответу. Дело в том, что в некоторых своих употреблениях русский творительный ясно связан с семантикой *наблюдаемого события* (подробнее см. Рахилина 2000a/2008: Глава I, §5; Rakhilina, Tribushinina in press). Особенно нагляден компонент зрительного восприятия в сравнительном значении: *лететь стрелой, лежать стопкой, пальцы веером* и под., где он служит важным семантическим условием, отделяющим конструкцию с творительным от квазисинонимичной ей конструкции с *как*. Творительный подчеркивает наблюдаемость ситуации, ее ясный зрительный образ, и поэтому способен передавать идею формы объекта, «недоступную» для сравнительной конструкции с *как*, которая в таких случаях полностью исключается: **лежать как стопка, *пальцы как веер*. И наоборот, если сравне-

ние моделирует внутренние, а не внешние изменения, т. е. когда изменения ненаблюдаемы, говорящий выбирает конструкцию с *как*, а не конструкцию с творительным: *дрожит, как заяц / *зайцем, греет как печка / *печкой, утонул как топор / *топором* и под.

Кажется, что и при описании депиктивов можно было бы опереться на идею наблюдаемости, так свойственную творительному, тем более что часто, как в (55—56), депиктивная конструкция оказывается очень близка сравнительной, с существительным:

(55) *она выглядела взрослой* DepC

(56) *она выглядела старухой* IoC (Творительный сравнения) —

с той разницей, что она вводит одно конкретное значение признака, лексически выраженное прилагательным (*взрослый*), а творительный сравнения — сразу целый набор признаков, которые характеризуют объект сравнения, выраженный существительным (*старуха*). Но и в том, и в другом случае признаки наблюдаемы, а предикаты описывают зрительное восприятие; пример (57) показывает, как близки эти конструкции: обе они используются для описания одного и того же объекта восприятия, буквально «через запятую».

(57) *Пастернак всегда выглядел юношей. Мандельштам всегда казался стариком, взрослым.* [Варлам Шаламов. Дневники (1954—1979)]

Если признать контексты с предикатами зрительного восприятия центральными с точки зрения падежного маркирования, то другие разновидности DepC в этом смысле окажутся более периферийными для творительного падежа, потому что в них идея наблюдаемости проявляется косвенно — как побочный эффект противопоставления актуального значения признака фоновому. Действительно, в случае контраста значений переменного признака естественно, чтобы новое значение как-то проявило себя (по сравнению с тем, другим), и самое простое в таком случае — возможность зрительного восприятия его проявлений наблюдателем; интересно, что в примерах, иллюстрирующих употребление DepC (в том числе и в данной главе), как правило, такая возможность явно имеется, ср.: *он рос нервным / застенчивым / послушным; пришел трезвым / несчастным; вышел чистым; подливка станет*

однородной, носок вышел длинным, ест фрукты свежими, начал роман молодым и др.

Таким образом, если наша гипотеза верна, она объясняет не только предпочтение депиктивами предикатов зрительного восприятия, но даже причину, по которой необходим контраст значений переменного признака в семантике DepC. Круг замкнулся. Конструкция описана.

Глава 2

РУССКАЯ КОНСТРУКЦИЯ С ПРЕДЛОГОМ *по* И ПРОБЛЕМА НЕАККУЗАТИВНОСТИ¹

§ 1. Постановка задачи

Хорошо известно, что русский язык, как и некоторые другие славянские — но в отличие от большинства европейских, обращает специальное внимание на дистрибутивность, т. е. повторение одной и той же ситуации с разными участниками. Если в языках европейского стандарта она выражается дистрибутивным местоимением (ср. англ. *each*, фр. *chaque* и др.), то в русском, в дополнение к местоимению *каждый*, есть еще и специальная предложно-падежная конструкция с предлогом *по*, тоже маркирующая дистрибуцию². Понятно, что в общем случае эти средства — местоимение и конструкция — оказываются семантически очень близки; их сочетание в одном предложении достаточно частотно и сохраняет то же значение дистрибутивности. Ср. «превращение» недистрибутивных ситуаций (1) или (2) в дистрибутивные (а), (b) и (с), практически синонимичные друг другу, с помощью *каждый* и *по*:

¹ Основные идеи этой работы были кратко изложены в: Кузнецова Ю. Л. Дистрибутивная конструкция с предлогом *по* в русском языке // Логический анализ языка. Квантификативный анализ языка. М.: Индрик, 2005, с. 616—637, а также: Kuznetsova Julia. Against the Russian Distributive Construction with Preposition *po* as a diagnostic for unaccusativity // Formal Approaches to Slavic Linguistics 13, ed. Mila Tasseva-Kurktchieva, Steven Franks, and Frank Gladney. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2005. P. 170—180. Мы благодарим Б. Х. Парти, Л. Л. Иомдина, Г. И. Кустову, В. А. Плунгяна за сделанные замечания и конструктивное обсуждение этой работы.

² Заметим, что грамматические маркеры дистрибутивности (падежное маркирование) распространены в уральских языках, ср. прежде всего финский и венгерский.

- (1) *Отец дал сыновьям яблоко / яблоки* (= 'одно или несколько на всех').
 (1a) *Отец дал **каждому** сыну яблоко.*
 (1b) *Отец дал сыновьям **по** яблоку* (\approx 1a).
 (1c) *Отец дал **каждому** сыну **по** яблоку* (\approx 1a).
- (2) *На нашей верфи выпускаются лодки* ('неважно, с какой регулярностью').
 (2a) *На нашей верфи **каждый** год выпускается две лодки.*
 (2b) *На нашей верфи выпускается **по две лодки** в год* (\approx 2a).
 (2c) *На нашей верфи **каждый** год выпускается **по две лодки*** (\approx 2a).

В самом деле, отличить значение «местоименной дистрибутивности», т. е. предложений типа (a), от «конструкционной дистрибутивности», т. е. предложений типа (b / c), совсем не просто: бросаются в глаза только их прагматические, а не собственно семантические свойства: в (a) акцент делается на качественных характеристиках множества выбора (давал *яблоки*, а не *груши*), а в (b / c) — на дистрибуции как таковой и, если так можно сказать, равенстве возможностей участников.

Между тем, если внимательно исследовать способы заполнения для каждого слота конструкции с *по*, выясняется, что возможности употребления этой конструкции существенно уже, чем у местоименных предложений.

Во-первых, конструкция с *по* употребляется не со всеми глаголами, ср. равно возможные (3a/b) и мало приемлемое (4b) на фоне безупречного (4a):

- (3a) *На каждом дереве сидела птица.*
 (3b) *На деревьях / каждом дереве сидело по птице.*
 (4a) *На каждом дереве пела какая-нибудь заморская птица.*
 (4b) ^{??} *На каждом дереве пело по <какой-нибудь заморской> птице.*

Во-вторых, она имеет нетривиальные ограничения на сочетаемость с существительными, ср. (5) и (6):

- (5) а. *Каждый налил себе **молоко**.*
 б. **Каждый налил себе **по** молоку.*
- (6) а. *Каждый из них поднял **голову**.*
 б. ^{??} *Каждый из них поднял **по** голове.*

В соответствии с логикой СхG, такие существенные сочетательные лакуны должны быть, с одной стороны, связаны между собой, а с другой — мотивированы особым значением конструкции с *по*. Задача этой главы в том, чтобы подтвердить данное предположение и представить такое семантическое описание дистрибутива с *по*, которое бы объяснило его нестандартное лингвистическое поведение как в примерах (4—6), так и в других случаях³.

Однако решение этой, в сущности практической, задачи, связано с другой, сугубо теоретической. Дело в том, что отмеченные нами два типа ограничений не принято рассматривать вместе: обычно, когда речь идет о дистрибутивной конструкции, обращают внимание только на глаголы, игнорируя существительные. При этом считается, что поведение в этой конструкции глаголов обусловлено более общей стратегией языка в отношении синтаксической классификации глагольной лексики, а именно, так называемой *неаккузативностью*, которая проявляется и в других зонах грамматики: общепризнано, что русский дистрибутив с *по* является одной из важных диагностик неаккузативности (ср. Pesetsky 1982, Babyonyshev 1996, Cetnarowska 2002, Harves 2002, а также Борик 1995, Дудина 2002 и др., подробнее см. § 2). Таким образом, в данном случае наш частный результат ставит под сомнение гораздо более общие теоретические положения, а следовательно, требует полноты охвата языкового материала, строгой аргументации и последовательного изложения фактов.

Мы старались выполнить эти условия. Глава включает, помимо вводного, еще три параграфа: § 2 посвящен разбору трактовок

³ Отметим здесь другие задачи, при решении которых так или иначе затрагивались свойства дистрибутивных конструкций с *по*: в статьях А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой (Зализняк, Падучева 1974/1997) и М. М. Бурас (1985) даются правила выбора числового оформления русских существительных в дистрибутивном употреблении (действующие и за пределами нашей конструкции); Л. Л. Иомдин (1990, 1991) строит лексикографический портрет предлога *по* в целом — среди прочих значений отмечается и дистрибутивное; работа М. Л. Рубинштейн (2002) посвящена непосредственно дистрибутивной конструкции с *по*, но ее задача ограничивается проблемой употребления кванторов в этой конструкции.

дистрибутива с *по* как диагностики неаккузативности; в § 3 предлагается анализ языкового материала с позиций СхG, и с этой целью проводится подробное исследование дистрибутивной ситуации; два эти «конкурирующих» подхода сопоставляются в Заключении (§ 4).

В работе использованы примеры из НКРЯ, художественных произведений современных авторов, материалы периодических изданий и некоторых интернет-сайтов. Большинство примеров было найдено при помощи поисковой машины Yandex.

§ 2. Неаккузативность и конструкция с *по*

2.1. О теории неаккузативности

Теория неаккузативности была предложена Д. Перлмуттером в Perlmutter 1978⁴. Суть ее в том, что все непереходные глаголы делятся на два класса: неаккузативные и неэргативные. Субъект неаккузативного глагола на более глубинном уровне является объектом — и поэтому проявляет соответствующие объекту синтаксические свойства. В свою очередь, субъект неэргативного глагола обнаруживает сходство с субъектом переходного глагола⁵.

В русском языке неаккузативными считаются, например, *быть, висеть, достаться, падать, сидеть, спать*, а неэргативными — *бежать, топтать, извиняться, плевать, смеяться* и под.

Для различения неэргативных и неаккузативных глаголов используются так называемые **диагностики неаккузативности** — это конструкции, в которых неаккузативные и неэргативные глаголы проявляют свои различия: субъект неэргативного глагола демонстрирует ту же модель поведения, что и субъект переходного глагола, а субъект неаккузативного — ту же, что объект непереходного. Важно, что для разных языков выделяются разные диагностики (подробнее см. Levin, Rappaport Novav 1995) — ведь каждому языку свойствен свой индивидуальный набор конструкций.

⁴ См. также Chvany 1975, Burzio 1981, 1986; Levin, Rappaport Novav 1995; Blaszcak 2002 и др.

⁵ Соответственно, синтаксическая структура этих классов глаголов выглядит с точки зрения теории неаккузативности по-разному: неэргативных как NP [_{VP} V], а неаккузативных как ____ [_{VP} V NP/CP].

Например, в итальянском одной из диагностик неаккузативности является вспомогательный глагол в перфекте. Дело в том, что при образовании итальянского перфекта требуется выбрать один из двух вспомогательных глаголов: или *avere* ‘иметь’, или *essere* ‘быть’. Сторонники теории неаккузативности (см. прежде всего Burzio 1981, 1986) утверждают, что выбор между ними связан с неаккузативностью: непереходные неэргативные выбирают *avere* (8), следуя в этом отношении за переходными, ср. (7), а переходные неаккузативные глаголы — *essere* (9), как в формах пассива (10).

- (7) *Ho comprato un libro.* (переходный)
 иметь:PRS:1SG купить:PTCP INDF книга
 Я купил книгу.
- (8) *Giovanni ha telefonato.* (неэргативный)
 Джованни иметь:PRS:3SG звонить:PTCP
 Джованни позвонил.
- (9) *Giovanni è caduto.* (неаккузативный)
 Джованни быть:PRS:3SG падать:PTCP
 Джованни упал.
- (10) *Il figlio è amato dalla madre.* (пассив)
 DF сын быть:PRS:3SG любить:PTCP от+DF мать
 Сын любим матерью.

Немецкий язык демонстрирует другую диагностику, она касается формы безличного пассива, которая, по утверждению Г. Гревендорфа (Grewendorf 1989) и С. Фаган (Fagan 1992), может образовываться от неэргативных глаголов, как в (11), но не может — от неаккузативных, как в (12).

- (11) *Es wurde getanzt/gearbeitet.* (неэргативный)
 IPR становиться:PRET танцевать:PTCP/работать:PTCP
 Танцевали/Работали.
- (12) **Es wurde angekommen/ingeschlafen/gefallen.*
 (неаккузативный)
 3SgN становиться Pret приходить:Part/засыпать:Part/падать:Part
 Приходили/Засыпали/Падали.

Точно так же, собственные диагностики имеют нидерландский, грузинский, баскский и другие языки, см. подробнее недав-

но вышедший сборник статей, посвященный этой проблеме, Alexiadou et al. (eds.) 2004. В русском языке противопоставление между неэргативными и неаккузативными глаголами признается бесспорным, причем на основе сразу как минимум двух диагностик.

2.2. Диагностики неаккузативности в русском языке

Основными диагностиками неаккузативности/неэргативности непереходного глагола в русском языке, по предложению Д. Песецкого, высказанному еще в Pesetsky 1982⁶, принято считать две конструкции: генитив при отрицании и интересующую нас дистрибутивную конструкцию с предлогом *по*. Правда, в последние годы были высказаны идеи о существовании еще нескольких диагностических конструкций — конструкции множественного действия (Борик 1995), локативной инверсии, связанного согласования (Babyonyshev 1996), композитов с ситуативным значением (Богданов 2009)⁷, но они пока находятся в статусе гипотез, требующих дальнейших исследований и новых подтверждений, тогда как генитивная и дистрибутивная диагностики фигурируют в лингвистической литературе (прежде всего касающейся неаккузативной теории) как доказанные (см., например, Harves 2002), поэтому мы представим каждую из них подробнее.

⁶ Впервые разграничение русских непереходных глаголов на классы было произведено в работе К. Чвани (Chvany 1975). Она заметила, что русские глаголы существования качественным образом отличаются от других непереходных глаголов.

⁷ Кратко проиллюстрируем здесь различия в употреблении этих конструкций:

- множественное действие: *Много снегу натаяло в городе* (неакк.) VS. **Много детей набегало в парке* (неэрг.);
- локативная инверсия: *В углу валялась куртка* (неакк.) VS. **В квартире свистит Ваня* (неэрг.);
- связанное согласование: *На столе стояла пепельница и пустой стакан* (неакк.) VS. *Об этом часто говорят/*говорит Андрей и Коля* (неэрг.);
- композиты с ситуативным значением: *снегопад* (неакк.) VS. **собакобег* (неэрг.).

Генитивная диагностика

Как известно, в русском языке при отрицании переходного глагола прямое дополнение может стоять как в обычном винительном, так и в родительном падеже, ср. (13—14)⁸:

- (13) *Наши редактор не публикует такие статьи.*
(14) *Наши редактор не публикует таких статей.*

Подлежащее переходного глагола не способно к такому преобразованию, ср. (15):

- (15) **Нашего редактора не публикует такие статьи.*

В то же время, при отрицании некоторых непереходных глаголов родительный падеж субъекта возможен, и в основном это глаголы с «пациентивной» семантикой — *исчезать, оказаться, висеть*, ср. примеры (16)—(18):

- (16) *Ничего не исчезло после визита непрошеных гостей.*
(17) *Детей там не оказалось.*
(18) *Замка на двери не висело.*

По мнению сторонников теории неаккузативности, в таких контекстах встречаются лишь неаккузативные глаголы. Предлагаемую ими диагностику неаккузативности на базе генитивной конструкции можно сформулировать так: если непереходный глагол может употребляться с генитивом при отрицании, то он неаккузативный.

Между тем, обратим внимание, что проблеме генитивного субъекта посвящено значительное количество работ — и вовсе не только синтаксических, см. прежде всего Ицкович 1974, Babby 1980, Guiraud-Weber 1984, Апресян 1985, Падучева 1997, Борщев, Парти 2002, Partee, Borschev 2006, 2007, Борщев и др. 2008, Падучева 2008, и др. Во многих из них точка зрения сторонников теории неаккузативности обсуждается, оспаривается и ставится под сомнение (см. в первую очередь Babby 1980, но и другие). Поскольку проблема генитива с отрицанием выходит за рамки данной работы, мы не имеем возможности сколько-нибудь подробно ее здесь обсудить — но вернемся к этой дискуссии в Заключение.

⁸ Примеры (13)—(18) взяты из работы Борик 1995.

Дистрибутивная диагностика

Общая идея сторонников теории неаккузативности, работавших с русским материалом (см. Pesetsky 1982, Борик 1995, Дудина 2002, Narves 2002 и др.), состоит в том, что ограничения на глагол, о которых мы говорили в связи с дистрибутивной конструкцией, можно использовать как диагностику, которая в этом случае имеет следующий вид: если непереходный глагол позволяет замену подлежащего на дистрибутивную конструкцию, то он неаккузативный.

Это правило иллюстрируют примеры (21)—(22), которые мы рассмотрим в сравнении с (19)—(20)⁹:

(19) Дети сделали себе **по бутерброду**.

(20) ***По ребенку** сделало себе бутерброд.

(21) На каждой стене **висело по картине**.

(22) *В каждом углу **прыгало по мальчику**

(19) демонстрирует возможность дистрибутивной конструкции на месте объекта переходного глагола, а (20) — ее неуместность в субъектной позиции. Поэтому, согласно приведенному правилу, субъект непереходного глагола *висеть*, который, как видно из (21), допускает дистрибутив, оказывается похож не на субъект, а на объект переходного глагола и должен быть признан неаккузативным. Напротив, субъект глагола *прыгать* не допускает замены на дистрибутивную конструкцию (22) и в этом смысле ведет себя как субъект переходного *сделать* в (20) — таким образом, в противоположность *висеть*, он признается неэргативным.

Некоторые уточнения к приведенной выше диагностике предложила О. Борик, подробно исследовавшая конструкцию с *по* с точки зрения теории неаккузативности. Она обратила внимание на числительные в составе дистрибутивов (ср. *сделали себе по бутерброду* — *сделали себе по два бутерброда*) и пришла к выводу, что следует различать собственно дистрибутивную конструкцию вида *по + NPdat* и количественный дистрибутив вида *по + QP* (где *P* соответствует *NPdat* в неквантификативной конструкции). По ее мнению, у этих структур разное синтаксическое поведение:

⁹ Примеры из Борик 1995.

в отличие от собственно дистрибутивов, квантитативный дистрибутив может появляться и в позиции субъекта, ср. (23).

(23) *На всякий случай к шее и задним ногам слоненку были привязаны канаты; каждый канат держали **по пятнадцати охотников**, шедших впереди и сзади.* [И. А. Ефремов. На краю Ойкумены (1945—1946)]

Если это уточнение верно, оно требует изменения формулировки диагностического правила: ведь диагностикой неаккузативности в таком случае будет являться только собственно дистрибутивная конструкция, *по + NRдат*, не содержащая числительных. Что касается квантитативного дистрибутива, то он, таким образом, безо всякого объяснения причин, а просто по факту своего неканонического для неаккузативов поведения «выходит из игры» в неаккузативность.

Однако — встает вопрос: верно ли, что в остальных случаях сочетаемостные «правила неаккузативного и неэргативного поведения» в зоне дистрибутивов действительно соблюдаются достаточно жестко?

2.3. Не-неаккузативность: реальная картина употребления дистрибутивов

Как показывают реальные, а не сконструированные примеры, картина употребления дистрибутивов значительно более разнородна, чем того требует статус диагностики. Действительно, для того чтобы дистрибутивную конструкцию можно было рассматривать как диагностику неаккузативности, нужно, как мы помним, чтобы она была:

- допустима в позиции объекта при любом переходном глаголе;
- всегда запрещена в позиции субъекта переходного глагола;
- всегда возможна в позиции субъекта неаккузативного глагола;
- невозможна как субъект при неэргативных глаголах.

Между тем, ни одно из этих утверждений не верно: для каждого из них в текстах самого разного жанра и профиля либо нахо-

дятся опровергающие примеры, либо не находится никаких языковых свидетельств.

Во-первых, есть переходные глаголы, не склонные принимать дистрибутивную конструкцию как объект, ср. (24—25):

(24) ^{??} *Каждый полицейский уличил по преступнику*, см. Замечание в 3.3.4.

(25) **Каждый из нас любил по девушке*.

Во-вторых, есть множество случаев, когда дистрибутивная конструкция встречается в позиции субъекта переходного глагола, ср. (26)—(29), а также ниже (37)—(38):

(26) *Каждую лестницу несут по четыре человека, и едва их разом приставили к стенам, наверх тут же начали быстро-быстро карабкаться сотни... нет, тысячи вооруженных людей!* (Юрий Никитин. Трое из леса).

(27) *Галереи окружает невысокая стена с восемью воротами, каждая из которых охраняют по два бронзовых льва*. (Королевство, улыбок, солнца и неги. Путеводитель по Таиланду.)

(28) *Теперь каждого узника вели по трое конвойных: двое под руки и третий рядом — у него в руках был наготове разрядник, на случай чего, и за плечами болталось нечто, напоминавшее с виду чертежный тубус*. (День чистой Земли // Черноголовская Газета № 12 (511) 17—23 марта 2001 года)

(29) *Каждого из пленников держали по пять десантников, все-таки при таком росте они были сильны*. (Вячеслав Аверьянов. Пески времени)

В-третьих, есть непереходные, семантически пациентивные глаголы, претендующие на статус неаккузативных, при которых, тем не менее, невозможно употребление конструкции с предлогом *по*, ср. (30—31):

(30) **В каждом коридоре по стене пачкается свежей краской*. (пример из Дудина [2002])

(31) ^{??} *В каждой группе детского сада по два ребенка боится бабы-яги*.

В-четвертых, встречаются и употребления непереходных глаголов с активной семантикой (т. е. таких, которые должны были бы вести себя как неэргативные), где дистрибутивная конструкция является субъектом, ср. (32—36):

- (32) *Тогда из-за нехватки рабочих мест на многих судах на одной должности **работали по два человека**. (Судьбы людские. Из золотого фонда завода // Ленский водник от 26 октября 2002 г. №37 (3903))*
- (33) *На собрания екатеринбургских социал-демократов еще пять лет назад **ходило по пять человек**. (Николай Привалов. Оценка текущей ситуации и перспективы развития общественно-политических организаций)*
- (34) *Из машин тут же **вышли по два человека** и заняли «круговую оборону», внимательно поглядывая по сторонам. (Виктор Доценко. Месть Бешеного)*
- (35) *Поэтому обед тащат в термосах на позицию. И там, в редкие минуты затишья, **по одному, по два человека** с расчета **бегут** к термосам и, торопливо навалив в котелки супа и каши, так же торопливо трусят к орудиям и там, на станинах, глотают обед. (Владислав Шурыгин. Бог войны Смелянский)*
- (36) *Тройкой против девятки мы приняли лобовой удар, выпустив длинные заградительные очереди. Противник был отвлечен от атаки по нашим «шам»... На каждого из нас **бросилось по три «мессера»**. (Анатолий Кожевников. Записки истребителя)*

Второй и четвертый пункты и соответствующие им примеры (26—29) и (32—36) требуют дополнительных комментариев — в связи с уточнениями О. Борик, о которых мы говорили в 2.2.

2.4. Числительные в дистрибутивной конструкции: особое поведение?

Обратим внимание, что все приведенные выше «исключения», связанные с субъектной позицией при переходном глаголе (см. примеры 26—29), представляют квантитативный дистрибутив, т. е. содержат числительные. Собственно дистрибутивные конст-

рукции вида *по + NPдат* хотя и встречаются в роли субъекта, ср. (37—38), но, действительно, значительно реже количественных:

(37) *Каждые ворота **охраняет по каменному льву**.*

(38) [*В Берлине, где минувшим днем суд разрешил шествие неонацистов, удалось обойтись без столкновений.*] *Каждую колонну бритоголовых **конвоировало по полицейской машине**, которые пресекали любые нарушения порядка.*

Строго говоря, простого существования такого рода примеров достаточно для того, чтобы опровергнуть гипотезу о дистрибутивной конструкции как диагностике неаккузативности — даже и в «слабой» редакции О. Борик. Тем не менее, поскольку числительные действительно часто обязательны в дистрибутивной конструкции, прояснения требуют два обстоятельства:

(А) низкая частотность *по + NPдат* в позиции субъекта и

(В) процедура выбора между количественной и собственно дистрибутивной конструкциями.

Рассмотрим их последовательно.

(А) О низкой частотности

Дело в том, что конструкция с *по* тяготеет к реме предложения:

(39) ^{??} ***По конфете** я дал каждой девочке.*

(40) *Я дал каждой девочке **по конфете**.*

Между тем, субъект в русском языке обычно находится в позиции темы — этим объясняется низкая частотность *по + NPдат* в позиции субъекта переходного глагола. В частности, если есть выбор между позицией субъекта и объекта, предпочитается объектная, а не субъектная позиция. Выбор же между ними возникает в том случае, когда дистрибутивные отношения устанавливаются между единичными объектами, т. е. как раз тогда, когда числительные «не нужны», потому что значение количества уже выражено грамматически единственным числом. Именно такую корреляцию можно выразить двумя способами: *X V по Y* (ср. 41) и *Y V по X* (ср. 42):

(41) *Каждый каменный лев охраняет **по тяжелой двери**.*

(42) *Каждую тяжелую дверь охраняет **по каменному льву**.*

Строго говоря, эти конструкции не синонимичны — если принять во внимание ситуацию, когда дверей больше, чем львов, и львы охраняют лишь выборочные двери, которой соответствует (41), но не (42), а также ситуацию, когда львы охраняют не только двери, но и, например, окна (42, но не 41) — но обычно носители языка такие случаи игнорируют и интерпретируют подобные предложения как взаимно-однозначное соответствие между дверьми и львами.

Итак, при взаимно-однозначном соответствии между единичными объектами дистрибутивность может маркироваться как при субъекте (в таком случае переходного) глагола, так и при его объекте — и, как уже было сказано, для сохранения тема-рематического баланса в этих случаях выбирается объектное маркирование дистрибутива, за счет чего существенно снижается частотность субъектных дистрибутивов. Если же по каким-то причинам тема-рематический баланс нужно изменить, приходится «усиливать» значимость субъектной позиции — с этой целью используются, в частности, и числительные, которые вводятся в дистрибутивную группу: *Каждую тяжелую дверь охраняет по одному каменному льву* оказывается, таким образом, предпочтительнее, чем *Каждую тяжелую дверь охраняет по каменному льву*.

В то же время, употребление числительного с единичными объектами — собственно, числительного *один* — регулируется далеко не только прагматическими правилами, но и достаточно жесткими запретами, несмотря на то, что, с логической точки зрения, *один*, как определение к имени в единственном числе, должно быть полностью избыточно. В отношении выбора между квантитативной и собственно дистрибутивной конструкциями интерес представляет работа Филипенко 1992, которая посвящена количественной группе с *один*. Ее результаты мы представим ниже при обсуждении пункта **В**.

(В) О количественной группе с *один*

Как убедительно показано в Филипенко 1992, предположение о взаимозаменяемости конструкций *по одному X* и *по X*, при всей его естественности, тем не менее, не верно. В частности, есть случаи, когда числительное ни при каких обстоятельствах нельзя опустить, ср. (43):

- (43) а. *Каждый поднял по одной руке.*
 б. **Каждый поднял по руке.*

Чтобы объяснить этот эффект, М. В. Филипенко апеллирует к устройству множества, из которого осуществляется выбор распределяемых объектов (в примере (43) это руки), она называет его *ассоциированным множеством*¹⁰. Это множество может быть однородным и неоднородным относительно некоторой именной группы; оно однородно, если с помощью нее можно обозначить любой объект из этого множества, и неоднородно — если нельзя. Оказывается, что выбор единичного объекта из однородного множества (например, одной руки из множества рук) в русском языке обязательно требует числительного *один*, как в (43), и опущение числительного в таких контекстах невозможно. Ср. также однородное ассоциированное множество ног в (44):

- (44) *Цапля стоит на одной ноге / *на ноге.* (пример из Филипенко 1992)

При выборе же из неоднородного ассоциированного множества — например, множества разных частей тела, в которое, в частности, входит и рука — как в (45), числительное необязательно:

- (45) *Врач забинтовал больному руку.*

Если вернуться к дистрибутивной конструкции с *по*, то окажется, что многие запреты на употребление ее без числительного связаны с заведомой однородностью соответствующего множества. Ср. пример (46), где выбор осуществляется из однородного множества людей:

- (46) *На каждой кровати лежало ?? по человеку / по одному человеку.*

Однако если сконструировать такую ситуацию, чтобы множество стало здесь неоднородным, употребление дистрибутивной конструкции с глаголом *лежать* будет возможно, ср. (47):

¹⁰ По Филипенко 1992, ассоциированным называется множество, возникающее в некоторых выделительных контекстах, из которого выбран описываемый в предложении объект. Так, в предложении *Мудр только Сократ* происходит выделение объекта *Сократ* из ассоциированного множества всех людей.

- (47) *На дне двух хрустальных сахарниц лежало **по горсточке** очень мелко наколотого сахара.* [В. В. Вересаев. В тупике (1920—1923)]

В то же время, как нам кажется, есть глаголы, которые структурируют ситуацию таким образом, что соответствующее им множество однородно всегда. Возможно, именно таков глагол *участвовать*: участники конкурсов, соревнований, игр и под. обычно определены правилами конкретной игры или соревнования и, что называется, изначально равноправны — образуют однородное множество. Поэтому в контексте этого глагола числительное оказывается крайне желательным: в НКРЯ есть 12 примеров употребления глагола *участвовать* в дистрибутивной конструкции, и среди них — ни одного без числительного, ср. пример (48) из Борик 1995, а также примеры (49)—(51):

- (48) *В конкурсе участвовало ^{??} по ученику / по одному ученику из каждого класса.*
- (49) *Состоялось 3 тренировочных 10-минутных заезда и 7-минутная квалификация. В квалификации участвовало по одному пилоту / ^{??} по пилоту от каждой команды.* (Командный турнир компании «W-Trade Technologies Inc.»)
- (50) *Конечно, в тестах участвовало по одному диску / ^{??} по диску каждой модели, и говорить о тенденциях нельзя, но...* (Сравнение 7200grm винчестеров урожая 2001-го года. Обзоры компьютерного магазина «Альбион»).
- (51) *С каждой стороны участвовало по одному полку / ^{??} по полку, а руководил «операцией» командующий ГРВЗ генерал-лейтенант Андреев.* (Аналитические материалы)

Суммируя сказанное в п. (А) и (В), можно сделать вывод, что дистрибутивные конструкции с числительными и должны в целом оказаться гораздо частотнее собственно дистрибутивов (т. е. конструкций без числительного). Во-первых, без числительного нельзя выразить значение количества большее или равное двум; во-вторых, ввиду особенностей актуального членения, в субъектной позиции при переходном глаголе ожидаются, скорее, количественные дистрибутивы — т. е. содержащие числительные; в-третьих, распространены ситуации, в которых объекты для рас-

пределения выбираются из однородных множеств — а такая ситуация в русском языке, как выясняется, требует числительного.

В то же время, разница в поведении дистрибутивов с числительным и без числительного по большей части контекстна: сами по себе эти варианты дистрибутивной конструкции не противопоставлены в такой степени, чтобы иметь серьезные причины считать одно диагностикой, например, неаккузативности, а другое — нет. Значит, их лучше рассматривать вместе, принимая во внимание тонкие различия в семантике и сочетаемости.

И наконец: оказалось, что эти различия связаны со структурой организации множества, из которого берутся распределяемые элементы. Пока в связи с поведением числительного обнаружилась только одна его релевантная характеристика — однородность / неоднородность. В следующем разделе мы обсудим другие его свойства.

§ 3. Дистрибутивная конструкция и дистрибутивная ситуация

3.1. О структуре дистрибутивной ситуации

Рассмотрим подробнее ситуацию, соответствующую дистрибутивной конструкции $V X \text{ по } Y$ с предлогом *по* на самом простом примере:

(52a) *Я дал (V) каждому мальчику (X) по яблоку (Y).*

В качестве участников в ней присутствует несколько мальчиков (X) и несколько яблок (Y). Мальчики — «даны» и известны; яблоки выбраны из некоего большего (и, возможно, неоднородного) множества, содержащего яблоки, а в случае неоднородности множества — и какие-то другие объекты. При этом множества мальчиков и яблок связаны таким образом, что ситуация, которую порождает вершинный предикат V, — в данном случае, ситуация владения («мальчик имеет яблоко») — повторяется несколько раз. Сказанное изображено на Схеме 1.

На Схеме 2 приведена более сложная дистрибутивная картина, где распределяются уже группы объектов, ср.:

(52b) *Я дал каждому мальчику по два яблока.*

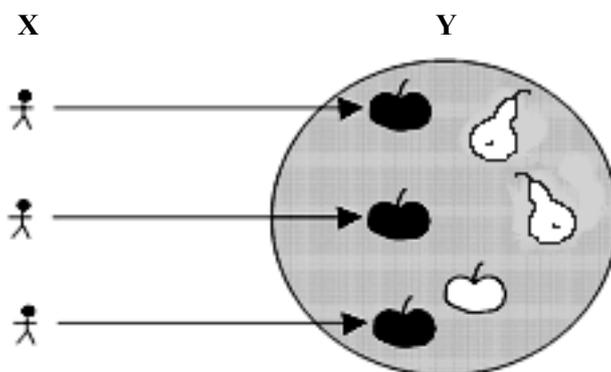

Схема 1

Однако здесь точно так же, как и в случае, представленном на Схеме 1, есть:

- объемлющее *множество выбора* Y (множество яблок),
- заранее заданные *параметры дистрибуции* X (мальчики),
- повторяющаяся ситуация ('мальчик имеет два яблока').

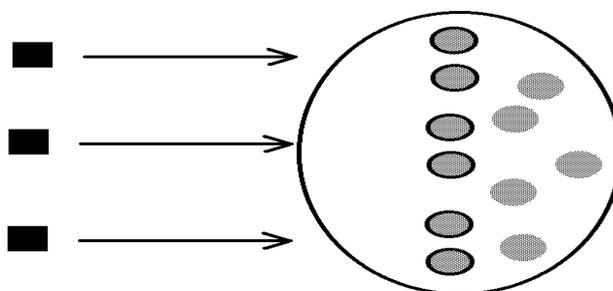

Схема 2. Дистрибуция групп объектов

Наконец, Схема 3, соответствующая предложениям типа:

(52с) *Я взял у каждого мальчика по два яблока*

представляет еще более сложную картину дистрибуции. В ней тот же заранее заданный параметр X (мальчики) и так же повторяющаяся ситуация (правда, уже с противоположным значением — 'у каждого мальчика взято два яблока (т. е. не хватает двух яблок)',

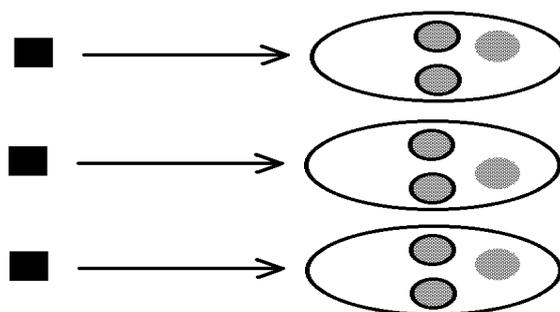

Схема 3. Распределение множеств выбора по подситуациям

в которой, однако, нет единого объемлющего множества, а есть несколько независимых (Y). Однако каждое из них по-прежнему больше, чем множество выбранных из него элементов.

Выясняется, однако, что названные (и, в общем, очевидные) условия (наличие объемлющего множества выбора, параметра дистрибуции и повтора) являются для дистрибутивов с *по* необходимыми, но не достаточными: чтобы эта конструкция могла реализоваться, она должна удовлетворять еще некоторым требованиям — вытекающим из основных, но, возможно, менее очевидных, а именно:

(1) счетность множества выбора

и

(2) отсутствие заранее заданных устойчивых отношений между параметром дистрибуции и его коррелятом.

Эти два условия мы рассмотрим ниже, соответственно, в разделах 3.2 и 3.3.

3.2. Счетность множества выбора

То, что в ситуации распределения объектов множество выбора должно быть счетно, непосредственно вытекает из определения самой дистрибуции: чтобы оперировать с этим множеством как того требует ситуация распределения, нужно, как мы только что видели, (а) оценивать его объем (он должен превышать число распределяемых объектов) и (б) поштучно выбирать из него эле-

менты, устанавливая их связь с заданным параметром. Оба эти шага предполагают счетность множества, которое в нашей конструкции занимает место *Y*, а значит, наличие у имени, заполняющего *Y*, такого семантико-синтаксического свойства, как 'исчисляемость'. Это свойство диагностируется как способность существительного присоединять количественные маркеры — в первую очередь, числительные и количественные наречия типа *много*, *несколько* и под. (см. Ляшевская 2004, Corbett 2000) — и накладывает определенные ограничения на место *Y* в конструкции. Его не могут занимать:

— во-первых, абстрактные существительные, такие как *радость* (*несколько радостей), *теплота* (*четыре теплоты) и т. п., ср. (53—54):

(53) а. Мы **испытываем** обновленную **радость** узнавания друг друга, мы чувствуем: мы люди, мы вместе. (Фазиль Искандер. Время счастливых находок)

б. *Каждый из нас **испытывает** по радости / по огорчению.

(54) а. Мы заняты одним делом и **чувствуем** теплоту друг к другу, хоть и не все знакомы, но мы все вместе — сварщицы, крановщицы, шофёры, трактористы... (Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора)

б. *Мы **чувствуем** по теплоте друг к другу.

— во-вторых, предметные имена веществ и совокупностей, такие как *молоко* (*три молока)¹¹ или *лук* (*несколько лука), ср. (55—56):

(55) Я **разлил** молоко, **нарезал** хлеб, **достал** зеленый лук и крутые яйца. (Сергей Довлатов. Заповедник)

(56а) *Каждый из нас **разлил** по молоку.

¹¹ Понятно, что для большинства неисчисляемых имен в соответствующем контексте возможна семантическая деривация, превращающая их в исчисляемые, ср.: (неисчисляемое) *купи хлеба* VS. (исчисляемое) *⟨...⟩ пеки ему хлебы и клади в изголовье. В день по хлебу* (В. Воскобойников. Блистательный Гильгамеш). Подробнее об этом см. Ляшевская 2004 и цитируемую там литературу; ср. также предложение Р. Джекендоффа (Jackendoff 1991) описывать такие случаи как результат действия семантического оператора «универсальной упаковки».

(56b) *Каждый нарезал по хлебу.

(56c) *Каждый достал по луку. (ср. полностью приемлемое: *Каждый достал по луковице*) и др.

— в-третьих, имена пар и наборов (о наборах см. Ляшевская 2004), а также другие существительные *Pluralia* или *Singularia tantum*, ср.: *спички* (в значении ‘коробок спичек’; в этом значении нельзя и: **много спичек*), *карандаши / краски* (в значении ‘набор цветных карандашей / красок’, ср. **несколько красок* как ‘наборов’), *башмаки* (‘пара башмаков’ — говорят не **восемь башмаков*, а *восемь пар башмаков*), *штаны, мебель* и под.:

(57) *Каждому выдали по штанам / по башмакам.

(58) В комнате было пусто, но в каждом углу стояло *по мебели / по стулу.

3.3. Дистрибутивность и устойчивые отношения

3.3.1. Устойчивые отношения и множество выбора

Если счетность можно рассматривать как требование к *качеству* множества выбора, то запрет на устойчивые отношения, о котором здесь пойдет речь, связан с самим его существованием. Действительно, коль скоро отношение между каждым параметром и его коррелятом задано заранее, то ни распределения этих коррелятов по параметрам, ни выбора их из объемлющего множества не происходит, потому что никакого множества выбора нет. Схема 4, иллюстрирующая грамматически невозможное предложение **Каждый наклонил по голове*, представляет графическое изображение такого случая; его отличия от классической дистрибутивной ситуации легко увидеть, если вспомнить Схему 1 и ее варианты 2 и 3.

Ясно, что подобного рода устойчивые отношения должны запрещать конструкцию с *по*, поэтому важно понять, за счет каких участников и каких свойств дистрибутивной ситуации они могут возникнуть. Первая наша гипотеза касается реляционных имен, которым по определению свойственно входить в устойчивые отношения, — а именно, имен родства (см. подробнее 3.3.2) и частей-

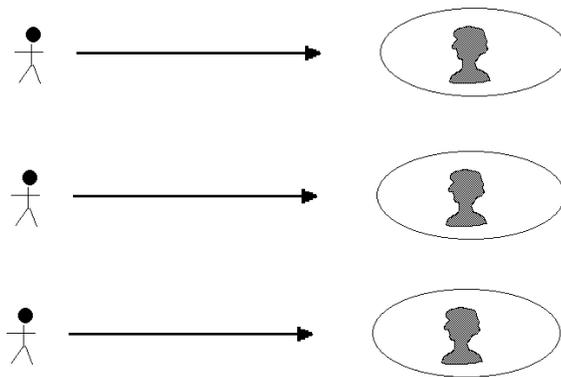

Схема 4. Ситуация с устойчивыми отношениями

целых (см. 3.3.3). Однако, как мы покажем в следующих разделах этого параграфа, устойчивые отношения могут создаваться и за счет лексической семантики глагола (3.3.4), и семантики конструкции в целом — локативной (3.3.5), бытийной (3.3.6) или хабитуальной (3.3.7).

3.3.2. Имена родства в дистрибутивной ситуации

Как известно, имена родства (*мать, отец, сын, дочь, брат, сестра* и т. п.) реляционны, а значит, предполагают очень тесную связь с каким-то другим участником ситуации. Попадая в позицию *У* дистрибутивной конструкции с *по*, они требуют установления такого отношения с единственно возможным именем, обозначающим параметр дистрибуции — *Х*, что *Х* осмысляется в их контексте как родственник *У*. За счет этого легко возникает ситуация, соответствующая Схеме 4 и запрещающая дистрибутив с *по*, ср. пример (59):

(59) **Каждый мальчик привел на выступление оркестра по матери.*

Действительно, процедура выбора здесь невозможна, поскольку каждому мальчику соответствует именно его мать и никакая другая, и такой смысл не требует дистрибуции, ср. грамматически правильное предложение, соответствующее (59):

(59a) *Каждый мальчик привел на выступление оркестра свою мать.*

Между тем, имена *мать* и *отец* с точки зрения дистрибутивной ситуации особенны: их можно назвать *моно-реляционными*, потому что каждое из них предполагает единственность отношения со своим коррелятом — потенциальным параметром дистрибуции (в обычном случае у каждого индивида одна мать и один отец). *Моно-реляционными* (конечно, в стандартном случае и в русской культуре) являются также *жена*, *теща*, *свекр* и др. под. Однако в большинстве своем имена родства, по крайней мере потенциально, *поли-реляционны*: у человека может быть много братьев или сестер, детей или племянников, теть и т. д. Тогда употребление дистрибутивов становится возможным и даже естественным — в особенности если множественное родство устанавливается внутри одной семьи. В этом случае ограничение на устойчивое отношение снимается, и действует Схема 1, ср. примеры (60—61):

(60) *Так вышло, что малыши Жамьяновых сами собой разбились на парочки: каждому брату досталось **по сестре**.* (Каждому брату — по сестрѐнке. Информ-полис. № 48 (478) 28 ноября 2001 г.)

(61) *Молочное хозяйство пошло прекрасно: года через три у Голована было уже две коровы и бык, потом три, четыре, и он нажил столько денег, что выкупил мать, потом каждый год выкупал **по сестре**, и всех их забирал и сводил в свою просторную, но прохладную лачугу.* (Николай Лесков. Несмертельный Голован)

Помимо Схемы 1 в этом случае возможна и реализация Схемы 2, где предполагается выбор и распределение групп из нескольких объектов, ср. (60a): *каждому брату досталось по две сестры*. А вот реализация Схемы 3, которая соответствует дистрибуции поли-реляционных имен родства, принадлежащих не одной семье, как в (60—61), а разным, как в (59), затруднена ввиду однородности соответствующего множества (см. 2.4. В) и требует числительного. Ср.:

(59b) ^{??} *Каждый мальчик привел **по сестре** VS.*

(59c) *Каждый мальчик привел на выступление оркестра **по две** ⟨свои⟩ **сестры**.*

И еще один случай, при котором употребление имени родства в дистрибутивной конструкции становится возможным: это его нереперентное (интенциональное) употребление, описывающее не конкретный объект, как в примерах (59) — (61), а множество свойств (ср. Quine 1956, подробнее см. в Кронгауз 2001, Лайонз 2003 и мн. др.):

- (62) *...Наступает долгожданная гармония, когда, выражаясь словами Владимира Вольфовича Жириновского, каждой женщине достается по мужчине, а каждому ребенку — по отцу.* (Очередная премьера в Театре русской драмы им. С. Вургуня // «Зеркало», 11.03.2003)
- (63) *Его семья состояла из матери-пенсионерки, четырехлетнего ребенка и беременной жены, но призывная комиссия отказала Косте в отсрочке. Военком быстро «нашел» каждому члену семьи по родственнику, который и должен о нем заботиться...* (Осенний призыв // Граждане.Ру)
- (64) *Он завязал с наркотиками, пришел «с покаянной головой» в кино, стал блестяще играть злодеев. Дважды женился — на Дэриа Хэлприн и Кэтрин Ла Насса. Каждая из них родила ему по ребенку, но в конце концов оба брака распались.* (Деннис Хоппер: Вечный изгой)

Поскольку интенциональная интерпретация уничтожает презумпцию существования, реляционное имя вместе с ней теряет и фиксированное устойчивое отношение со своим коррелятом, т. е., собственно, реляционность. Таким образом, оно претерпевает семантический сдвиг, в результате которого «приравнивается» к предикатным именам¹² и, как все прочие, начинает допускать дистрибутивы с *по*.

3.3.3. Имена частей-целых в дистрибутивной ситуации

Теперь рассмотрим поведение другого класса реляционных имен — частей и целых, и начнем с частей тела: они, с одной стороны, наиболее частотны, а с другой — хорошо представляют особенности этого класса.

¹² См. Bach et al. 1995, см. также Partee 1983/1997.

В большинстве своем части тела моно-реляционны, как *голова* в (65), *нос, рот, живот* и др., т. е. единственны для владельца и не допускают множества выбора. Поэтому их употребление в дистрибутивной конструкции с предлогом *по* также затруднительно (65а). Выбор из парных частей тела допустим, но, как мы помним из пункта В раздела 2.4, они образуют однородное множество, а в этом случае конструкция с *по* требует числительного, ср. (65b):

- (65) *А как же, — сказал он и, **просунув** голову между железными прутьями барьера, заскользил вниз.* (Фазиль Искандер. Мальчик-рыболов)
- (65а) **Они **просунули по** голове между железными прутьями барьера.*
- (65b) *Каждый из братьев **просунул по одной руке** /*по руке между железными прутьями барьера.*

Между тем, при определенных условиях моно-реляционные части тоже могут образовывать объемлющее множество выбора — например, просто изменив свой статус, т. е. став поли-реляционными, в случае, если речь идет о фантастическом животном: многоносом, многохвостом, многоголовом и т. д., как в (66), где множество выбора составляют все головы дракона, что полностью соответствует канонической дистрибутивной Схеме 1:

- (66) *Бедное животное и не думало сопротивляться. Пытаясь уклониться от острых лезвий, три его головы беспорядочно мотались из стороны в сторону, переплетались шеями и натываясь на лишнюю, ошалело хлопали глазами. Последняя же, словно выпавший из гнезда птенец, с любопытством озиравась окрест себя до тех пор, пока булава Ивана не прекратила ее ознакомление с этим миром. Удар раскрыл зеленый череп, а еще через минуту каждый из богатырей **отсек по «своей» голове.*** (Юлий Буркин, Сергей Лукьяненко. Остров Русь)

Другая возможность образовать «полноценное» множество выбора в соответствии со Схемой 1 возникает у единичных или парных частей тела (как и в целом у единичных или парных частей объекта) тогда, когда они отделены от владельца и уже не связаны с ним, образуя общее (причем не обязательно однород-

ное) множество с частями (возможно даже другими частями) других объектов, ср. (67):

- (67) Слева варвар-«монгол» отрубает голову несчастной жертве, другой «монгол» **держит** в каждой руке **по отрубленной человеческой ноге (/ голове)** с аппетитом пьет хлещущую из них кровь. (Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. Реконструкция всеобщей истории).

Наконец, точно так же, как и имена родства, части (и части тела в их числе) могут употребляться нереперентно (интенционально), так же теряя вместе с презумпцией существования закрепленное этой презумпцией устойчивое отношение части со своим целым, т. е. реляционность. Это создает условия для образования полноценного множества выбора и грамматической правильности дистрибутивных конструкций с *по*, ср. (68):

- (68) Конечно, — сказал Удалов, — легко было бы жить, если бы каждому человеку **выдать по лицу**, которое бы соответствовало его поступкам и душевному состоянию. Посмотрел на человека — и сразу на другую сторону улицы. Потому что видишь не лицо, а убийственную рожу. (Кир Булычев. Отражение рожи)

В заключение приведем несколько примеров, чтобы показать, что обычные части ведут себя в отношении дистрибутивов подчиняясь тем же правилам, что и части тела:

- (69) ?? От каждого поезда **отцепили по первому вагону**.
 (70) ?? У каждого светильника **сломалось по выключателю**.
 (71) **Прибавка** каждый год на день рождение **по вагону** к поезду может стать доброй семейной традицией. (Паровозик на День рождения // TOYS PURE)
 (72) Все что я доработал — это соединил провода на один штеккер, предохранитель на 20А и **поставил** на каждый провод **по выключателю** черного цвета от светильников. (Установка подогрева в сиденья наших авто // Клуб Любителей Honda Fit)

Видно, что если мы имеем дело с уникальными, уже присоединенными частями объектов, дистрибутивная конструкция не мо-

жет быть использована, ср. вагон, присоединенный к поезду в (69), или выключатель, присоединенный к лампе в (70). Однако, если мы имеем дело с общим множеством, из которого только будут выбираться функционирующие части, в этом случае ситуация может описываться как дистрибутивная, ср. присоединение к игрушечному поезду новых, только что подаренных вагонов (71) и подключение выключателей к проводам (72).

3.3.4. Устойчивые отношения между участниками за счет семантики глагола

Реляционные имена были интересны нам потому, что в их семантике презумптивно задано устойчивое отношение с некоторым другим объектом-коррелятом, которое нарушает обязательные требования нашей конструкции к дистрибутивной ситуации. Однако такое устойчивое отношение может возникать не только за счет презумпции имени, но и за счет презумпции глагола: глагол тоже способен порождать ситуацию, не согласующуюся с условиями употребления дистрибутивной конструкции. Наше исследование обнаружило в русском языке два класса таких глаголов.

Первый можно описать как предикаты с презумпцией обладания — так, глаголы типа *беречь* или *потерять*, в особенности с единичным объектом, в общем случае не предполагают множества, из которого выбирается объект обладания, а значит, не подходят под каноническую дистрибутивную схему, ср. (73)—(75):

(73) *Каждая из сестер **березет по старинному золотому кольцу**.

(74) В огромной витрине — фотографии девушек в масштабе три к одному, каждая натужно **березет прическу**. (Ирина Грекова. Дамский мастер)

(74а) *Каждая **березет по прическе**.

(75) ??Каждый из нас **потерял по кошельку**.

Для сравнения введем в этот пример предикат противоположной семантики, не имеющий не только презумпции обладания, но и презумпции существования объекта — *найти*, — и, как видим, пример (75) превращается в грамматически правильный (75а), представляющий Схему 1:

(75a) *Каждый из нас **нашел по кошельку** с луддорами*¹³.

Презумпция обладания свойственна глаголам с одушевленным агенсом и неодушевленным пациенсом: обладание — это отношение между лицом и предметом. Между тем, устойчивое отношение устанавливают и предикаты, оба аргумента которых одушевлены. В таком случае они описывают разновидности личного отношения субъекта к контрагенту и составляют второй интегрующий нас глагольный класс, ср., например, *любить*, *ценить*, *уважать* и др. Для того, чтобы квалифицировать такое отношение с помощью предиката из этого класса, нужно, чтобы между соответствующими участниками заранее уже существовала некоторая связь. Она содержится в презумпции соответствующих глаголов и диагностируется конструкцией с отрицанием — нельзя сказать: *Наташа Ростова не любит Андрея Болконского* или: *Иван Иванович не уважает Ивана Никифоровича*, если эти лица не связаны никакими отношениями (например, они не знакомы). Межличностная связь, которая, таким образом, устанавливается данными предикатами, не предполагает множественности, соответствующие отношения индивидуальны и единичны, как и те, что мы наблюдали у моно-реляционных имен, поэтому в подобных ситуациях тоже не образуется множество выбора и невозможна дистрибуция, ср. (76a):

(76) *Я любил и **уважал моего учителя**, несмотря на мрачность и молчаливость его.* (Павел Нилин. Знаменитый Павлюк)
 (76a) **Каждый из нас **уважал по (одному) учителю**.*

По-видимому, данные два класса не исчерпывают всех глагольных запретов на *по*-конструкцию. Разбор примера (24), представленный ниже в *Замечании*, прекрасно это иллюстрирует. Видно, что для того, чтобы получить точную и полную картину, подтверждающую наше предположение относительно роли глагола в дистрибутивной конструкции, нужны дополнительные ис-

¹³ Впрочем, «исправить» (75) можно и другим способом — добавив в конструкцию числительное и, тем самым, образовав индивидуальные множества кошельков, каждое из которых за месяц уменьшилось на три штуки (Схема 3): *каждый из нас за этот месяц потерял по три кошелька*.

следования глагольной семантики. С другой стороны, вектор этих исследований, как кажется, нами уже задан.

Замечание о примере (24)

(24) ^{??} *Каждый полицейский уличил **по** преступнику.*

С семантической точки зрения, глагол *уличить* довольно интересен. Его трудно однозначно отнести к какому-то определенному таксономическому классу. С одной стороны, он заведомо не принадлежит к глаголам с презумпцией обладания и обычно не входит в круг предикатов личного отношения. С другой стороны, ситуация, которая ему соответствует, так же, как и у глаголов этих двух классов, не порождает множества выбора. По-видимому, *уличить X в Y*, т. е. 'найти улику против X-а, доказательство его вины в Y' можно только тогда, когда деятельность X-а тщательно и целенаправленно исследуется субъектом; но в таком случае, в отличие от ситуаций обвинения, оскорбления, клеветы и проч., но так же, как и в эмоциональных отношениях (любви, уважении, ненависти и др.), предполагается заранее заданная связь субъекта с X-ом, а не произвольный выбор X из объемлющего множества.

3.3.5. Устойчивые отношения в особых контекстах: локативный параметр

До сих пор в связи с обсуждением структуры дистрибутивной ситуации и заранее заданной связи между ее участниками мы выявляли ограничения на дистрибутивную конструкцию с *по*, которые остались не замеченными нашими предшественниками. Теперь пришло время в том же ключе объяснить и те запреты, которые уже отмечались сторонниками теории неаккузативности.

Действительно, надо признать, что несмотря на то, что, как мы показали в 2.3, разделение на «агентивные» и «пациентивные» глаголы не позволяет объяснить поведение дистрибутивной конструкции с предлогом *по*, тем не менее, есть явная тенденция к более частому употреблению «пациентивных» глаголов в данной конструкции. Нашей задачей здесь будет объяснить это обстоятельство, апеллируя к семантике дистрибутивности, а не к синтаксической теории неаккузативности. Речь пойдет о локативных контекстах типа:

в / на / возле / около / у ... каждого X V по Y,

где X — параметр дистрибуции со значением локализации, ср.:
на каждом дереве сидело по птице.

Мы выделили их потому, что именно локативный параметр дистрибуции является наиболее частым при непереходных глаголах, которые представляют наибольший интерес для синтаксистов, а значит, в данном случае, и для нас.

С семантической точки зрения, противопоставление, на которое указывают сторонники неаккузативности, можно описать как противопоставление между динамическими и позиционными предикатами: именно позиционные предикаты (*стоять, сидеть, лежать, висеть*) фигурируют в соответствующих примерах как классические «пациентивные». Согласимся, что при употреблении в дистрибутивной конструкции с предлогом *по* с локативным параметром эти две группы действительно ведут себя по-разному: в одних и тех же контекстах (например, *возле каждого окна ... по мальчику*) возможны глаголы позиции — ср. (77), но невозможны динамические глаголы, ср. (78):

(77) *Возле каждого окна сидело / стояло по мальчику.*

(78) ^{??} *Возле каждого окна пело / прыгало по мальчику, при том, что возможно:*

(78a) *Возле каждого окна поет / прыгает мальчик.*

Ср. также аналогичные примеры из корпуса:

(79) *В каждой избушке у Сани висело по школьной тетрадке.*
[Михаил Тарковский. С людьми и без людей (1983) // «Октябрь», 2003]

(80) *По бокам комнаты были две массивных двери с табличками, и возле каждой сидело по секретарше.* [Виктория Токарева. Ни сыну, ни жене, ни брату (1984)]

(81) *Перед каждым большим деревом стояло по ведерной бутылке, чем-то наполненной.* [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993—2003)]

Ср. также невозможность замены в реальных примерах типа:

(82) (a) *Хату (...) окружили наши автоматчики, занявшие посты возле каждого из окон.* [Д. Н. Медведев. Сильные духом (Это было под Ровно) (1948)]

(b) **Возле каждого из окон заняло пост по автоматчику.*

Для понимания семантической подоплеки такого эффекта важно, что в контексте локативного параметра у динамических глаголов обнаруживается (прагматическая) презумпция нахождения субъекта в некотором месте, а у позиционных глаголов такой презумпции нет. Иначе говоря, до того момента, как мальчики начали *петь* около каждого из окон, см. пример (78), они уже должны были там находиться. Но по отношению к сидящим или стоящим мальчикам — см. пример (77) — это неверно: их местонахождение устанавливается асерцией глагола позиции (а значит не *до* действия, а в момент его начала), так что до того момента, как мальчики начали *сидеть* или *стоять* около окон, они, вообще говоря, могли быть в каком-то другом месте.

Презумпцию местонахождения субъекта динамическим предикатам придает локативная составляющая, которая требует, чтобы глагол имел фрагмент значения, с ней согласующийся. У позиционных глаголов такой фрагмент есть по определению, а вот динамическим приходится обзавестись прагматической презумпцией, чтобы соответствовать локативному контексту. В результате, динамические предикаты устанавливают презумптивную связь между своим субъектом и локализацией. При погружении в ситуацию дистрибуции эта заранее заданная связь препятствует построению множества выбора: в каждой подситуации, определенной, например, как в (78), будет осуществляться выбор из одного мальчика, который уже находится около данного окна. Конечно, по сравнению с реляционным отношением или презумпцией обладания, связь между окном и мальчиком недостаточно устойчива, но тем не менее даже и она существенно затрудняет употребление дистрибутива с *по*.

Заметим, что при других видах параметров дистрибуции использование динамических глаголов в конструкции с *по* возможно (что вполне согласуется с нашим описанием), ср.:

(83) *Каждый день **выходило по газете** с ругательной статьей.* [Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984—2001)]

(84) *Каждое утро мясник степенно направлялся в лавку, и вслед за ним всегда **бежало по две-три собаки**, жаждущие угощения.*

Заметим и другое: отрицание позиционного глагола, в отличие от его утвердительной формы, не может быть употреблено в дистрибутивной конструкции с предлогом *по*, ср. (85)—(88):

- (85) *В каждом углу валялось по куртке.*
 (86) **В каждом углу не валялось по куртке.*
 (87) *За каждой партией сидело по мальчику.*
 (88) **За каждой партией не сидело по мальчику.*

Такое поведение позиционных глаголов в контексте отрицания не является неожиданностью: его тоже легко объяснить, апеллируя к нашим схемам. Дело в том, что в утвердительных примерах, как (85) и (87), как уже было сказано, связь между локативным параметром дистрибуции и участником устанавливается не заранее, а асертивно. Это позволяет иметь в (85) и (87) общее объемлющее множество выбора (всех присутствовавших мальчиков) и затем распределять его элементы по локативным параметрам (Схема 1). Совсем другую картину дает отрицание позиционного глагола: сам факт отрицания того, что что-то находится в каком-то месте, предполагает, что этот предмет там находился раньше — другими словами, предполагает достаточно устойчивую заранее заданную связь между локативным параметром и участником. Таким образом, произнося (86): **В каждом углу не валялось по куртке* мы предполагаем, что до этого куртки там находились и тем самым уже были распределены по локативным параметрам. Это означает, что данной ситуации соответствует Схема 4, и употребление дистрибутивной конструкции с предлогом *по* невозможно.

3.3.6. Устойчивые отношения в особых контекстах: бытийность и хабитуальность

Локативный параметр можно квалифицировать как особый контекст, который, предъявляя свои требования к участникам ситуации, специальным образом перестраивает дистрибутивную ситуацию. Однако он не уникален: помимо локатива, такими же «полномочиями» обладают бытийная и хабитуальная интерпретации глагола.

Когда мы обсуждали реляционные имена, за счет семантики которых в дистрибутивной ситуации образовывалась тесная связь

между ее участниками (см. 3.3.1—3.3.2), мы отмечали эффект сдвига значения этих имен. Он возникал в контексте интенциональной интерпретации, который, как мы видели, сводил на нет их реляционные свойства, а с ними и запрет на конструкцию с *по*. Интересно, что аналогичный семантический сдвиг возможен и для глагола. Мы имеем в виду так называемые «бытийные употребления» глаголов, которые, как выясняется, «разрешают» совмещение динамического глагола и локативного параметра в дистрибутивной конструкции.

К бытийным принято относить такие употребления, в которых глагол заменяет собой предикаты со значением ‘быть, находиться’, как в (89)—(90): существование паруса в некотором пространстве, т. е. его «бытийный статус» автоматически (потому что паруса всегда белые) предполагает, что он белеет (т. е. виден белым), а звучание для пения фактически равносильно существованию:

(89) *Вдали **белеет** парус.*

(90) *В саду **звучит** пение птиц.*

Считается, что все предикаты, возможные в бытийных употреблениях, даже динамические, приобретают новые свойства, уподобляясь бытийным. Между тем свойства бытийных предложений — наименее агентивных и наиболее стативных в русском языке — достаточно хорошо изучены, и сами по себе (см. прежде всего Арутюнова 1976, 1997, Арутюнова, Ширяев 1983, Guiraud-Weber 1984), и в связи с проблемой генитива субъекта в отрицательном предложении, см. Babby 1980, Падучева 1992, 1997, Борщев, Парти 2002, Partee, Borschev 2006, 2007¹⁴. В работах последней группы исследователей обращается особое внимание на то, как обычный, не-бытийный глагол в соответствующем контексте сближается с бытийным, одновременно меняются его сочетаемостные характеристики, так что при отрицании он начинает допускать подлежащее в родительном падеже¹⁵.

Между тем, в работе М. С. Дудиной (2002) отмечена роль бытийной интерпретации и для дистрибутивной конструкции с *по*: там показано, что при бытийном употреблении глагола в этой

¹⁴ См. также существенные замечания в Апресян 1974: 86, 98 и др., 2006: 43—47, Булыгина 1982: 52.

¹⁵ Е. В. Падучева (1997) называет такие глаголы «генитивными».

конструкции, вопреки общему правилу, исчезает запрет на использование агентивных глаголов. Ср. следующие примеры из Дудина [2002]:

(91) *На крыше каждого дома гуляло по кошке.*

(92) *На каждом корте играло по паре теннисистов.*

В рамках СxG этот эффект имеет естественное объяснение, апеллирующее к взаимодействию дистрибутивной ситуации с семантикой вершинного предиката конструкции. Действительно, поскольку при бытийном употреблении агентивного глагола частично утрачивается его агентивная семантика и возникает бытийная, распределение участников по локативным параметрам, свойственное динамическим предикатам, снимается, и все участники образуют единое множество, из которого возможен выбор в соответствии со Схемой 1, ср.:

(93) *Конкурс проходил по четырем номинациям (в каждой недели по шесть человек): «Патриотическая песня», «Вокалисты от 14 до 17 лет», «Вокалисты от 18 до 30 лет» и «Авторы-песенники». (Лиля Вовк. Кому позволено дружить с XXI веком? Комсомольская правда Коми № 17 от 28 апреля 2000 г.)*

(94) *Соревнования проводились по матчевой системе: прыгали по два человека, например, участник, возглавляющий список и последний — 16 номер. Кто из них покажет более высокий результат, тот продолжит борьбу среди восьми победителей первого тура во втором туре. (Гранпри — точность приземления // Парашют. Международный авиопарашютный журнал. № 12, 2002 г.)*

Такого рода сдвигу, с потерей агентивности, может способствовать и хабитуальная интерпретация динамического глагола, которая, согласно Плунгян 2000: 295, превращает соответствующую ему ситуацию в «регулярно повторяющееся, “привычное” действие, становящееся характеристикой свойств субъекта». Тем самым, хабитуальное употребление тоже уменьшает динамическую составляющую в семантике глагола, а с ней уходит и прагматическая презумпция исходной локализации участника в определенной точке пространства, т. е. заранее заданной его связи с

этой точкой. Другими словами, исчезает распределение участников подситуаций по локативным параметрам (Схема 4), и возникает объемлющее множество, которому соответствует Схема 1, и возможность употребления дистрибутивной конструкции с предлогом *по*, как в (95):

(95) *В каждый кружок **ходило по** десять школьников,*

ср. также (96):

(96) *Удивительных людей легко можно распознать и в других ситуациях. Это они всегда **идут** неспешно, **по два-три человека**, активно общаясь, загородив собой дорогу тем, кто ходит в метро не на прогулки. (Праздник тормозов. Будни удивительных людей. // BraMC.ru).*

§ 4. Заключение

Общий вывод, который можно сделать из всего сказанного, состоит в том, что предположение о зависимости рассмотренной нами конструкции от синтаксического признака неаккузативности / неэргативности глагола (см. § 2) не обосновано и, как свидетельствуют наши примеры, дистрибутивная конструкция с предлогом *по* не может быть использована в качестве диагностики неаккузативности. В то же время, как следует из § 3, ограничения на дистрибутив с *по* мотивированы, но не синтаксически, а семантически — значением конструкции и взаимодействием ее компонентов и контекстных элементов.

Мы сформулировали главные условия, необходимые для успешности русского дистрибутива — это объемлющее множество выбора (Y), которое счетно и элементы которого не входят в заранее заданные отношения с параметрами дистрибуции (X). Мы показали, что эти условия объясняют действие всех остальных ограничений и запретов на дистрибутивную конструкцию с *по* — например, невозможность употребления в ней *pluralia tantum* (**Каждая портниха купила по ножницам*), моно-реляционных имен (**Каждый мальчик привел по матери*) или глаголов, предполагающих тесную связь между параметрами и объектами дистрибуции (**Каждая сестра бережет по кольцу*). Преимущество

нашего объяснения состоит в том, что оно совершенно прозрачно: поверхностные запреты связываются не со значением априорных признаков, а со свойствами самой дистрибутивной ситуации, которые меняются при изменении ее участников; иногда, как мы видели, эти изменения настолько радикальны, что они разрушают и дистрибуцию как таковую. Исходя из этого потребовалось проанализировать поведение каждой переменной в составе конструкции в ее взаимодействии с другими, в том числе вводящими более широкий контекст.

В теоретическом плане такой подход полностью соответствует СхG, еще раз подтверждая дееспособность этой теории. Выяснилось, что дистрибутивная конструкция представляет собой семантически единую, цельную языковую единицу: одно и то же ограничение на заранее заданное отношение может возникать не только за счет ее разных слотов — именного и глагольного — но и за счет контекста (локативного, бытийного, хабитуального) — и давать один и тот же эффект запрета ее поверхностной реализации.

Таким образом, данное исследование можно считать своего рода экспериментом по применению техники СхG к материалу, который было принято считать чисто синтаксическим. В результате семантический анализ оказался точнее и полнее синтаксического. Это внушает определенные надежды — в частности на то, что более глубокое исследование эффектов генитива с отрицанием, уже начатое в целом ряде работ (см. 2.2), окончательно выведет его из разряда чисто синтаксических явлений и тем самым лишит сторонников Теории неаккузативности основных аргументов — хотя бы для русского языка.

Глава 3

А БЫЛ ЛИ КОНЦЕПТ? КОНТЕЙНЕР И СОДЕРЖИМОЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ¹

§ 1. Постановка задачи

В работах по когнитивной семантике 1980—1990-х годов на первый план вышли описания предложных конструкций — достаточно упомянуть такие классические работы, как Herskovits 1986, Brugman 1988, Brugman, Lakoff 1988, Cienki 1989, Hawkins 1988, а также Lindner 1983, Talmy 1978, Taylor 1988, Vandeloise 1988, 1991 (подробнее см. в обзорах Рахилина 1998, Филипенко 2000 и в обзорно-аналитической статье Селиверстова 2000).

Значительно менее известны работы Л. В. Кнориной, которая тоже занималась классификациями имен, в том числе топологическими. Именные классификации интересовали Л. В. Кнорину в связи с более общей идеей описания существующих в языке «семантических типов» имен. Материалом ей послужила прежде всего генитивная конструкция в русском языке и близкая конструкция *смичут* в иврите (Кнорина 1985, 1990, Борщев, Кнорина 1990). Идеи Л. В. Кнориной получили развитие в работах В. Б. Борщева и Б. Парти (см. прежде всего Борщев, Парти 1998, 1999, 2010, Borschev, Partee 2004). Причем если когнитивисты сосредотачивали свое внимание на описании границ топологического типа, то в работах В. Б. Борщева и Б. Парти, которые выполнены в рамках формальной семантики, акцент делается на смену, или сдвиг, типа (*type-shifting*) и условия, при которых такой сдвиг возможен для представителей того или иного класса имен (подробнее об их подходе см. в Главе 4 этой части книги, ср. также ниже § 6).

¹ Первоначальный вариант этой Главы был опубликован как Рахилина 2004.

Одной из первых была опубликована работа А. Херсковиц (Herskovits 1986), в ней вводилось и широко обсуждалось понятие *контейнера*, необходимое для описания предлога *in* 'в' (а также *out* 'из, изнутри', *inside* 'внутри', *from* 'из' и многих других). Именно из этой работы мне, как, наверное, многим, стало ясно, что определения этому понятию — в строгом смысле этого слова — нельзя дать в принципе, и что таков, видимо, (опять — в принципе) статус и остальных топологических языковых концептов — 'поверхность', 'пространство' и др.

В самом деле, если под контейнером подразумевать предмет, имеющий углубление, в которое может поместиться некоторый другой предмет, то, действительно, контейнером может быть стакан (*стакан с водой*), ваза (*ваза с фруктами*) — даже несмотря на то, что она может оказаться гораздо «мельче» стакана, и ее углубление не будет вмещать объекты целиком, а также электрический патрон (*лампочка в патроне, патрон с новой лампочкой*) — хотя патрон никогда не может охватить и, так сказать, «поместить в себя» всю лампочку. Контейнером, однако, не может быть (баночная) крышка — при том, что в ней тоже есть углубление, в которое все-таки помещается некоторая часть банки (ср.: **крышка с банкой / *банка в крышке*). Обсуждение (часто очень увлекательное) этих и подобных им функциональных и прагматических ограничений на ситуацию 'быть контейнером' составляет содержание подавляющего большинства работ когнитивного направления о предлогах со значением 'в' или 'внутри / внутрь / изнутри'. В результате такого обсуждения остается универсальный *прототип* — для контейнера это 'стакан', 'чашка' или 'ящик', которому противопоставляется периферия: крышки, патроны и др. под. Проблема определения свойств контейнера остается при этом в стороне.

К этой проблеме могут быть разные подходы. Во-первых, чисто теоретический: можно обсуждать общие свойства концепта 'контейнер' с точки зрения когнитивной парадигмы и его значимость для философской системы понятий языка в целом — такой подход представлен в специально посвященной этому концепту статье Кубрякова 1999. Действительно, 'контейнер' представляет собой одну из базовых «образных схем» (*image schema*, см. преж-

де всего Кубрякова (ред.) 1996)². Главный вопрос, который решается в Кубрякова 1999, — почему именно контейнер является функционально значимой схемой для (по-видимому любого) человеческого языка, как это связано с антропоцентричностью языка и как пространственный образ контейнера, говоря словами Р. Джекендоффа (Jackendoff 1997), «помогает нам думать».

Обратим внимание, что при всех различиях когнитивных и формальных теорий семантики и те, и другие, по-видимому, предполагают универсальность понятия «контейнер»: первые — как когнитивного концепта, вторые — как сорта в рамках онтологии, см. Борщев, Парти 1998, 2010³, «работающего» в аксиоматике наряду с кванторами, операторами, семантическими типами и прочими универсальными элементами метаязыка. Если допустить, что сорта не универсальны, т. е. их классификация будет отличаться в зависимости от языка или, тем более, конкретной конструкции, придется постулировать существование «сортов (типов, классов) сортов», а это слишком громоздко для онтологии.

С другой стороны, можно ставить вопрос более узко и рассматривать данное понятие в рамках системы языковой картины мира *одного конкретного языка* — например, русского. Речь идет о том, что в русском языке имеются специальные средства — а именно, *языковые конструкции*, — которые отражают представление данного языка (скорее всего, отличное от представлений всех или многих других языков) о некоторых определенных пространственных характеристиках объектов. Тогда задача может быть сведена к тому, чтобы определить список таких конструкций и их семантику, а под семантикой конструкций в этом случае понимается набор пространственных характеристик, которые они отражают.

² Этот термин нам хотелось бы переводить иначе — как «топологическая схема» (несмотря на то, что такой перевод формально значительно дальше от английского оригинала), потому что он, по определению, имеет в виду именно **зрительный** образ, т. е. «пространственную картинку», отражающую в первую очередь топологию объекта (см. подробнее Рахилина 2000а/2008: 380).

³ Ср. там же, раздел 1, Введение: «Сорта для нас — это элементы наивной онтологии языка ⟨...⟩ В лингвистической и философской литературе, а также в толковых словарях можно найти много примеров сортов: ВЕЩЕСТВО, ВМЕСТИЛИЩЕ, ДЕЙСТВИЕ, ЖИВОТНОЕ, ИЗДЕЛИЕ, ИНСТРУМЕНТ, ЛИЦО, МЕРА, ПИЩА, ПРОЦЕСС, СВОЙСТВО, ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ и т. п.»

С некоторой долей условности можно считать это «практическим» подходом к проблеме контейнера: мы ожидаем получить конкретные семантические характеристики, которые задают контейнер в данном языке. Сейчас нас интересует решение именно такой задачи.

Будем для начала считать слово «контейнер» интуитивно ясным метатермином для имен предметов, содержащих углубление или полость. Русский язык предлагает несколько конструкций, которые описывают такие предметы, среди них в первую очередь:

- атрибутивные сочетания с прилагательным *глубокий* (*глубокое ведро*),
- локативные конструкции с предлогом *в* — направительная и локативная (*в ведро / в ведре*),
- комитативная конструкция с предлогом *с* (*ведро с водой*),
- генитивная конструкция меры (*ведро воды*).

Ниже мы рассмотрим некоторые особенности концептуализации пространства, которые предлагают эти конструкции.

§ 2. Атрибутивная конструкция с *глубокий*

Подробное описание семантики русского прилагательного *глубокий* и ограничений на его употребление было дано в нашей работе Рахилина 1995 (см. также 1999 и 2000а/2008, Гл. II, §2). В данном случае нам будет интересно лишь то, насколько атрибутивная конструкция с этим прилагательным может использоваться для определения контейнера.

Связь прилагательного *глубокий* с предметами типа ‘контейнер’ очевидна: если иметь в виду предметную лексику, то в атрибутивной конструкции *глубокий* сочетается почти исключительно с именами емкостей (*глубокая река, коробка, посудина* и под.), причем требует, чтобы эти емкости имели постоянную форму, ср. запреты типа: **глубокий мешок / сумка*).

Однако кроме названий емкостей постоянной формы, *глубокий* допускает и имена двух других предметных классов: веществ и объектов, находящихся на глубине. Класс веществ, «приемлемых» для *глубокий*, очень ограничен, так как сочетания типа *глубокий X* с веществами описывают только высоту их **слоя** на по-

верхности земли. Поэтому нельзя сказать ни **глубокий дождь* (дождь не образует слоя), ни **глубокий пот* (пот тоже не слой) или **глубокая каша / кисель* (они если и образуют слой, то в посуде) и под. — зато вполне естественны сочетания типа: *глубокая вода, глубокий снег, глубокий песок, глубокий ил*, ср. также: *машина застряла в глубокой грязи*.

В третий тип контекстов с *глубокий* попадают сочетания типа *глубокие пласты угля* или *глубокие корни*, которые интерпретируются, так сказать, «дистанционно»: обозначаемый именем объект воспринимается как находящийся на большой глубине под землей или водой. Так, *пласты угля*, если они *глубокие*, залегают на большой глубине; те корни растений, которые называют *глубокими*, тоже воспринимаются как находящиеся глубоко под землей. Ср. сочетание *глубокое место* = ‘такое, которое далеко под водой / землей’; так же могут интерпретироваться предложения типа: *Как-то крот вырыл себе глубокие ходы / норы по всему саду*, подробнее см. Рахилина 2000а/2008: 125, а также Часть IV, Глава 3). Важно, что, как и в случае с контейнерами, дистантное *глубокий* описывает только постоянную характеристику объекта — поэтому дистантно расположенный объект не может быть подвижным, ср. **глубокий якорь* в значении ‘брошенный на большую глубину’, так что вместо невозможного **глубокие рыбы / *глубокие подводные лодки* в значении ‘плавающие на большой глубине’ следует сказать *глубоководные рыбы* или *лодки / рыбы, плавающие на большой глубине*.

Возникает вопрос, каким образом семантика *глубокий* объединяет такие разные типы объектов и почему тип контейнеров «дополняется» именно этими двумя классами. Ответ в том, что для семантики атрибутивной конструкции с *глубокий* из разных свойств контейнера главным оказывается то, что обычно контейнер можно измерить погружением в него — а именно эту процедуру, по видимому, и следует считать семантической доминантой для этого прилагательного: так, мы выясняем глубину колодца, доставая из него воду, определяем глубину ямы — выкапывая землю, и т. д.

Поэтому, с одной стороны, *глубокий* избирательно относится и к классу контейнеров, «принимая» лишь тех его представителей, которые можно так измерить, и запрещая другие. Действительно, мягкие емкости типа мешков и пакетов, которые не сохраняют

формы, хотя и могут считаться представителями класса контейнеров, с *глубокий* не сочетаются: у них нет постоянной глубины, она слишком зависит от конфигурации объекта в данной конкретной ситуации, причем есть случаи, когда конфигурация мягкой емкости может вовсе не допускать измерения (ср. сложенный мешок / сумка). Атрибутивной конструкцией игнорируются и нефункциональные полости: *шляпа* не называется *глубокой*, потому что ее «глубина» не релевантна для пользователя и не измеряется им в процессе стандартного использования. Следовательно, несмотря на «подходящие» особенности формы, *шляпа* не является с точки зрения атрибутивной конструкции с *глубокий* «правильным» контейнером. Однако перевернутая шляпа, которая служит уже не головным убором, а, например, емкостью для сбора милостыни, — она меняет вместе с функцией и топологию (т. е. приобретает возможность восприниматься как контейнер измеряемой в процессе функционирования глубины), и сочетаемость: в таком случае *глубокая шляпа* окажется приемлемым сочетанием.

С другой стороны, измерять можно не только глубину «жесткого» контейнера, но и, например, глубину «мягкого» слоя, что и делает русское *глубокий*. Обратим внимание, что оно характеризует только те слои вещества, которые человек «измеряет» в очень естественной жизненной ситуации, и при этом стандартным для самого прилагательного *глубокий* способом — погружая и вынимая ноги при ходьбе. Отсюда естественность сочетаний типа *глубокий снег, песок*; отсюда же — неприемлемость сочетаний типа **глубокие камни*: даже в мелкие камушки, которые могут образовывать слой (так что соответствующие ситуации должны были бы допускать *глубокий*), нога не проваливается на расстояние, достаточное, чтобы «измерить» толщину слоя до дна; по той же причине сомнительно и сочетание [?]*глубокая пыль* (ср. здесь Шеманаева 2007).

Важно, что эта логика прослеживается в поведении *глубокий* и в третьем классе употреблений с предметными именами, т. е. тогда, когда оно «втягивает» в свою конструкцию объекты, постоянно находящиеся на глубине, как бы измеряя расстояние до них — но только в том случае, если оно неизменно, потому что тогда объект неподвижен: до подвижного объекта расстояние каждый раз будет разное, и в этом смысле противопоставление в контексте *глубокий* между подвижными и неподвижными объек-

тами на глубине похоже на противопоставление контейнеров жесткой и мягкой формы.

Любопытно, что похожим образом ведут себя и метафорические употребления. Если искать «инвариантный» коррелят для метафор *глубокий*, в духе предложенной в свое время Дж. Лаковым (см. Lakoff, Johnson 1980/2004) корреляции «больше» ↔ «выше», то здесь наиболее естественной кажется идея полноты и исчерпанности: чем глубже объект, тем он больше, полнее и, следовательно, лучше. С другой стороны, чем глубже человек в него проникает, тем полнее, т. е. в большей мере (и, значит, опять-таки лучше) он его охватывает, исчерпывает, использует, ср. *глубоко уважать*, *глубоко понимать*, *глубокие раздумья* и под. (см. об этом также в Главе 2 Части IV).

Таким образом, можно считать, что хотя атрибутивная конструкция с *глубокий* и ориентирована на контейнер как на прототипический объект, она не может служить эффективным инструментом для выделения именно класса контейнеров. Действительно, из всех свойств контейнера эта конструкция «выбирает» только одно — измеримость расстояния до дна, а такая семантическая доминанта требует и некоторого сужения искомого класса (за счет «мягких» емкостей), и, одновременно, некоторого его расширения (за счет «слоев» и «глубинных предметов»).

§ 3. Конструкции с предлогом *в*

Предлог *в* обслуживает две конструкции — направительную с винительным падежом (*войти в дом*) и локативную — с предложным (*оказаться в доме*). МАС различает эти конструкции, устанавливая два разных значения *в*, а словарь Ожегова-Шведовой — объединяет. В принципе, и то, и другое решение имеет свои резоны.

Действительно, направительную и локативную конструкции можно объединять в словаре, считая, что семантическая разница между ними возникает исключительно за счет падежных значений. Так, если сравнить типы имен, фигурирующих в направительных и локативных контекстах (например, по материалам опи-

сания Всеволодова, Владимирский 1982), они окажутся практически одними и теми же.

Прототипическим объектом, по-видимому, в обоих случаях опять будет контейнер — внутри которого направлено некоторое движение или внутри которого находится некоторый предмет, ср.: *в кастрюлю налили суп — в кастрюле варили суп; положил в ящик — лежало в ящике; провалился в щель — прятался в щели; упал в овраг — рос в овраге; плюхнулся в ванну — плавал в ванне; грузили в вагоны — ехали в вагоне* и мн. др. Но главным свойством контейнера, которое выделяют обе эти конструкции, будет уже не глубина, а внутренний объем, прототипически — полость внутри объекта. Полость — это особенная, так сказать, маркированная внутренность предмета, и естественно, что полые предметы оказываются в центре множества объектов, допустимых в контексте предлога *в*. Отсюда сдвиг в значении «неподходящих» объектов типа «мягкие поверхности», которые, не будучи контейнерами, «добавляются», «втягиваются» в этот класс в контексте обоих употреблений *в* — направительного и локативного: *завернул в газету — принес в газете; укутал в одеяло — младенец лежал в одеяле; шел прямо в сети — запутался в сетях; сунул в руку — держал в руке* (= ‘в сжатой ладони’); ср. также примеры из Всеволодова, Владимирский 1982: 58—59. Мягкие поверхности складываются, чтобы трансформироваться в контейнеры; это возможно далеко не для всех из них — мены топологического типа не происходит, если она плохо согласуется с функцией данного объекта. Например, поверхности, содержащие изображения, — фотографии, схемы, чертежи и под. — в такого рода контекстах малоестественны.

Как правило, при семантическом анализе этих конструкций «перевешивает» интерпретация, связанная с метафорой содержания, ср.: *вставить условное обозначение в карту / деталь в картину — обнаружил дефект в карте / в картине*, где речь идет о содержательной стороне изображения, а не о бумажной поверхности; то же верно для текстов: *вставил в книгу / в газету — нашел в книге / в газете* и проч.⁴ Однако возможен и сдвиг тополо-

⁴ Возможны и другие переносные интерпретации (ср., например ‘печатное издание’ → ‘организация, выпускающая это издание’: *писать в*

гического типа так называемых «листовых» предметов (*книга, журнал, удостоверение, газета, блокнот* и под.) — пространство между листами осмысляется как полость, и все объекты этого типа оказываются с точки зрения *в*-конструкций контейнерами, ср.: *положить в книгу / журнал / газету — хранить в книге / журнале / газете*.

Полость отличается от контейнера тем, что для нее не важен «вход» и «выход»: у полости может вовсе не быть отверстий (например: *цыпленок попал в яйцо — цыпленок оказался в яйце*), или границ (*в пустоту — в пустоте*). С функциональной точки зрения контейнеры — объект более естественный, чем полость: они приспособлены для помещения объекта внутрь и его хранения. Поскольку, по образцу природных объектов такой конфигурации, человек специально создает артефакты с целью использовать это полезное свойство, контейнеров (и соответствующих им имен) больше, чем замкнутых и незамкнутых полостей. Только в этом смысле контейнеры можно считать самыми естественными представителями «полостных» объектов, а они, в свою очередь, как мы говорили, доминируют среди тех, у которых есть просто внутренний объем и которые — как следует в том числе и из словарных толкований — составляют семантику *в*.

Итак, *в* маркирует вообще внутренний объем объекта, ср. *червяк в яблоке* (= ‘внутри яблока’ или: *пуля попала в правую руку* = ‘внутри правой руки’); выделенными представителями этого множества объектов являются такие, у которых внутри — полость, а уже среди них главное место занимают контейнеры, — все это значит, однако, что контекст пространственной конструкции с предлогом *в*, так же как и контекст атрибутивной конструкции с прилагательным *глубокий*, не является, строго говоря, диагностическим для контейнеров как таковых.

З а м е ч а н и е

Такое представление о семантике *в* вполне согласуется с толкованиями, предложенными в МАС, ср., например, МАС о направлении *в*:

газету — работать в газете); легко проследить, что во всех этих случаях сохраняется, хотя и переосмыляется, топология контейнера.

«употребляется при обозначении предмета, места, пространства, внутрь или в пределы которого направлено действие».

Представляется даже, что эта или близкая ей формулировка могла бы служить достаточно точным описанием направительных употреблений предлога *в* в целом. Уточнения требуют лишь случаи топологического сдвига, подобные тем, которые мы только что упоминали (мягкие поверхности \Rightarrow контейнеры), но ведь в этих случаях речь идет об изменениях в семантической структуре имени, а не предлога.

Однако авторы словаря применяют другую стратегию: они переносят центр тяжести описания сочетаний на семантику предлога и, стремясь охватить комбинаторику направительного *в* со всеми типами имен, вводят для него особые значения, например: «употребляется при обозначении предмета, в который кто-л., что-л. облакается, заключается» (*завернуть в бумагу*).

Любопытно, что одно из таких значений находится в явном противоречии с общей семантикой *в*; речь идет о значении, которое приводится в МАС под номером 4:

«употребляется при обозначении предмета, места и т. п., на поверхность которого направлено действие (при глаголах и существительных, обозначающих соприкосновение, столкновение и т. п.) *толкнуть в грудь, стук в дверь*».

Следуя этому описанию, можно было бы заключить, что *в* описывает не только взаимодействие с внутренностью объекта, но и с его поверхностью — но тогда непонятно распределение этих смыслов в семантике *в*, и потом, что же в таком случае описывает предлог *на*?

Ответы на эти вопросы легко получить, если обратить внимание на топологический тип имен, попадающих в контексты направительного *в* такого рода. Оказывается, в этих контекстах приемлемы только поверхности, которые «закрывают» собой некоторую емкость или полость. Так, можно: *стучать в окно / в дверь / в стенку* — но не **стучать в компьютер / *в клавиши рояля* (только *по компьютеру / по клавишам рояля*; ср. здесь вполне естественное: *бить в барабан* и неуместное: *?бить по барабану*), а также *толкнуть в грудь / в бок* — **толкнуть в ногу / в ключицу* и под., см. подробнее Дубровина 2007. Следовательно, речь идет о метонимическом переносе ‘контейнер’ — ‘поверхность, закрывающая контейнер’, а не об отдельном подзначении направительного *в*.

Обратим внимание, что и здесь — в нетривиальной ситуации — при выборе интерпретации на первый план выходит топология контейнера как особо значимого типа объектов.

Интересно, что с локативными употреблениями *в* такой проблемы нет: там не возникает никакой специальной интерпретации контекстов с

«закрывающими поверхностями». Между прочим, это обстоятельство является косвенным свидетельством в пользу разделения направительного и локативного *в* — т. е. в пользу того решения, которое выбрал в свое время МАС.

§ 4. Конструкция с предлогом *с* (комитатив)

Данная конструкция, обозначающая — в сущности пространственную — ситуацию соположения объектов типа: *дед с бабой, Зайченко с Лебедевым, биточки с картошкой, диван с тумбочкой, чай с теплыми булочками и джемом* и под., тем не менее, обычно не попадает в класс пространственных конструкций (например, в книгу Всеволодова, Владимирский 1982 она не включена). Это связано с дополнительной семантической нагрузкой, которую несет такая конструкция. В частности, комитатив, как известно, передает идею устойчивой неравноправности объектов, соположенных в одном пространстве: первый всегда важнее второго⁵. Поэтому комитативная конструкция хорошо приспособлена для описания привычного взаиморасположения функционально связанных предметов, прежде всего частей и целых, которые закреплены друг относительно друга, ср. следующие сочетания: *зеленые птицы с красными головами; пирожные с самым пышным слоем крема; дворовая фея с запачканным личиком; грузчик с бородой; пистолет с костяной ручкой; подъезд с мятой кровлей; просторные комнаты с высокими потолками; терраса с каменными ступенями; усатая девушка с красивыми черными глазами и маленьким ртом; комната с казенной мебелью; мебель с инвентарными номерками на столах и стульях* и др. (подробнее о поведении частей-целых в комитативной конструкции см. Рахилина 2000а/2008: 49—51).

Яркий пример привычного и устойчивого взаиморасположения в пространстве представляют и контейнер с содержимым — поэтому такие типы объектов тоже характерны для комитативной конструкции, ср.: *стакан с позвякивающей ложечкой; мешочек с хлебом или картошкой; сумочка со справками, заме-*

⁵ Подробнее о комитативных конструкциях (в типологическом ракурсе) см. Архипов 2009.

нявшими мне документы; клетка с пантерой; блюдечко с горчицей; комната с казенной мебелью; аквариум с разноцветными рыбками; амбар с белыми мышами; тюки с бельем; желтая яма с песком и под.

Обратим внимание, что если расположение частей и целых друг относительно друга — индивидуально и непредсказуемо (ср. приведенные выше примеры), то естественное взаиморасположение контейнера и содержимого, наоборот, заранее известно, поэтому именно эта ситуация — контейнер-содержимое — оказывается прототипом для интерпретации других, более сложных. Прежде всего это касается пар лицо — неодушевленный предмет. Ясно, что в такой паре лицо — главный участник, а неодушевленный предмет — второстепенный, и в комитативной конструкции первым членом будет имя лица, а имя предмета — присоединенным с помощью предлога, ср.: *мальчик с удочкой; молодые женщины с коричневыми сумочками; шизофреник с гитарой; загадочные люди с транзисторами; Разудалов с цветами и шампанским; паренек с тремя подносами; зеваки с пакетиками орехов; я с обрывком электрического провода сбежал по лестнице нашего двухэтажного дома; Верочка с микрофоном* и др. Оказывается, что самым естественным способом интерпретации этих конструкций будет такой, который предполагает, что человек держит предмет в руке, помещая его в ладонь (или в ладони). Между тем, *рука* в значении ‘ладонь’ и сама *ладонь* с точки зрения русского языка являются по своему топологическому типу контейнерами. *Рука* как контейнер не имеет жесткой формы, кроме того, его глубина практически не варьируется — поэтому атрибутивная конструкция с *глубокий* к имени *рука* не применима (**глубокая рука* / **глубокая ладонь*), зато другая рассмотренная нами конструкция — с локативным и направительным предлогом *в* — с этим именем очень естественна. *В руке* / *в руку* значит ‘в сложенной ладони / в сложенную ладонь’, ср.:

- (1) *У каждого в руке* — два сорок. (С. Довлатов)
- (2) *Только один уже слегка притомился, а другому недавно дали шашку в руку.* (Ю. Трифонов)
- (3) *Кожаные штаны были на нем, а в руке он держал пистолет.* (Ю. Трифонов)

Косвенным подтверждением антропоцентричности данной интерпретации комитативной конструкции служит некоторая странность для русского уха примеров типа: *??шел ослик с двумя корзинами* — как если бы он нес их в руках. Таким образом, естественное соположение человека и его ноши (= в руке или в руках) не оговаривается в комитативной конструкции специально, тогда как естественное соположение поклажи и ослика обязательно требует уточнения, ср. следующий пример из И. Грековой:

- (4) *Были там ограды, перевитые плющом и розами, беседки, павильоны, лестницы, мягкими уступами спускающиеся к реке, белые лилии на воде, **ослик с двумя корзинами по бокам**, смеющиеся, белозубые, ярко одетые люди.*

Точно так же требует уточнения и нестандартное положение ноши у человека, ср.:

- (5) *Послевоенное поколение хорошо помнит по школьным учебникам эту в полный рост фигуру советского **солдата с автоматом на груди**.*

Обратим внимание, что по умолчанию «простое» сочетание *солдат с автоматом* однозначно понималось бы как ‘с автоматом в руке / в руках’.

З а м е ч а н и е

Если говорить о форме множественного числа, то лексема *руки* может подразумевать не только два контейнера (= две ладони):

- (6) *Длинен путь назад по темному коридору с двумя чайниками **в руках*** (Т. Толстая)

или один, но тоже сложенный из ладоней:

- (7) *Дедушка наклоняется и берет лезвие **в руки*** (Ф. Искандер),

но и контейнер совершенно другой формы — когда обе руки, а не только ладони, одновременно обнимают ношу и образуют единый, большой контейнер, ср.:

- (8) *Тут он почувствовал, что ноги у него подкашиваются, слабеют, тело ее тяжелеет у него **в руках*** (Ю. Домбровский).

Такая ситуация тоже может воспроизводиться комитативной конструкцией, ср. *цыганка с младенцем*.

Любопытно, что одежда человека, выступая в комитативной конструкции, тоже оказывается стандартной ношей (в руке / в руках), хотя, казалось бы, ее функциональное положение имело бы все шансы выразиться комитативом. Действительно, комитативный смысл, который можно условно обозначить как: ‘человек, сопровождаемый шляпой (пиджаком, носками, очками...)', теоретически, мог бы соответствовать ситуации ‘человек, надевший шляпу (пиджак, носки...) на себя’ — тем более что у каждого из этих предметов — почти как у частей целого — есть своя определенная пространственная позиция относительно главного участника ситуации (человека, который их надевает). Тем не менее, мы говорим *мужчина в пиджаке / в носках / в шляпе / в очках* и под., в отличие от *мужчина с бородой / с усами / с большим животом*, ср. интерпретацию соответствующих комитативных конструкций *мужчина с шляпой / с очками* и др. При этом для одежды интерпретация обеих конструкций — и пространственной с предлогом *в*, и комитативной с предлогом *с* — строится по модели ‘контейнер-содержимое контейнера’, только в случае с *в* контейнером оказывается одежда, а в случае с комитативом — человек, точнее, его рука.

Другой, менее распространенный случай расширения комитативной конструкции по модели контейнер-содержимое представляют примеры типа: *разочарованные дамы с сигаретами* или: *Левка Шулепников <...> с папирсой в зубах* (Ю. Трифонов). Замечательно, что для этих примеров, в отличие от сочетаний с предметами одежды, возможна и функциональная интерпретация, когда сигарету в этот момент курят, а не просто держат пачку в руке. Мы склонны предположить, что причина такой, на первый взгляд, неожиданной семантической асимметрии в том, что ситуация ‘контейнер-содержимое’ реализуется здесь, так сказать, напрямую: сигарета торчит изо рта, а интерпретация ‘в руке’ остается как возможный, но более слабый — нефункциональный — вариант той же модели ‘контейнер-содержимое’.

Мы подробно остановились на анализе этих примеров, чтобы проиллюстрировать особый семантический вес, или когнитивную значимость (когнитивисты в таких случаях говорят о «салиентности») топологической ситуации ‘контейнер-содержимое’. Ясно, что для комитативной конструкции эта топологическая ситуация не является центральной — тем не менее, она не только входит в

зону действия конструкции, но и, как мы видели, служит базой для существенного расширения этой зоны, и это при том, что пока речь шла только о классе употреблений ‘лицо–неодушевленный предмет’ и его производных.

Между тем, топологическая ситуация ‘контейнер-содержимое’ оказывается «донором» для расширения зоны действия комитатива и в классе употреблений типа ‘неодушевленный предмет–неодушевленный предмет’. В частности, наряду с примерами типа *сумочка со справками* или *пузырек с лекарством*, явным образом демонстрирующими отношение ‘контейнер-содержимое’, встречаются и такие как:

- (9) ... лежал *измятый клочок папиросной бумаги с расплывшимся, плохо отпечатанным **текстом*** (С. Довлатов)
- (10) *Предварительно брат и его жена вырвали **листы с автографами*** (С. Довлатов)
- (11) *Пластинки с **речами генералиссимуса** хранились в красных альбомах* (С. Довлатов)
- (12) *В руках у одного — **бумажная лента с отпечатанными столбиками цифр***. (И. Грекова),

которые демонстрируют это отношение опосредованно: надпись концептуализуется как содержимое бумаги / пластинки — и, таким образом, вся ситуация «подходит» под комитативную.

§ 5. Несколько слов о множественной классификации

В связи с примерами метафорических и других переносов обратим внимание на следующее обстоятельство, имеющее непосредственное отношение к концепту контейнера как таковому. До сих пор мы в основном говорили об именах контейнеров, подразумевающих, в сущности, один и тот же физический тип объекта — его можно назвать словом «емкость» или «вместилище». Мы наблюдали, что разные конструкции включали эти имена в зону своего действия по разным причинам, но в целом — благодаря общности исходного прототипа для контейнера как физического объекта — большой дифференциации внутри этого класса не происходило, все контейнеры вели себя более или менее одинаково и в конструкции с *глубокий*, и с предложными конструк-

циями с *в* и *с* (исключение, как мы помним, пока составляли только мягкие емкости).

Однако в переносных употреблениях концепт размывается, имя не обозначает собственно контейнер, оно только концептуализуется говорящими как контейнер, т. е. по определенным параметрам *приравнивается* к типичным представителям этого класса. Именно это происходит в примере (12), представляющем метафору контейнера: никто не будет считать бумажную ленту «настоящим» контейнером, а цифры — ее «настоящим» содержанием.

Встречаются и другие примеры, которые подпадают под действие комитативной конструкции исключительно благодаря концептуализации отношения между двумя объектами по типу ‘контейнер-содержимое’, например:

(13) *На большой тарелке затейливо разложены бутерброды — боже ты мой, какие бутерброды — с ветчиной, с балыком, с икрой...* (И. Грекова)

Из сопоставления с другим предложением:

(13а) *На большой тарелке затейливо разложен хлеб с ветчиной, с балыком, с икрой...*,

которое предполагает простое соположение отдельных объектов, ясно, что *бутерброд* понимается здесь как своеобразный контейнер, имеющий свое содержимое, так что сочетание *бутерброд с икрой*, с точки зрения говорящего, устроено, в общем, по модели *пирожок с повидлом*. Следовательно, здесь тоже происходит концептуализация, сдвиг реальных параметров ситуации — как в случае метафоры контейнера.

В то же время, с лингвистической точки зрения этот пример, как ни странно, оказывается более сложным, чем метафорический перенос. Дело в том, что и бутерброд, и его «содержимое» предполагают реальные физические объекты, со своей формой и топологией (тогда как цифры и автографы являются, если можно так сказать, нематериальным содержанием своих бумажных носителей и с конкретными физическими свойствами не соотносятся).

Между тем, по своим топологическим свойствам *бутерброд* остается далек от канонического прототипа контейнера: он не

имеет измеряемой полости и вообще представляет собой, скорее, поверхность, чем объемный объект. Это обстоятельство «выявляют» другие конструкции — атрибутивная с *глубокий* и предложная с *в*: они не допускают *бутерброд* в область своего действия, ср.: **глубокий бутерброд* или: *укра на / *в бутерброде*; ср. также:

(14) *Для красоты на бутерброды положили петрушку — получились бутерброды с рыбой и петрушкой,*

— и, тем самым, «не признают» его контейнером.

Другой характерный пример:

(15) *Отец расхаживал по темной комнате, позвякивал ложечкой по стакану, говорил что-то маме так же негромко, как неярко горел свет, выхватывая из мрака лишь стол с бумагами и книгами* (Ю. Трифонов).

Предлог *с* не различает следующих двух пространственных ситуаций: когда книги и бумаги лежат в ящиках письменного стола и когда они покрывают столешницу. В последнем случае, с лингвистической точки зрения, столешница концептуализуется комитативной конструкцией как «содержащая» книги — эта ситуация «втягивания» объектов другой топологической природы в зону действия предложной конструкции неоднократно описана в когнитивной лингвистике (см., например, Hawkins 1988). На что, на наш взгляд, пока не обращалось достаточного внимания, — это на то, что такая концептуализация *относительна* — она может не сохраняться другими конструкциями, хотя, на первый взгляд, в их контексте должна была бы быть столь же востребована. В нашем случае, речь идет о конструкциях с *глубокий* и *в*: *бумаги в столе* понимается исключительно как ‘в ящиках стола’, и атрибутивная конструкция *глубокий стол* тоже не характеризует столешницу как квазиконтейнер. Таким образом, опять, как и в только что разобранный примере, обе эти конструкции «не признают» концептуализацию объекта в качестве контейнера, которая естественна для комитатива.

Объяснения такого эффекта — вполне понятны, они связаны с семантикой каждой из конструкций. Столешница никак не может попасть ни в зону действия *глубокий*, потому что для этого слиш-

ком важна процедура измерения глубины, ни в зону действия *в*, потому что бумаги лежат сверху, а столешница слишком мала, чтобы оказаться пространством (ср. здесь допустимое *в поле*, но *на* / **в лужайке* и даже *на* / **в лугу*).

Разобранные выше примеры могут создать впечатление, что комитативная конструкция «идет не в ногу», нестандартно определяя границы контейнера. Это впечатление ошибочно, вспомним хотя бы интерпретацию *руки* и *ладони* как контейнеров. Строго говоря, исходя из одних только физических свойств внеязыкового объекта, *рука* или *ладонь* не могут классифицироваться как контейнеры — однако в языковой картине мира, задаваемой конструкциями с предлогом *в* и комитативной конструкцией, они, как мы видели, способны отождествляться с объектами типа контейнеров. Однако с точки зрения атрибутивной конструкции с *глубокий*, *руки* и *ладони* имеют другой топологический концепт, отличный от «признаваемых» этой конструкцией контейнеров.

Со своей стороны, конструкция с *глубокий* «втягивает» в класс контейнеров слои (*глубокий песок*), которые «не признают» предложные конструкции. Можно было бы считать, что слои — вообще другой класс объектов, ничего общего не имеющий с типом контейнеров, но на самом деле семантический переход, возникающий в контексте атрибутивной конструкции, имеет совершенно ту же природу, что и объединение полостей с поверхностями типа столешницы или ладони, которое производит комитатив. Речь идет о расширении категории за счет объектов других типов, — это расширение подчиняется требованиям данной конструкции, ее семантической доминанте: каждый раз выбираются только объекты, удовлетворяющие тому признаку прототипического контейнера, который эта конструкция считает доминирующим.

Если принять, что язык — в зоне концептуализации внеязыковых объектов — действительно устроен именно так, это решение может иметь существенные последствия для принципов лингвистического описания.

Во-первых, это значит, что нет и не может быть в принципе никакого единого определения контейнера как языкового концепта: каждая конструкция в каждом языке имеет свое представление об этом типе объектов. Следовательно, ни одна отдельно взятая конструкция, ни группа конструкций не могут быть эффек-

тивным критерием определения концепта как такового, потому что они никогда не «действуют» вполне согласованно. Ситуация, конечно, довольно парадоксальная: концепты в языке существуют, они играют довольно большую роль в языковой картине мира, но описать их как языковые объекты нельзя: они остаются эфемерными.

Во-вторых, при некотором способе описания у языковых единиц (например конструкций) может совпасть прототип, и таким прототипом может быть «картинка» некоторого топологического типа объектов (в когнитивной терминологии — *image schema*), но никогда не совпадет периферийная зона: она определяется семантической доминантой, которая индивидуальна и которая как раз и определяет и значение этой единицы, и возможности семантического развития этого значения.

Наконец, в-третьих. Нужно понимать, что один и тот же объект в языке может не только в разных ситуациях, но и в совершенно одинаковых условиях концептуализоваться по-разному. Это зависит от того, как данный фрагмент языка отражает данную внеязыковую картину. Следовательно, мы получаем еще одно существенное подтверждение принципиальной многовариантности именной классификации: одно и то же имя может **одновременно** быть представителем нескольких именных классов. Об этом — на примере таксономической классификации — речь шла в Рахилина 2000a/2008 (см. прежде всего с. 212—213), в данном случае тот же эффект мы наблюдали в топологии: предмет оказывался, с одной стороны, контейнером, а с другой — нет.

Надо сказать, что этот принцип очень удобен для пользователей естественного языка — его носителей (например, он позволяет уменьшить объем используемой лексики: ведь каждая лексема при смене контекста может «сдвигаться» в другой класс, а иногда и представлять оба сразу). Однако для лингвистов он представляет значительные неудобства и нарушает традицию **древесной** классификации имен, которая более или менее воспроизводится во всех тезаурусах при описании именной лексики самых разных языков⁶.

⁶ В частности, так устроен 2-й том Семантического словаря русского языка под ред. Н. Ю. Шведовой (Шведова 2000) — и сейчас трудно да-

Имея в виду все сказанное в этом разделе, перейдем теперь к обсуждению последней конструкции — с генитивом меры, ср.: *стакан воды, ложка дегтя, корзина грибов* — и того представления о контейнерах, которое эта конструкция предлагает⁷.

§ 6. Генитив меры

6.1. О терминологии

Начнем с терминологии. В самом деле, если мы ожидаем от каждой новой конструкции, так сказать, индивидуального подхода к содержанию концепта, это новое содержание можно зафиксировать и терминологически.

До сих пор для имен предметов, содержащих полость или углубление, мы использовали метатермин «контейнер». Настало время обсудить правомерность такого решения, с одной стороны, а с другой — то, что можно было бы назвать его «последствиями» для лингвистического описания, в данном случае, генитивной конструкции.

Действительно, слово *контейнер* употреблялось нами терминологически как привычное заимствование из английского (возникшее, судя по данным НКРЯ, во второй половине XX века: слово встречается у Владимова, Довлатова, Азольского и др., а в текстах более раннего периода отсутствует); в русском языке его собственный смысл стал в результате гораздо уже и специфичнее: контейнер обозначает, согласно Ожегов, Шведова 1993, «стандартное вместилище для транспортировки в нем грузов без

же представить себе иной путь организации и подачи лингвистического материала в «бумажном» словаре. Особенно существенна эта трудность для идиом — на это неоднократно указывали авторы Словаря-тезауруса современной русской идиоматики (2007) А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, см. например, Баранов, Добровольский 2008: 392 и сл.

⁷ Семантика генитивной конструкции меры была объектом исследования Московского семинара по формальной лингвистике — в частности в рамках проекта Национального научного фонда США BCS-9905748 по семантике генитива. Результаты этих обсуждений нашли отражение в следующих публикациях: Борщев, Парти 1999, 2010, Partee, Borschev 1998, Borschev, Partee 2001, 2004, Rakhilina 2002, 2004.

упаковки» и употребляется в основном в сочетаниях типа *железнодорожный / грузовой контейнер, мусорный контейнер* (для транспортировки мусора) или *контейнерные перевозки*.

Альтернативой заимствованному *контейнер* может быть родовое имя *вместилище*, которое МАС толкует достаточно общо: «место, вмещающее в себя что-л., помещение, предназначенное для содержания в нем чего-л.». С терминологической точки зрения, *вместилище* отличается от своих ближайших квазисинонимов — *емкости, сосуда* и *резервуара* — тем, что практически не налагает ограничений на содержимое, в то время как *резервуар* обозначает вместилище для жидкостей и газов (Ожегов, Шведова 1993), а *емкость* и *сосуд* называют вместилища «для хранения жидких и сыпучих тел» (МАС, Ожегов, Шведова 1993).

С другой стороны, конструкция родительного меры как раз предполагает ограничения на содержимое, поэтому, выбирая термин, можно либо взять нейтральное «вместилище», специально оговорив эти ограничения, либо подобрать из остальных такой термин, который сам выбирает в качестве содержимого наиболее подходящий нашей генитивной конструкции класс «содержимых». В этой работе мы выберем второе и остановимся на термине *емкость*, но не потому, что он имеет какие-то специальные преимущества перед термином *контейнер*. Этот выбор, как мы надеемся, поможет нам прояснить семантику *емкости* и *контейнера* как квазисинонимов и очертить естественные границы их употребления⁸.

Емкость — это вид *вместилища*; генитивная конструкция интересующего нас типа, действительно, неприемлема с не-вместилищами, ср.: **веник веток, *гребенка зубьев, *компресс спирта, *елка конфет, *дерево листьев* и др.

Емкости не просто обозначают объекты, содержащие полость, они предназначены для *хранения* других объектов внутри: ни

⁸ В работе Борщев, Парти 2002, 2010 и др. предлагается, наоборот, первое решение: при описании конструкции генитива меры используется достаточно «пустое» заимствование *контейнер*, которому специально приписываются необходимые для данной конструкции свойства. Такой выбор решает другую задачу — задачу точности описания. Для этого, бесспорно, лучше опираться на конструкт, а не на естественное словопотребление, которое, конечно, далеко от формального.

щель, ни *трещина*, ни *дыра* не удовлетворяют этому условию и в генитивной конструкции оказываются неприемлемы. Так, не говорят: **щель тараканов* в смысле ‘щель, полная тараканов’ или **трещина мусора*, имея в виду ‘мусор, забивший трещину’. По той же причине оказываются запрещены и сочетания типа **река / ручей* ⟨*чистой*⟩ *воды*: река не является хранилищем для (чистой) воды⁹.

Емкости предназначены прежде всего для жидкостей — и наша генитивная конструкция всегда приемлема, если в качестве содержимого выступает характерная для данного сосуда жидкость, ср.: *горшок щей*, *графин водки*, *бокал шампанского*, *бочка пива*, *бидон молока*, а также: *ведро*, *корыто*, *бутылка*, *кастрюля*, *котел*, *кофейник*, *кружка*, *кубок*, *кувшин*, *миска*, *рюмка*, *стакан*, *чайник*, *чашка*, *бак*, *ковш*, *лейка*, *термос*, *шайка*; *тарелка (супа)*, *ложка (касторки)*, *пакет (молока)*, *банка (варенья)*, *цистерна (кваса)* и др.

Возвращаясь к терминологической проблеме, обратим внимание, что если бы эти ограничения были бы исчерпывающими, у нас бы был выбор между *емкостью* и *сосудом*: как мы помним, *сосуд* тоже означаетместилище для жидкостей. Однако генитивная конструкция меры допускает и сыпучие вещества, и мелкие объекты, ср.: *мешок сахара*, *корзина / лукошко грибов*, *сковородка картошки*, *пепельница окурков*, *ведро мусора*, *ясли (овса)* и др., а для описания *корзины* слово *сосуд* все-таки малоприемлемо, в то время как более широкое *емкость* вполне возможно¹⁰.

⁹ Обратим внимание, что сочетания типа *реки крови* (приемлемые, кстати, только во множественном числе, ср.: **река крови*) соответствуют генитивной конструкции другого типа, которую можно было бы описать как квантификативную, означающую ‘неопределенно-большое количество’ — ср. в том же ряду *горы мусора*, *море слов*, *вагон проблем* и проч., см. Глава 2 Части IV.

¹⁰ Тем самым, правило, сформулированное Ю. Д. Апресяном в Апресян 1999, о том, что конструкция с генитивом меры возможна, если объект является *сосудом*, оказывается неточным, если рассматривать ‘быть сосудом’ как необходимое условие: объект может не быть сосудом (например, вмещать сыпучие вещества), но подпадать под действие конструкции. Ниже мы увидим, что и в качестве достаточного условия (а именно: если объект относится к классу сосудов, генитив меры возмо-

Обратим внимание, что концептуализация сыпучих веществ как жидкостей (но не наоборот) с точки зрения русского языка очень естественна, ср. *пшено течет между пальцев, погрузиться в песок, утонул в мусоре* и под. Тем более естественно объединение в одном концепте (емкость) «протекающих» (как *корзина*) и «непротекающих» (как *ведро*) вместилищ; скорее удивительно, что русский язык все-таки имеет возможность их противопоставить в семантике слова *сосуд*.

Создается впечатление, что термин *емкость* просто идеально соответствует тем ограничениям, которые имеет в виду интересующая нас генитивная конструкция. Это, конечно, не так, потому что генитив меры имеет свою семантическую доминанту. Остается понять, в чем она состоит, почему свойства стандартных емкостей совпадают с требованиями этой конструкции и какие дополнительные требования она предъявляет к своим участникам.

6.2. О семантической доминанте

Конструкция, о которой идет речь, выражает **меру** содержимого емкости, равную объему данной емкости — это и определяет ее требования к обоим именованным участникам: вместилищу и содержимому¹¹.

Раз данное вместилище является инструментом измерения объема, оно должно быть предназначено для данного содержимого. Это значит, что оно, во-первых, может быть отнесено к категории хранилищ (и, тем самым, по условиям самой конструкции, которые в данном случае совпадают с ограничениями, предусмотренными концептом 'емкость', ни *река*, ни *щель* не должны в ней допускаться).

жен), свойство 'быть сосудом' неприемлемо для этой конструкции. В частности, «классическими» сосудами являются ваза и аквариум, однако их поведение правилу Ю. Д. Апресяна не подчиняется (см. следующий раздел).

¹¹ Отдельный, и очень интересный вопрос — *почему* смысл меры передается в русском языке именно генитивной конструкцией; с задачей этой Главы он связан опосредованно, но подробно рассматривается в следующей, четвертой, Главе.

Во-вторых, лучше, чтобы это были естественные для данной емкости наполнители. Поэтому стандартные артефакты — сосуды для молока, воды, кваса, лекарственных капель и под., а также артефакты, служащие для хранения сыпучих объектов (типа *лукошко* или *корзина*), подходят, конечно, лучше всего. Это естественно: для хранения и транспортировки таких аморфных веществ, как жидкости или сыпучие продукты, существует много специально созданных вместилищ, каждое из которых предназначено для содержимого определенного типа. Нестандартные емкости в контексте генитивной конструкции будут выглядеть странно, ср.: *?'рояль яблок, ?'футляр сахара, ?'санки угля, ?'диван книг* и под.

И наоборот, каждому вместилищу должен соответствовать привычный наполнитель. Так, для сосуда естественным наполнителем, которому данный сосуд может служить мерой, является жидкость, ср. неприемлемое: **ваза цветов* или **аквариум рыб*. Для понимания природы такого рода запретов очень важна процедура использования сосуда. Важно, что в вазу или аквариум как в сосуд сначала наливают воду, а потом ставят цветы или запускают рыб — причем не обязательно заполняют ими сосуд целиком.

Для сравнения рассмотрим вполне приемлемые с точки зрения генитива меры и, казалось бы, денотативно тождественные сочетания типа: *бочка / банка соленых огурцов / грибов / капусты*. Дело в том, что, по всем известной технологии, бочку или банку сначала доверху наполняют грибами, огурцами или капустой, и тогда эта бочка (банка) может служить не только стандартной тарой, но и стандартной **мерой** для этих объектов. Рассол заливается потом, ср. *бочка рассола* — в такой бочке нет огурцов. Рыбы же, разумеется, не заполняют аквариум целиком: они в нем свободно плавают в неизвестном количестве, так что объем аквариума не может служить для них мерой. То же касается и цветов в вазе.

Интересно, что в этих случаях вода тоже не является «подходящим» содержимым — ни для вазы, ни для аквариума, хотя, казалось бы, они оба являются сосудами, ср. не очень естественное: *?'ваза / ?'аквариум воды*. Дело в том, что количество наливаемой воды в функциональной ситуации (когда вода нужна для рыб или цветов) тоже никак не определено, так что эти сосуды не могут в настоящем смысле служить мерой и для «канонической» жидко-

сти. Отдельно надо рассматривать нестандартные употребления, когда воду носят аквариумами или вазами (и, следовательно, специально наполняют их целиком) — такого рода ситуации, конечно, нетипичны для этих объектов.

Таким образом, несмотря на то, что *аквариум* и *ваза* подпадают под определение емкостей (и даже под определение вместимости более узкого класса — сосудов), с точки зрения генитивной конструкции они «правильными» емкостями считаться не будут. Но эти случаи можно пока рассматривать как, так сказать, досадные исключения.

А вот следующее ограничение, вытекающее из семантической доминанты генитива меры, прямо противоречит концепту емкости. Заметим, что генитивная конструкция, ориентированная на измерение, требует, чтобы емкость заполнялась более чем одним, а лучше — многими предметами, как если бы это и в самом деле были частицы сыпучего вещества в какой-нибудь коробке или корзинке — поэтому *чехол для гитары* или *футляр для очков* запрещены в контексте генитивной конструкции в значении меры: **футляр очков* или **чехол гитары* (в смысле: ‘наполненный гитарой’). Однако этого не достаточно: для того чтобы вместимости удовлетворяло условиям генитива меры, объем его должен быть предсказуем и соответствовать определенному стандарту. Такое условие одновременно сужает класс емкостей, потому что не все из них оказываются приемлемы в генитивной конструкции, ср. **карман ключей / денег*, **конверт бумаг*, **кошелек денег* и под. И *карман*, и *конверт*, и *кошелек* можно классифицировать как емкости, но они (в точности как аквариум или ваза) не определяют однозначно количества объектов, которые могут вместить, потому что — в отличие, скажем, от бидона или ведра — бывают слишком разного размера.

С другой стороны, не все вместимости стандартного размера можно с уверенностью назвать емкостями. Действительно, является ли емкостью *эшелон? погреб? наконец, катушка (ниток)?* Здесь генитивная конструкция легко раздвигает рамки класса емкостей, «втягивая» подходящие под это условие объекты, ср.: *катушка ниток, папка бумаг, машина угля / дров, баржа нефти, эшелон солдат / заключенных* (в противоположность нестандартному заполнению этого вместимости, которое отторгается гени-

тивной конструкцией: [?]*эшелон людей / пассажиров / писателей*), ср. также: *шприц камфары, шкаф / полка книг, палата больных, погреб картошки* и др.

Стандартный размер вместилища и его стандартное наполнение — это главные условия для приемлемости генитивной конструкции. Они определяют и другие ее свойства, в том числе и имеющие совершенно иную природу.

Так, генитив меры требует нереферентности соответствующей емкости, потому что именно нереферентность хорошо согласуется с идеей стандартности, типичности объема, а значит — меры. Референтная емкость, и даже сосуд, объем которого был бы заранее определен для данной конкретной ситуации, в конструкции генитива меры невозможен, ср.: **пролил мою чашку чая* и др. — потому что тогда измеряется объем не чашки вообще, а только **этой чашки**.

Другой пример. Известно, что зона действия генитивной конструкции может быть значительно расширена — если ввести в нее прилагательные типа *весь, полный, целый* или числительные и другие счетные слова (*два, три, несколько* и под.). Прежде запрещенные сочетания оказываются в этом случае вполне приемлемыми, ср.: **карман денег — полный карман денег, [?]самолет японцев — два самолета японцев, *сеть трески — полная сеть трески, ^{??}капкан лис — четыре капкана лис*, а также: *три аудитории студентов, полный зал слушателей* и даже: *несколько ваз цветов, целые аквариумы золотых рыбок, полная кухня гостей, две камеры уголовников* и под. Этот эффект не случаен, и он тоже имеет отношение к идее стандарта и меры. Действительно, добавляя определения типа *полный* или *целый*, говорящий акцентирует то обстоятельство, что в данной ситуации эта емкость заполнена вся целиком, и значит, способна измерить количество содержащегося в ней наполнителя. Если же добавляются количественные слова (тот же эффект имеет во многих случаях и просто множественное число емкости), это служит указанием на множественность ситуации использования данного контейнера с данным содержимым — то есть, в конечном счете, на большую, чем обычно, стандартность этой ситуации — и, тем самым, подчеркивает принципиальную приспособленность этого типа вместилищ к измерению таких наполнителей.

§ 7. Заключение

Из всего сказанного следует, что с языковой точки зрения интуитивно ясный, как мы полагали, класс предметов, содержащих углубление или полость, далеко не однороден. В частности, такие контейнеры / емкости, как *тарелка (миска), карман, река, ваза, стакан* и *живот* будут, как видно из Таблицы 1, разрешать и запрещать разные конструкции:

Таблица 1

Контейнеры и конструкции

	<i>Глубокий X</i>	<i>X с Y-ом</i>	<i>Y в X-е</i>	<i>XY-а</i>
<i>Тарелка / миска</i>	+	+	+	+
<i>Карман</i>	+	+	+	*/?
<i>Река</i>	+	*	+	*
<i>Ваза</i>	*	+	+	*
<i>Стакан</i>	*	+	+	+
<i>Живот</i>	*	*	+	*

Даже класс сосудов распадается в ней на разные строки: «всеядной» в отношении наших четырех конструкций оказывается лишь первая строка, соответствующая *тарелке / миске*, — другие сосуды (*ваза* и *стакан*) имеют внешнюю функциональную поверхность и запрещают конструкцию с *глубокий*, а *ваза*, не имеющая стандартного объема, еще и запрещает генитив. Генитив, как мы видим, вообще очень избирателен: он запрещен и для *кармана* (тоже как для емкости нестандартного объема), и для *реки*, которая не может быть мерой воды. Но, как выясняется, *река* вообще в языковой картине мира особый объект, как бы неотделимый от наполняющей ее воды. Вот почему не говорят **река с водой* — в комитативной конструкции допустимы лишь те пары контейнер-содержимое, участники которых концептуализуются как два разных объекта, ср.: *тарелка — еда, карман — ключи, ваза — цветы, стакан — вода*. Этот запрет нарушает и *живот*, который вообще оказывается наименее стандартным контейнером: мягкая емкость (**глубокий*) нестандартного объема (**генитив меры*), без явного отверстия, к тому же неотделимая от своего содержимого (**комитатив*). Единственная конструкция, которую эта строка, та-

ким образом, допускает, — локативная (и направительная) с предлогом *в*. Она, как мы видим на нашей выборке контейнеров, оказывается самой непритязательной и, как мы помним из §3, допускает любые полости и емкости.

Вывод можно считать пессимистическим: легко видеть, что тот образ контейнера, вместилища или емкости, который «диктует» генитивная конструкция меры, не совпадает ни с аналогичным концептом комитативной конструкции¹², ни с концептом, который предполагается предлогом *в*, ни с концептом, предлагаемым атрибутивной конструкцией с *глубокий*. Единого «лингвистического» топологического класса, подкрепленного языковыми данными, реконструировать не удастся, причем по принципиальным причинам.

И все-таки топологические типы объектов существуют — они релевантны для языковой картины мира, и они все-таки управляют сочетаемостью имен и предикатов. Но управляют не непосредственно, а с помощью множества своих свойств, которые мы назвали *семантическими доминантами*. Каждая языковая конструкция, апеллирующая к данному топологическому типу, «выбирает» одно из этих свойств и классифицирует объекты, опираясь именно на него. Бесконечен ли набор этих свойств / семантических доминант или они повторяются в разных языках и конструкциях? Повторяется ли сам набор конструкций от языка к языку? Возможны ли заведомые ограничения в концептуализации (так что объект некоторой конфигурации ни при каких условиях ни в каком языке не может концептуализироваться, например, как контейнер)?

Пока мы слишком мало обо всем этом знаем, так что эту работу можно считать приглашением к размышлению.

¹² Обратим здесь внимание на интересное замечание, сделанное в сноске 9 статьи Борщев, Парти 2010 (со ссылкой на Сюзанну Ротштейн): генитивная конструкция, скорее, предполагает заполненность контейнера, тогда как комитативная — просто наличие в нем содержимого. Таким образом, если *стакан воды* предполагает, что речь идет о полном стакане, то *стакан с водой* — не обязательно.

Глава 4

КОНСТРУКЦИЯ С РУССКИМ РОДИТЕЛЬНЫМ И ЕЕ ФОРМАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ¹

Введение

§ 1. Формальный подход к генитивной конструкции

В теоретическом плане задача настоящей главы — развитие идеи формального описания русского генитива, предложенной в серии работ Б. Парти и В. Б. Борщева (Partee, Borschev 1998, 2000a; Borschev, Partee 2002). Она состоит в том, чтобы дать единое описание генитивных конструкций с реляционными именами, таких как *брат Ивана*, и конструкций с нереляционными именами, как *кот Ивана*. Последние считаются результатом семантического (метонимического) сдвига: в рамках такого подхода генитивная конструкция, в которую они попадают, заставляет их переходить из общих имен CN (common nouns), которые в формальной семантике принято описывать как тип $\langle e, t \rangle$ — одноместные предикаты с одной, референциальной, ролью (т. е. валентные только на собственный референт), — в тип транзитивных, или реляционных имен TCN (transitive common nouns), которые в формальной семантике описывают как $\langle e, \langle e, t \rangle \rangle$ и к которым как раз и принадлежат такие слова, как *брат*, — см. Partee 1983 / 1997.

Надо сказать, что похожий анализ английских и датских конструкций был в свое время предложен в Jensen, Vikner 1994, причем эти авторы опирались не на аппарат формальной семантики,

¹ Исследование, лежащее в основе данной главы, было в свое время поддержано грантом BCS-9905748. Я благодарю всех участников проекта (Е. В. Падучеву, В. Б. Борщева и в особенности Б. Парти, которая сделала много существенных замечаний к английским версиям этой главы), а также участников конференций FDSL-4 и FASL и конференции по проблемам посессивности (Амхерст 2002), где излагались разные аспекты того представления о русском генитиве, которое отражает данная работа. Я благодарю также Ю. А. Ландера за ее конструктивное ее обсуждение.

а на понятие *кваликативной структуры* (qualia structure), введенное в Pustejovsky 1993, 1995. Согласно Дж. Пустейовскому, кваликативная структура может в каких-то случаях приписывать семантико-синтаксические отношения тем именам, которые обычно считаются не имеющими аргументной структуры (т. е. в терминологии формальной семантики — CN). Например, артефакты (ср. общее имя *стул*) приобретают роль функциональной цели (ср.: ‘для того, чтобы сидеть’) и становятся реляционными (тип TCN). Несмотря на то, что исходный аппарат семантического анализа Янсена-Викнера существенно отличается от того, который используют Б. Парти и В. Б. Борщев, оба подхода дают один и тот же результат: возможность единого анализа реляционных и нереляционных имен в контексте генитива. Эта возможность обеспечивается тем, что в обоих случаях у имени оказывается аргументная роль (исходная или приобретенная в результате метонимического сдвига), которая кодируется генитивом.

Обратим внимание, что такое решение подразумевает справедливость следующего утверждения: наличие аргументного (или квази-аргументного) отношения в именной конструкции **достаточно** для употребления генитива.

В принципе, предложенная гипотеза вполне правомерна, но она должна была бы получить подтверждение в специальном лексикологическом исследовании, которое бы ответило на два следующих вопроса:

- (1) Верно ли, что в русском языке **любое** аргументное отношение в именной группе может быть выражено генитивом?
- (2) Верно ли, что если **любое** имя типа CN поместить в произвольную именную генитивную конструкцию — например, из того вполне традиционного списка, который предлагает РГ-80 или Синтаксический словарь Г. А. Золотовой [1988] — скажем, конструкцию с генитивом меры (ср. *стакан воды*), времени (*воспоминания прошлого лета*), части-целого (*край стола*) и др., то при условии, что это имя не нарушает общих ограничений конструкции (например, для генитива меры — обозначает контейнер), в его семантике обязательно произойдет сдвиг, имя станет реляционным и благодаря этому все сочетание окажется грамматически правильным?

В том виде, в котором модель Парти-Борщева изложена в работах, процитированных выше, ее «устроили» бы только положительные ответы на каждый из этих вопросов — между тем, анализ русского материала показывает, что в обоих случаях ответ оказывается отрицательным, а именно:

- (1) **не все** реляционные имена встраиваются в конкретную генитивную конструкцию, ср. *посетитель* или *лидер*, которые бесспорно имеют аргумент в своей семантической структуре, однако приемлемость сочетаний типа *?посетитель больного* или **лидер студента* вызывает сомнения;
- (2) **не все** имена типа CN претерпевают семантический сдвиг, ср. запреты на: **река воды* или: *?ваза цветов* и др., притом что отношения, которые устанавливались бы между вазой и цветами или рекой и водой, очень похожи на «классические» для данной конструкции, известной как генитив меры (ср. *стакан воды*; подробнее см. также Главу 3 этой части книги). Тем не менее, генитивная конструкция здесь почему-то запрещена — следовательно, семантический сдвиг происходит не во всех случаях.

§ 2. Прилагательное *favourite* ‘любимый’

Еще один «отрицательный» пример принадлежит самой Барбаре Парти. В свое время в работе Partee, Borschev 2000b обсуждалось поведение английского прилагательного *favourite* ‘любимый’ в контексте генитивной конструкции. Сопоставлялись две именные группы:

- (1) *Mary's movie* ‘Машин фильм’;
- (2) *Mary's favourite movie* ‘Машин любимый фильм’.

В первом случае генитивная конструкция провоцирует семантический сдвиг для исходно нереляционного имени *фильм* из типа CN в реляционный тип TCN, причем с несколькими вариантами интерпретации — ‘фильм, в котором она играла’, ‘фильм, который она сняла’, ‘фильм, который она взяла в прокате’, ‘фильм, на который она написала рецензию’ и т. д. Выбор интерпретации зависит от более широкого контекста: если мы заменим имя *Маша* на имя *Феллини*, то соответствующая именная группа (‘фильм

Феллини') будет интерпретироваться, скорее всего, как 'снятый Феллини'.

Оказывается, однако, что добавление прилагательного *favourite*, как в примере (2), существенно сокращает число приемлемых интерпретаций: *Mary's favourite movie* **не** понимается как 'фильм, который Маша любит брать в прокате' или '...любит снимать', а скорее, как '...любит смотреть'. Соответственно, «дефолтная» (в смысле Jensen and Vikner 1994) интерпретация сочетаний *Mary's favourite movie* и *Fellini's favourite movie* совпадут.

Любопытно, что другая пара примеров со словом *favourite* из той же статьи Partee, Borschev 2000b ведет себя несколько иначе: сочетание *Mary's poet* 'Машины стихи' подразумевает, что Маша является автором стихов, тогда как в *Mary's favourite poet* 'Машины любимые стихи' Маша — читатель или слушатель (но, скорее всего, не сочинитель). По мнению авторов статьи (см. с. 8), поведение обеих пар примеров нуждается в дополнительном объяснении.

Обратим внимание, что те же проблемы остаются и при переводе этих примеров на русский: *стихи Маши* — 'Маша — автор', *любимые стихи Маши* — 'Маша — читатель или слушатель'; *фильм Маши / Феллини* 'созданный Машей / Феллини', *любимый фильм Маши / Феллини* 'фильм, который Маша / Феллини любит смотреть'. Это значит, что для модели русского генитива встает новая задача: объяснить разницу в семантическом сдвиге в контексте и вне контекста этого прилагательного — или, как сформулировано в Partee, Borschev 2000b, объяснить, почему *любимый / favourite* вызывает другой семантический сдвиг, чем «чистая» генитивная конструкция.

В дополнение к тем примерам, которые обсуждались в Partee, Borschev 2000b, укажем на еще одну особенность поведения русского прилагательного *любимый*: есть контексты, где именная генитивная конструкция возможна только «в присутствии» этого прилагательного, а «в чистом виде» практически запрещена. Например, само по себе сочетание ^{??}*фильм школьников* оказывается сомнительным и не может пониматься как 'фильм, который школьники смотрят', тогда как *любимый фильм школьников* вполне приемлемо и выражает ровно это значение: 'фильм, который школьники любят смотреть'.

Последний пример возвращает нас ко второму из вопросов, заданных в начале: верно ли, что все нереляционные имена CN, попадающие в контекст генитивной конструкции, способны к семантическому сдвигу? Пример представляет тот случай, когда имени (*фильм*) требуется, так сказать, дополнительная поддержка, чтобы перейти в класс реляционных, и эту «поддержку» оказывает прилагательное *любимый* — но почему оно и почему без него нельзя обойтись?

§ 3. Постановка задачи

До сих пор мы обсуждали языковые примеры, которые представляют трудность как для теории Парти-Борщева, так и для других формальных описаний генитива (прежде всего Янсена-Викнера). К этим примерам мы вернемся несколько позже, в следующих разделах главы — но не как к поводу для критики формальных моделей, а уже как к материалу, способному поддержать формальный подход. Дело в том, что главной задачей нашей работы является интеграция формальной и лексической семантики для описания генитивной конструкции — которое будет выглядеть естественно в рамках SxG. Мы покажем, что если к процедуре семантического анализа подключить лексикографическое описание, как это принято в Московской семантической школе, и, учитывая семантику генитивной конструкции в целом, как того требует SxG, рассмотреть запреты на заполнение лексических мест в этой конструкции, то «трудные» на первый взгляд для формального подхода случаи найдут свое объяснение и перестанут быть «камнем преткновения».

Хорошо известно, что генитив — один из наиболее частотных русских падежей: как сказано в Janda, Clancy 2001: 103, если бы в книге рекордов Гиннеса были специальные номинации по употребительности падежей, русский генитив завоевал бы множество призов, а в соревновании по числу значений, которые могут выражать соответствующие именные конструкции, он стал бы абсолютным лидером.

В связи с этим нам было бы интересно рассмотреть разные (а в идеале — все) типы генитивных конструкций, чтобы найти зоны

ограничений, в которых генитив ожидается, но не употребляется. Мы выбрали несколько таких базовых конструкций — хорошо известных и не раз описанных, при этом достаточно частотных и семантически близких к прототипу, а именно:

- конструкции с именами деятеля (*учитель Петра*);
- конструкции «изображения» (*портрет Пушкина*);
- конструкции меры (*стакан воды*);
- конструкции части-целого (*ножка стула*);
- конструкции с временным значением (*песня года*);
- конструкции с пространственным значением (*животные тундры*).

Их подробный семантический анализ показал, что все они в целом демонстрируют свойство, которое можно было бы назвать **устойчивостью** отношения между референтами именной группы. Это свойство, с нашей точки зрения, и определяет лексические ограничения на употребление генитива: генитив возможен только в тех случаях, в которых отношение между референтами устойчиво и постоянно, — он не употребляется, если оно случайно или временно (Rakhilina 2004).

Глава содержит два больших раздела: в разделе I мы подробнейшим образом обсудим семантическую природу свойства устойчивости генитивного отношения на базе только одного, самого «простого» и распространенного типа конструкций — конструкции с именами деятеля — такими как *учитель*, *строитель*, *носильщик*, *читатель*, *портной*, *помощник*, *инструктор*, *контролер* и др., а в разделе II перейдем к обсуждению более широкого материала, касающегося других генитивных конструкций и той роли, которую играет признак «устойчивости» для его интерпретации.

I. Генитив с именами деятеля

§ 1. О семантической структуре имен деятеля

Большинство имен деятеля наследуют свои аргументы непосредственно от производящего глагола, ср.:

- строить завод* → *строитель завода*,
- учить ребенка* → *учитель ребенка*,
- собирать картины* → *собиратель картин* и др.

Наше представление о процедуре наследования валентностей восходит к идеям, заложенным в модели «Смысл ⇔ Текст», ср. Мельчук 1974, Mel'čuk 1988; Апресян 1974, 1999, 2006 и др.; сходным образом эту процедуру представляют и некоторые другие модели, ср., например, Pustejovsky 1995. Речь идет о том, что имя деятеля является агенсом некоторого предиката (имя *строитель* — агенс предиката *строить*). Как правило, такие предикаты имеют агенсно-пациентную ролевую структуру (именно так устроены 'учить', 'строить', 'собирать' и др.), хотя в принципе возможны и некоторые другие варианты ролевого распределения — например, агенсно-реципиентная структура (ср. *помогать* <кому-то>) или структура агенс-источник (ср. *покупать* <у кого-то>). Соответственно, наследуя эту структуру, агенс получает «в собственность» вторую глагольную валентность, будучи сам заполнителем первой.

Важно отметить, что главный принцип наследования состоит в том, что **никакая** валентность исходного предиката не должна «теряться» в ходе этой процедуры — так что если какая-то из них обнаруживает новые, приобретенные ограничения на заполнение, данный факт требует своего объяснения.

С другой стороны, средства кодирования унаследованной валентности могут измениться по сравнению с исходными — так, в нашем случае исходный глагол управляет винительным (ср. *строить дом*), дательным (*помогать прокурору*), творительным падежом (*дирижировать оркестром*) и даже предложной группой (*покупать у кого-л.*), но при производном от этого глагола имени деятеля все эти отношения кодируются одинаково — генитивом (*строитель дома, помощник прокурора, дирижер оркестра* и др.). Ср. здесь следующие, на наш взгляд, очень показательные примеры:

поставлять рыбу королевскому двору

→ *поставщик рыбы* (пациентный генитив)

→ *поставщик двора* (реципиентный генитив);

покупать зелень у тети Фроси

→ *покупатель зелени* (пациентный генитив)

→ *покупатель тети Фроси* (генитив источника).

Обратим внимание, что хотя в целом в русском языке доминируют стандартные словообразовательные модели V → NOMag, как в *строить* → *строитель*, тем не менее, нередко случаи суп-

плетивизма, т. е. отсутствия прямого морфолого-семантического глагольного коррелята для имени деятеля, ср. *руководитель* (← *руководить*), но *вождь* (← **водить*). Это не меняет дела: отношение, например, между вождем и племенем точно так же выражается генитивом (*вождь племени*), как если бы стандартный производящий глагол для него в русском языке имелся.

§ 2. Ограничения на генитив

И все-таки, несмотря на кажущуюся «всеядность» русского генитива в конструкции с именем деятеля, при внимательном анализе обнаруживаются определенные ограничения на его употребление.

Первое: есть роли, которые *никогда* не выражаются генитивом — например, роль адресата. Причем это касается и реляционных имен, в том числе таких, которые деривационно связаны с исходным предикатом: очевидно, что имя *говорящий* образовано от *говорить* <что-то>, *рассказчик* — от *рассказывать* <что-то>, тем не менее, имеется строгий запрет на ожидаемый при этих именах генитив, ср.: **говорящий Пети*, **рассказчик ребенка* и под. (заметим, что здесь невозможен и свойственный исходному глаголу дательный: **рассказчик ребенку*).

Второе: есть имена деятеля с пациентной валентностью, в контексте которых генитив возможен, но почему-то *не для любого* зависимого *имени*. Например, нельзя сказать **директор Пети* или: **директор главного инженера*, тогда как *директор завода* или *директор института* совершенно приемлемы; *вождь племени* или *вождь апачей* — грамматически правильны, а **вождь индейца Джо* — невозможно, даже если индеец Джо принадлежит этому племени. Значит, и здесь мы сталкиваемся с ограничениями, касающимися определенных лексических контекстов.

Третье: при некоторых именах деятеля генитив, вообще говоря, не *употребляется*, но *иногда* — в генерических контекстах (в частности во множественном числе) — допускается. Например, *зрители_{pl} Михалкова* воспринимается как вполне приемлемое сочетание, в отличие от **зритель_{sg} Михалкова* (в негенерическом употреблении); то же верно для пар: *слушатели Брамса* — **слушатель Брамса*, *посетители больного* — *??посетитель больного* и др. Теоретически, число (единственное или множествен-

ное) не должно влиять на природу аргументного отношения — но почему-то сказывается на степени приемлемости генитива.

Четвертое: есть случаи ограничений на генитив, в каком-то смысле прямо противоположные предыдущим: генитив оказывается *запрещен* вопреки тому, что отношение между референтами потенциальной именной группы как раз индивидуально: невозможно ни **вор*, ни **воры старушки*, ср. также **даритель* (**дарители*) / **проситель* (**просители*) *Ивана Петровича*.

По нашим данным, в зоне имен деятеля именно эти четыре случая составляют список «исключений» с точки зрения формальной модели генитива, апеллирующей к реляционности имени как определяющему фактору: в них генитив запрещен **вопреки** реляционности.

В следующем разделе мы проанализируем их подробнее, чтобы найти этому объяснение.

§ 3. Анализ и объяснение

Наше объяснение, как уже говорилось выше, будет опираться на условие устойчивости отношения, которое, как нам кажется, необходимо для кодирования его генитивом — иначе говоря, идея сводится к тому, что во всех четырех случаях условие устойчивости оказывается так или иначе нарушено.

Но сначала — о самом этом условии применительно к именам деятеля: обратим внимание на общий принцип их функционирования в генитивной конструкции, который можно было бы назвать «запретом на множественность коррелятов». Именно множественность коррелятов является главной причиной неприемлемости таких генитивных сочетаний, как: **носильщик чемодана / чемоданов*, **повар шашлыка*, **почтальон посылок*, **маляр заборов*, **скульптор Шекспира* и др. — на фоне приемлемых: *учитель Пети*, *строитель дома*, *помощник президента* и др. Действительно, носильщик не имеет устойчивых отношений с объектами, которые он носит: он ведь не носит все время один и тот же чемодан и даже не специализируется на ношении чемоданов, так что **носильщик чемодана / чемоданов* не может быть противопоставлен, скажем, **носильщику сумок*. Таким образом, имя *носильщик* предполагает множественность коррелятов (ср. исход-

ный глагол *носить* и его объекты: *чемоданы, сумки, ящики...*). То же верно для повара: обычно повара умеют готовить множество блюд, следовательно, соответствующая лексема не имеет устойчивых отношений ни с одним из своих коррелятов — она предполагает множественность коррелятов.

Если согласиться с тем, что генитив требует устойчивости отношения, природа которого не совместима с множественностью коррелятов, то примеры с носильщиком, с поваром, а также другие подобные получают объяснение. В то же время, те примеры, которые мы приводили им в противопоставление как грамматически правильные, демонстрируют устойчивость отношения имени деятеля со своим коррелятом — ср. *помощник президента* (помогает президенту в течение всего времени, пока является помощником); *строитель дома* (человек, который построил или в настоящее время строит дом — а значит, связан с этим домом некоторым устойчивым отношением), то же верно для *учитель Пети* и др. — в противоположность **почтальон посылок*, **маляр заборов*, **скульптор Шекспира* и др., где этого отношения нет.

3.1. «Запретные роли»

Теперь обратимся к **первой** группе сложных примеров из предыдущего раздела, а именно, адресатным именам деятеля — т. е. контекстам типа **говорящий Пети* или **рассказчик ребенка*. Представляется, что причина запретов здесь в том, что имя *говорящий* (так же как и имя *рассказчик*) подразумевает ориентацию не на одного конкретного адресата, а на **любого** слушающего — в точности как в случае с носильщиком, которому все равно, что нести. Таким образом, эти лексемы тоже имеют в виду множественность коррелятов и отсутствие устойчивого отношения — только не с пациентным, а с адресатным коррелятом.

Надо сказать, что с этой точки зрения адресатная роль явным образом отличается от других — в противоположность агенту, пациенту, реципиенту или источнику, она демонстрирует полный и безусловный запрет на кодирование генитивом, ср. здесь:

петь детям → **певец детей*,
декламировать стихи студентам → **декламатор студентов*,
читать младшей сестре → **чтец сестры* и др.

Правда, такое же нестандартное поведение с именами деятеля демонстрирует (по той же семантической причине) и роль инструмента / средства, которая тоже никогда не кодируется генитивом, ср.:

писать пером / синими чернилами → **писец / писатель пера / синих чернил*,
жать серпом → **жнец серпа*,
дойти руками / машиной → **доярка рук / машины* и др.²

В том же ряду — с адресатом и инструментом / средством может быть упомянута еще одна, более экзотическая роль — назовем ее «протагонист», имея в виду лицо, о котором говорится в некотором тексте (романе, песне, стихотворении и др.). Понятно, что между типом текста и его протагонистом не может быть никакого устойчивого отношения — в отличие от отношения между текстом и его автором (оно, кстати, агенсно-пациентно). Таким образом, сочетание *песня Окуджавы* неприемлемо, если иметь в виду песню **об** Окуджаве (ср. в том же значении **пьеса Раневской*, **поэма Чичикова* и под.), но полностью соответствует грамматической норме, если имеется в виду песня, сочиненная Окуджавой.

Итак, адресатное отношение не выражается генитивной конструкцией, — и это не случайно, так как данное ограничение мотивировано более общим свойством семантики русской генитивной конструкции, которое, как мы видели, вступает в конфликт с природой адресатного отношения.

3.2. Вожди, начальники и президенты

Теперь обсудим **вторую** проблемную группу примеров — которая, как мы помним, касалась индейца Джо. По нашей гипоте-

² В тех случаях, когда генитив все же заменяет прилагольный творительный в производной конструкции с именем деятеля, он маркирует другую роль — не инструмента, а пациенса (так называемое нестандартное падежное маркирование), ср.: *руководить коллективом* (то же отношение, что и в: *возглавлять коллектив*) → *руководитель коллектива*; *дирижировать оркестром* → *дирижер оркестра* и др. Заметим, что все такие примеры описывают устойчивое отношение.

зе, здесь проявляется другое свойство устойчивости: она выделяет «индивидуальные» отношения, противопоставляя их другим типам. Если вернуться к генитиву, можно сказать, что, маркируя устойчивость, он оказывает предпочтение отношениям, которые устанавливаются между индивидуумами.

Классические примеры — такие как *сын Петра* или *ученик Сократа* — как раз представляют именно этот случай устойчивых отношений между двумя людьми. Но генитив «устраивает» и тот тип ситуаций, когда индивид соотносится не только с другим индивидом, но и с большой группой людей — как в сочетаниях типа *президент Франции*. Обычно эти два типа отношений (индивид-индивид и индивид — группа индивидов) легко совмещаются, так что имя деятеля может вступать и в то, и в другое, и там, и там используя генитив в качестве маркера, ср.:

начальник Петра — начальник программистов — начальник отдела;
научный руководитель аспиранта — научный руководитель группы.

Однако некоторые имена деятеля ориентированы именно на **группу** людей, а не на отношения между индивидами. Так, *президент* соотносится со страной в целом и людьми, которые в ней живут, — но не с отдельным ее жителем. В принципе, можно говорить об отношении между президентом и жителем-индивидом — но такое отношение будет, в нашей терминологии, значительно менее устойчивым, чем отношение между президентом и страной в целом. Получается, что президент связан все же с группой людей (населением страны), и в этом случае группа оказывается «не прозрачна»: непосредственного отношения с отдельными ее участниками не устанавливается. Даже в предельной и довольно далекой от жизни ситуации, когда (представим себе такую фантастическую страну!) все население состояло бы из двух человек, один из которых — президент, все равно, согласно семантике, встроенной в данное имя деятеля, это был бы *президент страны*, а не **президент второго ее жителя*. Мы уже видели, что другие, более стандартные, имена деятеля ведут себя иначе: допуская коррелят-группу, они, в том случае, если группа состо-

ит всего из двух сотрудников, один из которых и есть начальник, «принимают» и коррелят-индивид.

В русском языке имеется целый класс имен деятеля, которые вступают в устойчивые отношения только с коррелятом-группой — среди прочих (*директор, инспектор, ректор* и др.) в него попадает и имя *вождь*, обсуждавшееся выше. Имена этого класса не допускают генитивную конструкцию с коррелятом-индивидом: по той же причине, по которой нельзя сказать **президент гражданина Волкова*, странным выглядит и **вождь индейца Джо*, а также **директор Петра Ивановича / главного инженера, *инспектор бухгалтера* и др. При этом полного запрета на генитивную конструкцию у таких имен нет: они легко в нее встраиваются — но только если генитив кодирует не индивид, а группу людей или (метонимически) организацию, так что сочетания *вождь апачей / вождь племени, директор завода / института, инспектор железных дорог* и проч. оказываются вполне приемлемыми.

3.3. Михалков и Брамс

Итак, мы установили, что есть класс имен деятеля с особыми семантическими свойствами, которые определяют ограничения на употребление при этих именах генитива, противопоставляющего «индивидуальный» и «коллективный» корреляты. Надо сказать, что сходное противопоставление может возникнуть не только за счет свойств, встроженных в семантику имени деятеля, но и за счет прагматического контекста — в этом случае генитив тоже воспринимается как неудачный, хотя запрет на него будет не таким строгим. Это как раз и объясняет поведение «исключений» следующего, **третьего**, класса — там, где генитив «реагировал» на числовое поведение имени.

Проблема состояла в том, что сочетание *зритель Михалкова* оказывалось приемлемо в генерическом смысле, т. е. как описывающее тип людей, которые смотрят его фильмы и в этом смысле обладают некоторыми общими свойствами, тогда как негенерическая интерпретация («один конкретный зритель фильмов Михалкова») выглядит странно и малоестественно. Между тем, все это вполне согласуется с условием устойчивости генитивного

отношения: генерическая интерпретация разрешает генитивную конструкцию, потому что в таком случае устанавливаются более устойчивые отношения с коррелятом. Что касается множественного числа, то семантически оно ближе к генерическому, чем индивидуализированному, поэтому в форме множественного числа соответствующее имя деятеля оказывается совершенно приемлемо.

Другой пример того же рода — пара *слушатели Брамса*_{pl} — ^{??}*слушатель Брамса*_{sg}. Обратим внимание, что неудачная генитивная конструкция с единственным числом может быть «исправлена» не только за счетмены числа или семантического сдвига в сторону генерической интерпретации, но и с помощью такого прилагательного, которое бы добавляло устойчивости в отношениях между композитором и слушателем его произведений — ср. *постоянный / вечный слушатель Брамса*; ср. также ^{??}*посетитель больного* — *постоянный посетитель больного*: второе сочетание значительно более удачно, чем первое. Таким образом, — и это вполне в духе СxG — в случае прагматических ограничений «спасти» генитивную конструкцию может и дополнительный контекст, компенсирующий недостаток семантической устойчивости базового отношения в соответствующем сочетании.

В определенном смысле разобранные примеры можно интерпретировать и как особый случай множественности коррелятов. В самом деле, выше, говоря о множественности коррелятов, мы опирались на примеры типа **носильщик чемоданов* и рассматривали именно отношение как бы с точки зрения имени деятеля: поскольку носильщик никогда не носит один и тот же чемодан и не специализируется на ношении именно чемоданов, генитив невозможен, а если бы вдруг дело обстояло именно так, генитивную конструкцию можно было бы употребить.

Но то же верно и для сочетаний типа ^{??}*слушатель Брамса* — только с точки зрения коррелята, а не вершинного имени деятеля: когда имеется в виду один произвольный слушатель, генитивная конструкция выглядит странно, потому что разные люди ходят на разные концерты разных композиторов, а для устойчивости отношений имени деятеля нужен определенный, более или менее постоянный в своей привязанности к нему коррелят. Поэтому *постоянный / вечный слушатель Брамса* и звучит лучше: прилагательное «переводит» именно отношение в класс устойчивых, и описываемая ситуация становится семантически сходной с теми носильщиками, которые специализировались исключительно на чемоданах.

3.4. Воры, убийцы и спасатели

Наконец, рассмотрим последнее из объявленных, **четвертое** «исключение», которое мы иллюстрировали запретом на примеры типа **вор старушки*.

Здесь проявляется еще одно свойство устойчивости: длительное отношение между участниками ситуации. Именно поэтому для коррекции конструкции мы использовали прилагательные *постоянный* и *вечный*. Это свойство, однако, требует существенных пояснений.

На первый взгляд, может показаться, что русский генитив должен тем самым быть обязательно связан с протяженными событиями — однако на самом деле устойчивость никак не коррелирует с аспектуальными характеристиками имени деятеля. Например, если взять всем известную минимальную аспектуальную пару *спаситель — спасатель* (кстати, уникальную для русского языка — подробнее об аспектуальной классификации имен деятеля см. прежде всего Шмелева 1988), можно было бы ожидать, что первый член пары, соотносящийся с единичной моментальной — а значит, недлительной — ситуацией (*спаситель*), будет плохо сочетаться с генитивом. С другой стороны, можно было бы ожидать, что второй член пары (*спасатель*), который обозначает профессиональную деятельность и предполагает регулярное повторение ситуации, будет демонстрировать более устойчивые отношения с коррелятом и легче встраиваться в генитивную конструкцию. Однако в действительности все наоборот: правильные сочетания представляют *спаситель человечества* или *спаситель ребенка*, но не: **спасатель ребенка / детей*. На этом примере видна разница между стабильностью ситуации, которую имеют в виду аспектологи, и условием устойчивости отношения между именем деятеля и его коррелятом, выполнения которого требует генитивное маркирование.

«Аспектуальная» точка зрения отражает степень и, тем самым, характер вовлеченности актора в ситуацию: он может быть вовлечен в длительный процесс, в моментальное событие или в стабильное, устойчивое состояние. При этом роль остальных участников с аспектологической точки зрения обычно не важна. Что же касается генитивной конструкции, то она описывает отноше-

ние между *двумя* участниками, и здесь оказывается существенна роль обоих. Например, для генитива важно, сохраняется ли у актора в течение данной ситуации отношение *с одним и тем же* коррелятом (тогда как для аспектологических задач это практически всегда безразлично). В самом деле, актер, связанный с одним и тем же коррелятом — даже и в рамках моментальной ситуации — имеет с ним более длительные и устойчивые отношения, чем в случае повторяющейся ситуации со сменным коррелятом. Хорошей иллюстрацией сказанному будет как раз наша пара *спаситель-спасатель*: ясно, что в этом смысле отношения с коррелятом более устойчивы у *спаситель*, чем у *спасатель*.

Тем не менее, второй член данной аспектуальной пары тоже может выступать в генитивной конструкции — тут все зависит от выбора правильного коррелята. Устойчивость отношения повышается, если коррелят, пусть он и предполагает сменность объекта, как того требует семантика этого имени деятеля, но хотя бы такую, при которой все эти объекты могут быть объединены некоторым общим признаком — ср., например, в целом более приемлемое *спасатель утопающих* (и снова вспомним носильщиков, специализирующихся на чемоданах!). С семантической точки зрения возможность «хорошего» обобщения, т. е. наличие естественного признака, по которому оно бы производилось, очень важна, потому что она дает базу для устойчивости отношения с таким обобщенным коррелятом. Ср. здесь сочетание **спасатель людей* как пример неудачно найденного признака для обобщения.

Все сказанное проливает свет на неожиданный (с точки зрения любой, а не только формальной, синтаксической теории) и абсолютный запрет генитива в примерах, подобных **вор старушки*. Причиной этого запрета является обязательная сменность коррелята как часть семантического представления слова *вор*: обычно вор обкрадывает *разных* людей, а не одного и того же. Любопытно, что здесь не помогает ни множественное число (**вор старушек*), ни прилагательные соответствующей семантики (**постоянный вор старушек*) — специализация такого рода воров не полагается.

Понятно, что свойство обязательной сменности коррелята должно быть очень важно для генитивной конструкции. Это подтверждает поведение других имен деятеля, таких как *даритель* или *проситель*, которые тоже, как и *вор*, не допускают при себе

генитива: *даритель / проситель *Ивана Петровича*, ср. также *грабитель банка / ??банков и под. — для всех этих имен верно, что при повторении ситуации в ней должен участвовать новый коррелят.

Тогда возникает интересный вопрос: почему же в таком случае генитивная конструкция возможна со словом *убийца* (*убийца Смита*)? Ведь убийство представляет собой протитипическую ситуацию обязательной смены коррелята: одного и того же человека можно попросить несколько раз, даже об одном и том же (ср. *проситель*), и в принципе, теоретически, несколько раз обокрасть (*вор*) — но уж никак не убить.

Здесь дело в том, что семантика слова *убийца*, по-видимому, устроена иначе, чем слов типа *вор*: *вор* в каком-то смысле профессиональное имя, хотя, вообще говоря, и человека, который украл однажды, могут назвать вором — но это понимается как преувеличение. Наоборот, *убийцей* назовут любого человека, который однажды убил, вне зависимости от того, сделал ли он это потом еще раз³. Если сказанное верно, то имя *убийца* оказывается гораздо ближе к имени *спаситель*, чем к *спасатель*, так что, в терминах Шмелева 1988, оно должно квалифицироваться как перфектное, а не профессиональное имя, которое, в отличие от *вора*, *грабителя*, *дарителя* и др., выражает устойчивое отношение с коррелятом благодаря природе перфектности: совершившееся однажды в прошлом событие оказывается актуально в настоящем (— и всегда)⁴.

³ Таким образом, исходно должна быть ясна разница между человеком, которого называли *наемным убийцей* (его могли нанять для единственного случая), и человеком, которого называли *киллер* (для него это регулярное занятие с целью заработать денег); современная реальность эту тонкую разницу стирает.

⁴ Понятно, что данное свойство имени *убийца* отражает особенности семантики производящего глагола *убить*; любопытные замечания по поводу этого глагола в связи с его поведением в конструкции с объектным генитивом под отрицанием сделаны А. Б. Летучим (2008). Он анализирует примеры типа *не убивал своей матери* (удивительные для глаголов соответствующего таксономического класса, ср. жесткие запреты типа: *собака не кусала этой девочки) и объясняет допустимость генитива в них семантической спецификой этого глагола. Идея в том, что действие, обозначаемое глаголом *убить*, обладает особой значимостью, «перекрывающей» значимость объекта, что, по его мнению, проявляется

3.5. О любимом

Таким образом, мы разобрали все четыре типа отмеченных нами «исключений» и показали, что во всех них ограничения на генитив связаны с нарушением одного и того же семантического условия. Теперь вернемся к примерам из Partee, Borschev 2000b со словом *favourite* / *любимый*, чтобы объяснить и этот эффект — по крайней мере на материале русского языка.

Но сначала обратим внимание на то обстоятельство, что поведение русских генитивных конструкций все же отличается от английских. Так, английское *Mary's movie* («фильм Маши»), как мы помним, допускает самые разные интерпретации: «фильм, в котором Маша играла», «который она ставила», «который она взяла на прокат», «на который она написала рецензию в местной газете» и др. Для русской генитивной конструкции выбор возможных интерпретаций гораздо более ограничен: дефолтной для нее будет та же, что и в случае *фильм Феллини*, так что по умолчанию Маша окажется создателем этого фильма (в любом своем качестве — например, его режиссером, продюсером и др.).

Большая избирательность русского генитива хорошо согласуется с условием устойчивости: вне дополнительного контекста русский генитив не обозначает то, что можно было бы назвать «свободными» отношениями между именем и его коррелятом, а выделяет наиболее устойчивые, каковым бесспорно является отношение между создателем и его произведением. Соответственно, для любого представителя так называемого класса креативных объектов (картин, книг, стихов, скульптур и под.) — генитивная конструкция выбирает «креативную» интерпретацию в качестве единственно возможной или по крайней мере дефолтной (см. Рахилина 1996, 2000a/2008: 340)⁵. С семантической точки

ся, в частности, в конструкциях с опущением, ср. естественное *он не убивал* на фоне недопустимого **он (пес) не кусал* (вне анафорического контекста).

⁵ Некоторые имена входят одновременно в несколько функциональных классов и поэтому допускают несколько интерпретаций генитива. Так, *портрет X-а* понимается не только как «портрет, созданный X-ом», но и «портрет, представляющий изображение X-а» — потому что портрет, с одной стороны, является креативным объектом, таким же как фильм,

зрения это вполне естественно: по сравнению с креативной интерпретацией все остальные представляют более слабое и более окказиональное отношение между именем лица и коррелятом и нуждаются в серьезной контекстной поддержке.

Прилагательное *любимый* принципиально меняет всю ситуацию: оно добавляет в нее устойчивость (т. е. играет ту же роль, что *вечный* или *постоянный* в контексте *слушатель Брамса*). Действительно, обычно отношение между фильмом и его зрителем мимолетно и случайно, но в контексте *любимый* появляется идея повторяемости и некоторой особой связи с ним зрителя — ведь это уже не просто случайно увиденный фильм. Тогда возникает возможность функциональной интерпретации: *любимый фильм Марии* = ‘тот, который она любит смотреть’.

Итак, теперь ясно, откуда берется новая интерпретация генитивной конструкции в контексте *любимый*. Однако остается другой вопрос — куда девается «старая», дефолтная креативная интерпретация? Почему она не сохраняется, так что не только *любимый фильм Марии*, но даже и *любимый фильм Феллини* уже не понимается как ‘фильм, который она/он больше всего любил(а) создавать/придумывать/делать’? По нашему мнению, причиной для утраты этой интерпретации является конфликт — в конечном счете, между референциальностью и интенциональностью. С одной стороны, в прилагательном *любимый* заложена идея «актуальности»: *любимый* подразумевает, что между человеком и вещью есть актуальный функциональный контакт, и имя *фильм* в этом контексте референтно — ведь фильм уже существует. С другой стороны, общая ситуация, соответствующая данной интерпретации, креативна. Получается противоречие: нельзя любить создавать тот объект, который уже существует.

Все сказанное применимо и к паре *стихи Маши* — *любимые стихи Маши*. Первое содержит креативное имя *стихи* и по умолчанию требует креативной интерпретации, в наибольшей степени удовлетворяющей условию устойчивости отношения, а второе выбирает функциональную интерпретацию, подчеркивая посто-

роман, симфония, а с другой стороны, попадает в класс изображений — ср. такие представители этого класса, как *фотография*, *тень*, *кукла* и др. (см. Rakhilina 2003).

янный контакт, возникающий между человеком и предметом в модифицированном прилагательным контексте.

И наконец, последняя загадка *любимый*, оставшаяся нерешенной: сочетание ^{??}*фильм школьников*, которое вне контекста звучит странно, становится вполне приемлемым в конструкции с прилагательным. На фоне всего сказанного выше, эта загадка не кажется уже особенно трудной: мы знаем, что по умолчанию должна выбираться креативная интерпретация, которая по прагматическим соображениям в этом случае малоестественна — хотя можно представить себе какой-нибудь конкурс, на который представлен, с одной стороны, фильм, созданный школьниками, а с другой — фильм, созданный, например, их учителями: тогда сочетание *фильм школьников* вполне допустимо. Что касается контекста с *любимый*, то здесь выбирается функциональная интерпретация ('который любят смотреть') — с прагматической точки зрения она никаких трудностей не вызывает.

Как видим, условие устойчивости проливает свет и на проблемы, касающиеся прилагательного со значением 'любимый' — по крайней мере для русского языка: оно помогает предсказать различие в интерпретации именных конструкций, возникающих в контексте данного прилагательного. Оказывается, что само это прилагательное привносит в ситуацию устойчивость отношений между лицом и предметом — и в этом смысле способствует сдвигу нереляционного имени типа CN (в обсуждавшихся примерах — *фильм*) в класс реляционных типа TCN, в полном соответствии с моделью Парти-Борщева.

§ 4. Результаты

Последовательно проанализировав все «исключения», представляющие особенную трудность для формальной модели генитива, мы пришли к выводу, что во всех случаях, запрещающих генитив там, где он в принципе должен быть разрешен, есть нечто общее. Значит, речь идет о том, что в русском языке генитив кодирует не просто любое аргументное отношение, а такое, которое удовлетворяет определенным условиям. Эти условия касаются отношений между лицом (оно выражено именем деятеля) и объ-

ектом-коррелятом (он маркируется генитивом). Опишем их в общем виде.

(1) Генитив требует своего рода определенности участников ситуации (или класса участников ситуации), связанных соответствующим отношением: он не допускает того, чтобы лицо, которое названо именем деятеля, соотносилось с любым объектом, ср. **носильщик вещи*.

(2) Генитив требует, чтобы в течение всей ситуации сохранялось отношение между одними и теми же участниками и «не разрешает» имени деятеля менять связанный с ним объект, как это происходит в примерах типа **вор старушки* (*вор* предполагает многократные кражи, но не у одного и того же человека).

(3) Кодированное генитивом отношение связывает имя деятеля с его коррелятом напрямую. В том случае, если имя деятеля соотносится только с группой людей (как в примерах типа *директор завода*), генитив не предполагает автоматического существования связи имени деятеля с отдельным членом этой группы (поэтому такие сочетания, как **директор главного инженера*, оказываются грамматически неправильными).

(4) Генитив выбирает ту пару участников, которые связаны между собой наиболее тесным и значимым отношением — так, из двух пар: '(случайный) зритель' — 'фильм, который он посмотрел' и: 'создатель фильма' — 'его произведение' по умолчанию генитивной конструкцией выбирается последняя (так что *фильм Мариш* будет значить 'фильм, который она создала', а не 'фильм, который она посмотрела').

Все сказанное дает возможность применить к описанию семантики русского генитива метафору *устойчивости*: будем считать, что отношение, которое удовлетворяет приведенным выше критериям, называется **устойчивым отношением** между именем деятеля и его коррелятом. Есть основания полагать, что в русском языке устойчивость является необходимым и достаточным условием не только для класса конструкций, связанных с именем деятеля, но и для других типов конструкций. К рассмотрению этого материала мы и перейдем во второй части нашей работы.

А пока обратим внимание на следующее обстоятельство: идея, что генитив кодирует не любое отношение между участниками, а

только устойчивое, напрямую связана с самой сутью того формализма, который лежит в основе модели Парти-Борщева и Янсена-Викнера. Действительно, эта модель предполагает, что прототипическими для генитивной конструкции являются *аргументные* отношения, а остальные должны приобрести свойства аргументных благодаря некоторому специальному семантическому сдвигу. В чем состоит этот сдвиг лексико-семантически, какие именно свойства благодаря ему приобретаются, формализм не говорит. Между тем, свойство устойчивости отношения очевидно для прототипических именных аргументных зависимостей типа *брат Ивана*. Мы показали, что вести себя как прототипические (т. е. оформляться генитивной конструкцией) могут только те пары имен деятеля и их коррелятов, которые разделяют это свойство или приобретают его благодаря внешнему контексту. Таким образом, выполнение условия устойчивости можно рассматривать как естественную семантическую интерпретацию смены именами формального типа с CN на TCN.

В части II мы проверим эту гипотезу на другом материале.

II. Другие генитивные конструкции

В этом разделе речь пойдет в основном об именах исходно нереляционных, которые, согласно формальной модели русской генитивной конструкции, претерпевают в ее контексте семантический сдвиг. Как и обещали, мы рассмотрим конструкции меры (*стакан воды*), времени (*песня года*), места (*животные тундры*), изображения (*портрет Пушкина*), а также одну достаточно прототипическую для генитива конструкцию с исходно реляционным вершинным именем — часть-целое (*край стола*).

Говоря об этих конструкциях в терминах условия устойчивости, мы будем помнить, что *устойчивость* — это метафора и пока у нее нет формальных аналогов. Но научные метафоры имеют свою ценность и бесспорно полезны, особенно для понимания «размытых» понятий и областей исследования — тех, которые трудно охватить формулами. В лингвистике таких областей достаточно, и лингвисты довольно часто прибегают к научным метафорам, ср. такие понятия, как центр-периферия, прототип, наблюдатель и мн. др. Для данного случая дополнительной трудностью

является то, что устойчивость в отношении между стаканом и водой — не то же самое, что в отношении между стулом и его ножкой, и не то же самое, что в паре создатель и его произведение. Семантика этих случаев различна, к ним нельзя применить одни и те же признаки, а если мы хотим увидеть общее между ними, нам придется подняться на более высокий уровень обобщения.

§ 1. Генитив меры

1.1. Факты

Самый частый пример на эту конструкцию — *стакан воды*; в тот же класс попадают, конечно, и *чашка кофе*, и *бочка меда*, и *цистерна бензина*, и др. под., — довольно ясно такого рода сочетания описаны в русских грамматиках и специальной литературе (ср., например, Золотова 1988). О них мы подробно говорили в предыдущей, третьей, главе этой части книги, где показали, что каждая конструкция предполагает свой топологический тип контейнера, и описали (ссылаясь на работы Апресян 1999, а также Борщев, Парти 1999, 2002, 2010 и наши собственные работы Rakhilina 2004, Рахилина 2004) прототип контейнера для конструкции меры.

Сейчас у нас другая цель: понять, *почему* этот прототип устроен так, а не иначе, с тем чтобы уточнить процедуру стандартного для контейнеров метонимического переноса из нереляционного типа CN в реляционный TCN. Согласно Борщев, Парти 1999 (с. 168—169), она предполагает, что всякое нереляционное имя со значением контейнера способно перейти в реляционное и стать обозначением меры, — а реляционные имена, согласно формальной модели, кодируют свои аргументы генитивом. Трудность, однако, как мы видели, заключается в том, что имеются примеры классических емкостей / контейнеров (причем настолько классических, что среди них есть даже и сосуды!), которые тем не менее не используются в генитивной конструкции, ср.: **футляр очков*, *??ваза цветов*, **аквариум воды / рыб*, **река (чистой) воды*, см. подробнее Главу 3 этой части книги.

Заметим, что в работах В. Б. Борщева и Б. Парти (см. особенно 2010) эта трудность тоже признается и примеры такого рода об-

суждаются. Однако решение, которое они предлагают, связано с переопределением контейнера как типа или сорта объектов — так, чтобы онтологическое определение удовлетворяло условиям успешности конструкции генитива меры. В описании свойств контейнера мы почти сходимся с Борщев, Парти 2010 и др. Единственная разница — мы хотели бы еще и ответить на вопрос, **почему** генитивная конструкция предполагает именно **такого рода ограничения**, и показать, что необходимые по определению свойства контейнера-меры определяются и оправдываются более общими правилами, обратившись к семантике генитивной конструкции в целом: нашей задачей здесь будет объяснение этого материала действием условия устойчивости.

1.2. Интерпретация

Понятно, что идея состоит в том, чтобы показать, что конструкция генитива меры возможна только в условиях устойчивого отношения между емкостью / контейнером и его содержимым. Тогда нужно определить, какое отношение в этом случае мы считаем устойчивым. Вот четыре его важнейших свойства, которые можно рассматривать как критерии устойчивости отношения, если опираться на описание, предложенное для генитива меры в предыдущей главе (ср. также Rakhilina 2004, Борщев, Парти 2002, 2010):

- (1) в условиях устойчивого отношения емкость предназначена для хранения содержимого — этому критерию удовлетворяют *бутылка (бутылка вина)*, *чашка (чашка кофе)*, но не *река (*река воды)*, потому что вода в ней не хранится, т. е. не находится постоянно в определенном количестве, а течет, так что это отношение нельзя признать устойчивым: количество воды не измеряется ее вместимостью;
- (2) при выполненном условии устойчивости, содержимое должно находиться **внутри** емкости — в этом смысле ^{??}*ваза цветов* не описывает устойчивого отношения (и поэтому соответствующее сочетание малоприемлемо), потому что в основном цветы оказываются вне пространства вазы, а это значит, что данная емкость не определяет их объем и поэтому не может служить мерой (как того требует генитивная конструкция);

- (3) по той же причине возможности / невозможности количественного измерения для устойчивого отношения между емкостью и содержимым, в ней должно быть или вещество, или дискретные объекты — но тогда в количестве, достаточном для такого измерения, например, точно больше одного. Таким образом, сочетания типа **футляр очков* или более экзотическое **чемодан шубы* (в значении: 'чемодан, вмещающий одну шубу') этому критерию не удовлетворяют;
- (4) объем емкости, если она способна вступать в устойчивые отношения со своим содержимым, обычно более или менее постоянен и известен — иначе она не может служить «хорошей» мерой. Например, *стакан, бутылка, ведро* являются прототипическими мерами и очень частотны в генитивной конструкции, ср. здесь неприемлемость сочетаний **конверт / *стол бумаг, *кошелек денег, *лифт людей, *печь пирогов, *аквариум воды / рыб* и им подобных, в которых объем емкости легко варьируется, а значит, параметр устойчивости не выполнен.

Таким образом, все те неприемлемые с грамматической точки зрения примеры, о которых в П.1.1. мы говорили как об «исключениях», объясняются нарушением в них условия устойчивости отношения, необходимого для генитивной конструкции.

Между тем, как мы уже наблюдали в первой части на материале имен деятеля, устойчивость отношения возникает не только благодаря исходной семантике входящих в него лексем, но и благодаря контексту. В случае с конструкцией меры это могут быть или количественные слова — числительные (*двадцать два, восемь...*) или квантитативные местоимения — ср. *несколько, немного*, или квантификативные прилагательные, как *полный, целый*. Поэтому в тех случаях, когда исходная конструкция нарушает условия стабильности и неприемлема, она может быть «улучшена» и «исправлена» добавлением таких местоимений или наречий. Как показано в §6 Главы 3 этой части, в силу своих свойств они придают ситуации большую, чем обычно, стандартность, или, другими словами, — устойчивость. Ср.: *??ваза цветов — несколько ваз цветов, *карман ключей — полный карман ключей,*

**аквариум воды — два аквариума воды, *поезд пассажиров — целый поезд пассажиров* и др.⁶

Теперь, когда условия употребления генитива меры описаны полностью, осталось понять, почему они такие. Для этого обратимся к ограничениям, свойственным другим реализациям генитивной конструкции.

§ 2. Генитив времени

2.1. Трудные случаи

Этот тип генитивной конструкции принято называть «генитивом времени». Надо сказать, что выражение временного значения в русском языке распределено между двумя именными конструкциями — генитивной, как в *⟨лучшая⟩ песня года* или *главное событие дня* и атрибутивной, с относительным прилагательным, как в *ночной поезд* или *годовой отчет*. Семантически эти конструкции довольно существенно различаются, так что в большинстве случаев имя в генитиве нельзя заменить на прилагательное — и наоборот, ср.: **лучшая годовая песня, *главное дневное событие* и др. Но с точки зрения задачи этой главы более существенны случаи, когда запрещена генитивная конструкция — при том, что разрешена атрибутивная, а значит, временное отношение между участниками ситуации установлено, ср. примеры (3):

- (3) *весенняя одежда — *одежда весны;*
*воскресный дежурный — *дежурный воскресенья;*
*вековые дубы — *дубы века;*
*годовые кольца — *кольца года;*
*многочасовые дебаты — *дебаты многих часов;*
*ночная стена — *стена ночи;*
*недельная норма — *норма недели;*
*месячный срок — *срок месяца* и др.

⁶ Ясно, что контекст такого рода «помогает» не всегда. Например, **полная река воды* звучит так же странно, как и просто **река воды*, и по понятной причине: *полный* не способно изменить ситуацию ‘течения’ на ситуацию ‘нахождения в / хранения’, а текущая вода не образует с рекой устойчивого отношения.

2.2. Интерпретация

Мы покажем, что генитивная конструкция времени, в отличие от атрибутивной, но точно так же, как конструкции с именем деятеля или меры, имеет в виду устойчивые отношения между ситуацией и соответствующим ей временным отрезком. А именно: генитивная конструкция времени предполагает, что описываемая ею ситуация имеет место в определенный этим временным отрезком конкретный период времени.

В принципе, это условие выполняется для имен, связанных временным отношением, далеко не всегда: пример *песня года* действительно устроен именно так и означает ‘песня, которую пели / которая была популярной в течение этого года’, но *ночной поезд* не означает ‘поезд, который прибыл этой ночью’ — скорее, ‘поезд, который (регулярно) прибывает по ночам’. Поэтому в первом случае генитивная конструкция возможна, а во втором — нет.

Точно такое же нарушение условия устойчивости отношения, как и в *ночной поезд*, демонстрируют и все примеры типа (4), так же не допускающие генитива:

- (4) *весенняя одежда* ≠ *‘одежда этой весны’;
воскресный дежурный ≠ *‘дежурный, нанятый на это воскресенье’;
вековые дубы ≠ *‘дубы этого века’;
недельная норма ≠ *‘норма этой недели’ и др.

С другой стороны, конструкции из (5):

- (5) *впечатления осени* ≠ *осенние впечатления*;
замешательство (первой) минуты ≠ *минутное замешательство*;
сомнения многих лет ≠ *многолетние сомнения*;
опыт второго семестра ≠ *семестровый опыт* и др.

не могут быть перефразированы с помощью атрибутивных без потери временной определенности, ср. атрибутивное *осенние впечатления* как ‘впечатления, характерные для осени (т. е. которые могут быть получены осенью, а не зимой, весной или летом)’, в противоположность генитивному *впечатления осени* — ‘те, которые были получены этой осенью’.

Специальных исследований временных именных конструкций для русского языка, насколько нам известно, не проводилось — важно однако, что наше условие соответствует тому, что обычно говорят грамматисты о противопоставлении атрибутивных и генитивных контекстов: атрибутивные, как правило, называют «квалификативными», т. е. соотносящими предмет с определенным (в нашем случае временным) признаком, а генитивные — описывающие отношение к определенному референту (см., прежде всего, Земская 1992, ср. также Рахилина 2000a/2008: 88—95).

§ 3. Части-целые

Из всего сказанного выше можно ожидать, что чем более устойчиво отношение между частью и его целым, тем более вероятна возможность кодирования такого отношения генитивной конструкцией. Это означает, в частности, что для русского генитива наиболее предпочтительна неотторжимая принадлежность. В принципе, русский язык, как известно, морфологически не различает отторжимую и неотторжимую принадлежность. Но все же в русском есть способы выразить сходные семантические различия синтаксическими средствами. Например, как показано в Рахилина 2000a/2008: 45—55 и Rakhilina, Weiss 2002, различаются части, которые не могут быть отторгнуты от своих целых, такие как *вершина*, *край*, *поверхность* и др., и «обычные» части — как *ручка* (*двери*), *ножка* (*стула*), *крыша* (*дома*) и под. Представители первой группы практически невозможны в контексте конструкции «свершившегося отторжения» — с предлогом *без*: *?гора без вершины*, **чашка без края*, *?стол без поверхности* (для интерпретации такого рода сочетаний нужен специальный сильный контекст). «Обычные» же части легко встраиваются в эту конструкцию: *дверь без ручки*, *стол без ножки* и т. д.

Ясно, что первая группа представляет более устойчивые отношения, чем вторая, и в каком-то смысле можно считать, что она соотносится с классом неотторжимых частей, а вторая — с классом отторжимых. Возвращаясь к семантике генитивной конструкции, обратим внимание, что в русском языке генитив является единственным способом выразить «неотторжимую» (в указанном

смысле) посессивность, тогда как в других случаях широко используются локативные конструкции, ср. (7) и (8):

- (7) *край стола* — **край на столе*,
вершина горы — **вершина на горе*;
 (8) *пальцы руки* — *пальцы на руке*,
полки шкафа — *полки в шкафу*,
страницы книги — *страницы в книге*,
ручка двери — *ручка на двери*.

И в целом, чем сильнее (т. е. чем более устойчиво) связаны между собой часть и целое, тем скорее можно ожидать для них генитивную конструкцию. Заметим, что генитив, например, не кодирует нарушенное отношение между частью и целым, которое очевидно не удовлетворяет условию устойчивости, ср. *ручка от чашки* → **ручка чашки* (последнее интерпретируется всегда только как актуальное отношение принадлежности части целому).

Таким образом, можно было бы говорить о своего рода «шкале устойчивости» для отношения часть / целое, один полюс которой представляют «сломанные» объекты, у которых часть уже отделена от целого, и в этом смысле это предельный случай отторжимости (как *ручка от чашки*), а другой — наоборот, «неотторжимые» части, которые не могут существовать автономно, без своих целых (как *край чашки*). Обычные же части — которые могут быть и актуальными, и автономными — займут середину этой шкалы. На такой шкале можно проследить корреляцию генитива и устойчивости отношения часть-целое:

Подобно временному отношению, отношение часть-целое может выражаться и атрибутивно — *окно чердака* — *чердачное окно*. И так же как с периодами времени, генитив как более устойчивое предпочитает индивидуальное, негенерическое отношение, т. е. спецификацию отношения часть-целое, ср. пару примеров, представленную в (9):

(9) *В доме было чердачное окно (*окно чердака) — Окно чердака было открыто.*

В первом примере характеризуется *тип* окна и используется атрибутивная конструкция; начальная позиция именной группы во втором предложении указывает на специфицированность, конкретность объекта, а это определяет выбор генитива как способа оформления устойчивого отношения.

§ 4. Генитив места

Интересно, что с точки зрения русского языка в чистом виде отношение между объектом действительности и его (временным) местонахождением признается *неустойчивым*, как если бы подразумевалось, что в общем случае предмет не «привязан» к своей актуальной локализации и легко может ее поменять. Так что генитив такое отношение не кодирует, ср. (10):

- (10) *женщины поля ('которые работают в поле');
 *спортсмены стадиона ('тренирующиеся / выступающие на стадионе');
 *поезд станции ('тот, который проезжает / останавливается на / следует до станции');
 *студенты 32-й аудитории ('студенты, которые занимаются в аудитории 32').

Возможен генитив только в том случае, если локативное отношение совмещено с другим, более устойчивым — например, отношением часть-целое, как, скажем, в *перрон станции*: с одной стороны, перрон размещен на станции, а значит, описывается его местонахождение, с другой же — он часть станции, так что это локативное отношение не окказионально, а заведомо устойчиво: перрон от станции никуда не денется.

Любопытно, что ситуация с пространствами как локализациями (ср. такие имена, как *тундра, пустыня, ада*) несколько иная: в отличие от обычных локализаций физических объектов, пространства легко допускают генитивные конструкции: *растительность тундры, чудовища ада* и др.

Дело в том, что объект, находящийся в пространстве, становится частью этого пространства — в отличие от объекта, находящегося на поверхности. Заметим, что сходные ограничения выявлены в Jensen, Vikner 2002 для английских генитивных конструкций на -'s со значением места. Они рассмотрели те случаи, где такой генитив возможен, ср. *Denmark's businessmen* 'датские бизнесмены (букв. бизнесмены Дании)', и те, где он запрещен, ср.: **the garden's businessmen* (букв. 'бизнесмены сада') и сформулировали правило, которое назвали «гипотезой мира» («the world hypothesis»): «лексические значения всех имен содержат ингерентную семантическую роль 'быть частью некоторого мира'» (part-of (y: world)(x)). В таком случае, *Denmark's businessmen* обозначает только тех бизнесменов, которые работают в Дании и могут быть признаны, так сказать, 'частью датского мира'. Причем, согласно выдвинутой ими гипотезе, есть имена, которые «образуют миры», как *universe* 'вселенная', *society* 'общество', *civilization* 'цивилизация', *culture* 'культура', и в их числе названия стран, городов и других территорий — а есть такие, которые в этот список не входят, как, например, *garden* 'сад', поэтому генитивная конструкция **the garden's businessmen* оказывается невозможна.

Вообще говоря, данная интерпретация в чем-то близка к нашей: в частности, бесспорно, что именно сопутствующее отношение часть-целое дает возможность пространственной ситуации кодироваться генитивом. Остается только вопрос — почему. Наш ответ апеллирует к более общему принципу — условию устойчивости отношения: мы считаем, что отношение часть-целое более устойчиво, чем просто пространственное, и, тем самым, оно «добавляет» пространственной ситуации устойчивости — причем это касается не только собственно конструкции генитива места, но и всех других типов генитивных конструкций, и даже взаимоотношений генитивной конструкции с ее прагматическим контекстом.

Действительно, как показано выше, устойчивость может привноситься и контекстно — причем как за счет лексических средств — ср. числительные или квантитативные прилагательные и наречия (для конструкции меры, ср. *полный аквариум воды*; см. раздел II.1.2), так и за счет грамматики, ср. обсуждавшуюся в первой части статьи роль числовых показателей в формировании

устойчивого отношения между именем деятеля и его коррелятом — примеры типа ^{??}*зритель Михалкова — зрители Михалкова* (раздел I.3.3). Тогда мы показали, что в некоторых случаях «сменность» участников отношения, которая ведет к потере им устойчивости и препятствует использованию генитива, может быть «исправлена» генерической интерпретацией, которая на месте сменного единичного субъекта формирует класс имен деятелей (*зрители*), которые постоянно (и устойчиво) связаны с коррелятом.

Таким образом, множественное число или генерическая интерпретация возможны как средства достижения стабильности отношения — и это оказывается верно для генитива места. Ср. следующую тройку примеров (они подсказаны Ю. Ландером):

**птица леса*: «чистое» пространственное отношение между двумя объектами: ‘птица, которая живет в ⟨этом⟩ лесу’ ~

[?]*птицы леса* — тоже пространственное отношение: ‘те птицы, которые живут в ⟨этом⟩ лесу’. Оно может стать чуть более устойчивым, чем первое, если найдется еще какое-то свойство, объединяющее этих птиц и отличающее их от других ~

птицы лесов (‘птицы, которые живут в лесах’ — они не независимы от леса, т. е. не только находятся в нем, но и составляют часть его пространства, и в этом качестве обладают отличительными свойствами по сравнению с теми, которые обитают в тундре, пустыне и проч.).

§ 5. Генитив изображения

5.1. Факты и проблемы описания

Этот тип генитивной конструкции хорошо иллюстрирует пример *Портрет Пушкина* ‘портрет, изображающий Пушкина’, где генитив маркирует отношение между специальным типом артефактов, изображающим кого-то или что-то, и объектом, который изображен. Имен, обозначающих изображения, в языке не так много, поскольку не так уж много существует типов изображений, ср.: *изображение, картина, пейзаж, этюд, карикатура, значок, бюст, статуя, скульптура, памятник, фигура, профиль, отражение, кукла, чучело, пугало*.

Проблема состоит в том, что некоторые имена из этого списка допустимы в генитивной конструкции (назовем их Группа 1), а некоторые (Группа 2) — нет, причем по непонятным причинам, — ср. примеры в (11), представляющие Группу 1, и (12), представляющие Группу 2:

(11) Группа 1:

портрет Пушкина, фотография моей матери, бюст Наполеона, статуя Командора, изображение / отражение моего лица, профиль Людовика XIV на монетах, чучело крокодила, тень дерева, фигура президента

(12) Группа 2:

**картина деревни, *памятник Пушкина, *кукла младенца (в значении: 'изображающая младенца'), *значок костра ('сделанный в виде костра'), *пугало дворника (*имитирующее дворника), *карикатура Горбачева ('представляющая Горбачева').*

5.2. Интерпретация

Наша интерпретация апеллирует, конечно же, снова к понятию устойчивости отношения. В данном случае наиболее устойчивым будет такое отношение, которое описывает изображение и его конкретную модель, т. е. изображаемое — именно так устроены сочетания первой группы: портрет, например, обычно соотносится с тем конкретным человеком, который на нем изображен. То же верно и для фотографий, отражений в зеркале, теней или чучела, имеющего в качестве прообраза какое-то конкретное животное: в каждом случае речь идет о корреляции изображения и вполне определенной модели. Обратим внимание, что сочетание *статуя Командора* звучит лучше, чем, например, *статуя медведя*, поскольку имя *медведь* в этом контексте вряд ли обозначает индивидуальную особь — скорее, вид животного.

Кроме того, в первую группу попали имена, представляющие отношения изображение-модель, осложненное отношением часть-целое, — это *бюст, фигура, профиль*. По понятным причинам, они могут кодироваться генитивом.

Напротив, вторая группа представляет неустойчивое отношение между изображением и моделью, потому что изображения, которые в эту группу входят, не «копируют» свои модели. Например, карикатура нарочно изменяет внешность изображаемого лица, чтобы достичь комического эффекта. Памятник — вообще не обязательно является изображением человека: крест на могиле — тоже памятник, и исходное значение этого имени восходит к *память* — т. е. это некоторый монументальный объект, который воздвигнут в память о каком-то событии или некотором человеке (или людях); таким объектом, в частности, может быть и изображение этого человека — но не обязательно. Поэтому имя *памятник* управляет не генитивом, а дативом, по крайней мере в литературном языке: говорят *памятник Пушкину*, а не **памятник Пушкина*⁷.

З а м е ч а н и е

Преимущество датива перед генитивом здесь вполне мотивировано: с одной стороны, отсутствует устойчивость отношения, с другой — памятник посвящен некоторому лицу (или: лицам, событиям), т. е. предназначен, **адресован** ему, а адресатное отношение в русском языке выражается дативом, в том числе приименным, как в: *письмо жене, рапорт капитану, донос царю, подарок бабушке* и др.⁸, ср. здесь более точный термин «личное предназначение», который мы ввели в Рахилина 2001. Действительно, конструкции, допускающие подлинно при-

⁷ И тем не менее отметим, что для разговорного варианта современного русского языка характерна контаминация двух посессивных конструкций при слове *памятник* — «правильной» с дательным и «неправильной» с родительным (*памятник Пушкина*). Такое смешение, между прочим, не случайно — его можно считать отчасти подкрепленным и грамматически: дело в том, что, например, вопрос к дательному посессивному при слове *памятник* ставится тот же, что обычно действителен и для генитива / притяжательной формы — а именно, вопрос со словом *чей*: *чей памятник?* = ‘кому поставлен’ (ср. *чей убийца?*, *чей учитель?*, *чей ученик?*, *чья рука?* и под.). Параллельно существует и креативная интерпретация вопроса *чей памятник?* (= ‘кто автор памятника’), именно такая интерпретация вопроса с *чей* является часто единственной, тем самым, исключая саму возможность вопроса с *чей* к приименному дательному, ср.: *чье письмо (донос, рапорт ...)?* = ‘кто написал / *кому написано’.

⁸ Об этих конструкциях см. также Mikaelian, Roudet 1999.

именной дательный, соотносятся, скорее, не с актуальной посессивностью, а с *личным предназначением* — т. е. *потенциальной* принадлежностью. Это, собственно, и есть «семантический вклад» приименного дательного в концептуализацию отношения принадлежности. Обязательность такого компонента в семантике приименного дательного лишает те типы посессора, которые выражаются генитивом или притяжательной формой и обозначают, как мы выяснили, устойчивое и, тем самым, актуальное, свершившееся посессивное отношение, возможности оформляться дательным падежом, ср.: *драгоценности фрейлины* → **драгоценности фрейлине, картины Айвазовского* → **картины Айвазовскому* и т. п. Между тем известно, что некоторым языкам, например угорским и самодийским (ср. Терещенко 1973), свойственно грамматическое противопоставление «актуальной» и «потенциальной» принадлежности. Сказанное ясно свидетельствует, что подобное противопоставление не безразлично и русскому.

Точно так же и другие слова второй группы — *кукла, значок, пугало* — не предполагают, что в них запечатлено конкретное лицо или ситуация: они представляют **типичное** изображение и воспроизводят обобщенные свойства, например, младенца (как *кукла*), или какого-то страшила (как *пугало*), или вообще абстрактный символ (как *значок*). Следовательно, эти имена не имеют устойчивых отношений со своим коррелятом-моделью и поэтому не допустимы в генитивной конструкции, ср. **кукла младенца* (для ‘кукла в виде младенца’) или **пугало дворника* (для ‘пугало в виде дворника’). В сущности, тот же эффект мы наблюдали на примере сочетания *статуя медведя*, однако здесь для него есть грамматически корректная пара *статуя Командора*, т. е. в этом случае при изменении коррелята с общего имени на собственное мы добиваемся устойчивости его отношения с изображением: с новым коррелятом слово *статуя* переходит из Группы 2 в Группу 1.

Любопытно, что тот же переход произошел (оказионально) и со словом *кукла*, и тоже в контексте собственного имени. Когда-то на телевидении была программа под названием «Куклы» — она представляла известных политиков в виде кукол, так что участниками ее были кукла Путина, кукла Жириновского, Явлинского и т. д., и для описания этой ситуации устойчивого отношения между образом (кукла) и его прототипом генитивная конструкция

вполне годится. Следовательно, в данном контексте *кукла* тоже переходит из Группы 2 в Группу 1.

Но самым интересным с нашей точки зрения во второй группе является имя *картина* — особенно если учесть, что семантически близкое ему *фотография* попадает в первую группу. Понятно, что фотография копирует свою модель более или менее точно, и устойчивость соответствующего отношения не вызывает сомнений. В английском языке картина и фотография не различаются — они называются одним словом *picture*, но русский дифференцирует эти объекты, приписывая соответствующим именам не только разную семантику, но и, как мы видим, разный синтаксис. С точки зрения русского языка *картина*, в отличие от фотографии, — нечто большее, чем простое изображение фиксированной модели, — это произведение искусства, и поэтому ее соотношение с изображаемым не так прозрачно и устойчиво, как в случае с фотографией.

С этой точки зрения *картина* как физический объект может быть противопоставлена другому значению этого слова — *картине* как мысленному образу ситуации, которую видит наблюдатель — как в *картина смерти* или *картина пожара*. В этом случае отношения имени и его коррелята устойчивы, потому что прообразом мысленного изображения всегда служит конкретная ситуация, — следовательно, в этом значении *картина* по нашей классификации принадлежит уже не ко второй, а к первой группе имен.

Заключение

Общая идея этой Главы состояла в том, чтобы продемонстрировать, что у целого семейства генитивных конструкций есть нечто общее в семантике — а именно, устойчивость того отношения, которое эти конструкции описывают. Таким образом, главным для нашего исследования было понятие *устойчивости*.

Попробуем теперь обобщить полученные результаты.

Говоря о формальной модели русского генитива Парти-Борщева, нельзя не согласиться с тем ее положением, что есть определенная корреляция между возможностью употребить генитив и

наличием у имени аргументного отношения, т. е. его реляционностью. Согласно этой модели, если имя реляционно, генитив кодирует его аргументное отношение, если оно нереляционно, можно считать, что генитив провоцирует в нем семантический сдвиг, в результате которого это имя становится реляционным.

В рамках того же формального направления в Jensen, Vikner 1994 был предложен несколько иной вариант описания действия генитивной конструкции — правда, на датском и английском материале. Принимая за основу семантический анализ имен Пустейковского (Pustejovsky 1995), который акцентирует функциональную составляющую в артефактах, Янсен и Викнер предположили, что в случае с общими, нереляционными, именами аргументное отношение не *вводится* и, тем самым, как бы *присваивается* имени генитивной конструкцией, а *выявляется* ею в семантике самого имени: генитив кодирует те отношения, которые уже свойственны именам и которые описывают их функцию или предназначение. Например, *стакан* как сосуд предназначен для временного или постоянного хранения чего-л. внутри него.

В терминах Московской семантической школы генитивная конструкция тоже не может быть описана без апелляции к лексической семантике имени. В свою очередь, толкование стакана немислимо без упоминания класса лексем, обозначающих его стандартное содержимое. Ср., например, лексикографические описания общих имен типа *окно* в ТКС (1984), где у них имеются валентные отношения.

С синтаксической точки зрения (которую в данном случае представляют Янсен и Викнер) имя *стакан* должно тем самым изначально иметь возможность (пусть скрытую) вступать в аргументное отношение с содержимым.

В принципе, не так важно, какую точку зрения из двух выбрать: теорию семантического сдвига Парти-Борщева или теорию выявления скрытой аргументной характеристики Янсена-Викнера — или еще более либеральную в отношении синтаксического различия между классами реляционных и общих имен Московской семантическую школу — в любом случае важно то, что генитивная конструкция *проявляет* и *кодирует* аргументные отношения имен.

Проблема, однако, в том, что она делает это не всегда — и это проблема для всех описаний, в том числе сугубо дескриптивных, потому что факты такого рода до сих пор не обсуждались и не учитывались в традиционных исследованиях русского генитива. Между тем, как видно из разобранных нами материала, подробный семантический анализ в духе МСШ показывает, что ограничения имеются во всех рассмотренных типах генитивной конструкции, а именно:

- Генитив имен деятеля возможен только в том случае, когда лицо связано с другим лицом (группой лиц) или предметом непосредственно, причем как минимум на протяжении всего хода ситуации;
- Генитив меры не допускает нестандартное содержимое, емкости нестандартного размера или не предназначенные для хранения содержимого;
- Генитив времени разрешен только с коррелятами, которые обозначают конкретные периоды времени, связанные временными отношениями с обозначенным вершинным именем событием;
- Генитив части-целого выбирает устойчивое отношение между частью и целым и невозможен в тех случаях, когда часть отторгнута от целого;
- Генитив места возможен только когда коррелят обозначает не случайное и временное место нахождения объекта, обозначенного вершинным именем, — наиболее предпочтительны для него случаи, когда пространственное отношение между именами поддерживается каким-то другим, более тесным — например, отношением часть-целое;
- Генитив изображения требует, чтобы изображение копировало конкретную модель, иначе конструкция оказывается неприменима.

Конечно, все эти факты, свидетельствующие об ограничениях на разные типы генитивной конструкции, могут описываться независимо друг от друга, как если бы между разными употреблениями генитива не было ничего общего. Но гипотеза, которая была предложена в Partee & Borschev 1998 и Борщев, Парти 1999, 2010 (и отчасти в Борщев, Кнорина 1990) как раз предполагает,

что разные типы употреблений генитива представляют в некотором смысле *одну и ту же* генитивную конструкцию, которая может быть описана единой для всех ее разновидностей формальной моделью, имеющей механизм встраивания в нее произвольного имени.

Если принять эту гипотезу, то все эти отдельные ограничения должны поддаваться общему правилу — его мы и хотели здесь продемонстрировать. В самом общем виде наше правило состоит в том, что генитив не описывает **случайных** отношений и что чем более независимы друг от друга имя и его коррелят, тем меньше вероятности, что данное отношение будет кодироваться генитивной конструкцией.

Так, связь вора со своей жертвой во многом случайна: всякий раз, когда он ворует, он вынужден выбирать новую жертву. Ясной альтернативой этому случаю может служить пример *спаситель Петра*, которое описывает постоянное отношение между двумя людьми, отношение, установленное раз и навсегда. Между тем, отношения между вором и жертвой в некотором смысле похожи на отношение между емкостью неопределенного объема и ее содержимым, или — поездом и временем, когда он прибывает на вокзал, — все эти ситуации предполагают обязательную смену партиципантов.

Понятно, что такие разные ситуации нельзя сравнивать непосредственно: они слишком далеки друг от друга, тем не менее, вопрос именно в том, можно ли говорить о некоторой общей стратегии, которая здесь работает. Нам кажется, что такая стратегия есть, и она описывается метафорой устойчивого отношения (Rakhilina 2004): генитивная конструкция в русском языке обладает свойством выражать устойчивые отношения и не выражать неустойчивые.

К понятию устойчивости как термину можно предъявлять какие-то претензии. Прежде всего, как и другие метафоры, это понятие слишком абстрактно и прямо не отражает ни конкретные примеры, ни лингвистические факты.

В то же время, как у всякой метафоры, у него есть и преимущества: именно с «метафорического расстояния» помощью можно увидеть общее в поведении разных типов генитивной конструкции. А ведь говорящий не запоминает конкретные исключе-

ния и не может самостоятельно составить их списков, у него есть только некоторое общее ощущение того, что можно сказать с помощью генитивной конструкции, а что нельзя, какое имя может в ней участвовать, а какое — нет. Иными словами, понятие устойчивости отношения призвано организовать и определить область русского генитива в целом и предсказать ограничения, которые возникают в разного типа контекстах — по крайней мере тех, которые представлены в настоящей работе.

С другой стороны, речь не идет о каком-то абстрактном адхокковом правиле, чуждом природе данной конструкции и логике SxG. Понятие устойчивости отношения представляется довольно естественным и легко встраивается во все известные нам описания и модели генитивной конструкции — в частности, в модель Парти-Борщева, которая была главным стимулом для данного исследования. Действительно, если мы считаем, что в базовых, прототипических случаях генитив кодирует аргументное отношение, то как раз прототипическое аргументное отношение между соответствующими именами (ср., например, *брат Ивана*) является максимально устойчивым.